ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 34. Сентябрь 2018 г.

Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами)

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

ISSN 2309-5431

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 3я431
Д 541

Редакционная коллегия:
доктор исторических наук, профессор ***Ю.Г. Чернышов*** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент ***О.А. Аршинцева***, кандидат исторических наук, доцент ***А.М. Бетмакаев***, ***С.Н. Исакова*** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент ***В.Н. Козулин***, кандидат исторических наук, доцент ***О.Ю. Курныкин***.

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований № 34. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами) [Текст]** : сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. — 292 с.

Сборник содержит научные статьи исследователей из тринадцати российских городов (Армавира, Барнаула, Екатеринбурга, Йошкар-Олы, Калуги, Москвы, Новосибирска, Омска, Перми, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Томска) и пяти зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады, Китая и Таджикистана). В статьях рассматриваются теоретические, исторические и прикладные аспекты темы использования ресурсов «мягкой силы» в международных отношениях.

Издание предназначено не только для для специалистов (историков, международников, регионоведов, политологов и др.), но и для всех, кто интересуется теорией и историей международных отношений, проблемами «мягкой силы», публичной дипломатии и международного имиджа страны.

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 3я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2018
© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2018

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

БАРНАУЛ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

РЕСУРСЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКТОРАМИ

Ю.Г. Чернышов
Метаморфозы «мягкой силы»: к итогам дискуссии

Данный выпуск «Дневника Алтайской школы политических исследований» продолжает давнюю (с 1996 года) традицию проведения на Алтае конференций и издания сборников по актуальным проблемам политической жизни*. Такие ежегодные конференции проводятся уже 23-й год, и 16-й год они предваряются интернет-обсуждениями с начала апреля по конец июня. Поскольку все эти материалы публикуются и на сайте АШПИ, и в сборнике, в данной вступительной статье будут приведены лишь общие сведения о прошедшей дискуссии, которые могут помочь читателю лучше ориентироваться в тематике и составе участников.

***

С 1 апреля по 30 июня 2018 г. была проведена интернет-конференция на тему «Ресурсы “мягкой силы”: опыт использования государственными и негосударственными акторами». Такие «виртуальные» форумы, предваряющие ежегодные конференции АШПИ, не раз получали грантовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда и других фондов. Они были посвящены, в частности, следующим близким темам, требующим использования междисциплинарных подходов:

«Международный имидж России в XXI веке» (2007 г.);

«Роль российских регионов в формировании имиджа страны» (2008 г.);

«Роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона» (2009 г.);

«Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения» (2010 г.);

«Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность» (2011 г.);

«Информационные войны в международных отношениях» (2012 г.);

«Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения» (2013 г.);

---

* В 2018 году проведение конференции и издание сборника были осуществлены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект организации научно-практической конференции «Ресурсы „мягкой силы“: опыт использования государствами и негосударственными акторами», №18-011-20049г).

«Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия» (2014 г.);

«Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии» (2015 г.);

«Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе» (2016 г.);

«Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях» (2017 г.).

Материалы всех этих конференций изданы в виде выпусков серийного издания «Дневник АШПИ», включенного в базу РИНЦ.

Следует отметить, что тема конференции 2018 года была выбрана так, чтобы можно было продолжить и развить освещение темы использования «мягкой силы» в международных отношениях, начатое на конференции в 2017 году. Тогда были представлены 29 докладов от авторов из девяти городов России (Барнаула, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска, Читы) и четырех зарубежных стран (Армении, Казахстана, Китая и Таджикистана). После проведения интернет-конференции и «очной» конференции в сентябре по итогам был издан сборник статей на тему «Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях» [1]. И уже при подведении итогов дискуссии 2017 года многие участники высказали мнение, что необходимо уделить больше внимания изучению и сопоставлению конкретных трактовок и конкретных практик применения «мягкой силы» в разные эпохи, разными акторами, в разных странах [2, с. 181–182]. Соответственно, именно на эти аспекты и старались обратить внимание участников организаторы конференции в 2018 году.

На интернет-конференцию поступило 47 докладов от авторов из двенадцати городов России (Армавир, Барнаул, Екатеринбург, Йошкар-Ола, Калуга, Москва, Омск, Пермь, Петрозаводск, Ростов-на-Дону, Саратов, Томск) и четырех зарубежных стран (Казахстан, Канада, Китай и Таджикистан). Как и в прошлом году, Алтайская краевая универсальная научная библиотека представила специально подобранный список литературы по теме (он публикуется в приложении к данному изданию) [3].

Говоря о степени изученности темы, можно отметить, что за прошедший год в отечественной литературе появилось немало новых исследований, близких по тематике к данной конференции. Можно отметить, например, работы о публичной дипломатии и о роли нетрадиционных акторов в мировой политике, а также продолжающиеся иссле-

дования екатеринбургских политологов по использованию «мягкой силы» как инструмента политической коммуникации и гуманитарной дипломатии; исследуются в отечественной литературе и отдельные конкретные сюжеты, причем не только из истории, но и из современной политики [см., например: 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Все это еще раз говорит об актуальности темы и о том, что сейчас продолжается активное осмысление «прикладных» аспектов политики «мягкой силы».

Для обсуждения на интернет-конференцию и на «очную» конференцию 2018 года были вынесены две основные темы, связанные с работой первых двух секций. В секции «Опыт применения „мягкой силы“ в международных отношениях до 1991 г.» рассматривался опыт использования ресурсов «мягкой силы» различными странами в период до 1991 г. Изучение этого опыта, с нашей точки зрения, важно и необходимо, так как многие традиции и подходы, заложенные тогда, продолжают сохранять свое влияние и в современных условиях. Довольно интересные экскурсы в историю охватывают периоды с середины XIX века и до окончания «холодной войны» (доклады В.А. Должикова, О.А. Аршинцевой, О.Г. Лекаренко, А.М. Бетмакаева, Н.С. Малышевой, А.Е. Фоминых).

Вторая секция была посвящена теме «Современные интерпретации и практика использования „мягкой силы“ акторами мировой политики». Здесь рассматривались вопросы о том, какие особые интерпретации политика «мягкой силы» получила в конце XX — начале XXI веков, на фоне резкого увеличения числа негосударственных акторов международных отношений и возрастания роли новых информационных технологий. Кроме того, особое внимание уделено тому, как «национальные особенности» проявляются в самом понимании политики «мягкой силы», а также и в конкретных практиках ее использования. В поступивших докладах рассматриваются интерпретации «мягкой силы» (М.Р. Арпентьева, Ю.А. Гаврилова, Л.Г. Коваленко, О.Ч. Реут), европейские и американские сюжеты (Ф.Е. Золотарев, Ю.В. Ларионова, Т. Рокки, К.М. Табаринцева-Романова), примеры стран Азии и Африки (Т.Л. Дейч, К.Д. Долгов, О.Ю. Курныкин, Лу Юй, М.Н. Тажиева, Х.М. Турьинская, Б.А. Умитчинова, В.Г. Цыплин, Ю.Н. Цыряпкина, И.М. Юн). Сделаны также попытки оценить опыт применения «мягкой силы» в политике Российской Федерации (О.В. Вольтер, В.Н. Козулин, В.В. Миронов, К.А. Пахалюк, Д.С. Плотников, А.В. Сковородников).

Наконец, в третью секцию были включены доклады молодых международников. Их можно разделить примерно по тем же тематическим блокам, что и во второй секции: интерпретации «мягкой силы»

(А.А. Бикетова), европейские и американские сюжеты (В.Е. Дергачева, А.П. Ермизина, Е.Д. Кулачкова, А.М. Савоськин, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов), примеры стран Азии и Африки (Ф.Б. Зокирзода, А.Д. Дерендяева) и опыт применения «мягкой силы» в политике России (Е.А. Вьюжанина, Д.В. Леденев, С.Ф. Назаршоева, А.А. Попеляев, А.В. Щепеткова). В некоторых из этих докладов также делались экскурсы в историю (от периода Первой мировой войны до распада СССР).

Дискуссии по выставленным докладам начались еще до проведения «очной» конференции. Так, А.В. Сковородников в докладе «Россия и Сербия: исторические стереотипы и „мягкая сила“» пришел к выводу об отсутствии у России разработанной последовательной программы, содержащей практические шаги применения рычагов «мягкой силы» в Сербии. На это возразил К.А. Пахалюк, который привел конкретные примеры того, что делается в данном направлении. Однако основное обсуждение состоялось на «очной» конференции в сентябре.

***

27–28 сентября в АлтГУ прошла ежегодная конференция Алтайской школы политических исследований «Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы „мягкой силы“: опыт использования государственными и негосударственными акторами)». Организаторами, кроме АШПИ, выступили Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Конгресс интеллигенции Алтайского края, Российская ассоциация политической науки и Российский фонд фундаментальных исследований.

Свое согласие на участие в программном комитете этой конференции дали многие известные российские и зарубежные ученые:

Бондаренко Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН, заместитель директора Института Африки РАН;

Гаврилова Юлия Александровна, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой «Права и международных отношений», Казахстанско-Американский свободный университет, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан;

Григорян Григор Паруйрович, магистр международных отношений; соискатель, Ереванский государственный университет, факультет международных отношений, г. Ереван, Армения;

Корнева Лидия Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, председатель Западносибирского Центра германских исследований;

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета (Краснодар);

Рокки Тони (Rocchi Tony), библиотекарь Справочной библиотеки Торонто (Toronto Reference Library), магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада;

Сунгуров Александр Юрьевич, доктор политических наук, профессор, руководитель департамента прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики, президент Санкт-Петербургского гуманитарного и политологического центра «Стратегия»;

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета.

Открывая работу конференции, председатель оргкомитета, профессор Ю.Г. Чернышов отметил, что АШПИ старается следовать сформулированным еще в 1996 году принципам: «неангажированность, научность, демократизм», и именно это помогает сохранять востребованную научным сообществом традицию. Тема «мягкой силы» уже поднималась на конференции в 2017 году, однако тогда больше внимания уделялось теоретическим подходам. Теперь же решено более подробно исследовать конкретные практики использования «мягкой силы» в разных странах в соответствии с «национальными интерпретациями».

При открытии конференции с приветственным словом к участникам обратился проректор АлтГУ по развитию международной деятельности Р.И. Райкин, подчеркнувший важность активизации научных связей с другими странами. Эту мысль поддержала и Ю.А. Гаврилова (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан).

После приветствий началась работа вебинара «Метаморфозы мягкой силы». С помощью интернет-связи онлайн удалось послушать и обсудить выступления ученых из Торонто (Т. Рокки), Берлина (Д.С. Корсун), Москвы (В.Р. Филиппов), Петрозаводска (О.Ч. Реут), Екатеринбурга (К.М. Табаринцева-Романова) и Иркутска (Л.О. Игумнова). Были рассмотрены самые разные практики — от применения Францией «мягкой силы» в Африке до использования таких своеобразных средств продвижения международного имиджа страны, как эногастродипломатия. Наиболее запомнившимся стало сравнение профессором В.Р. Филипповым «мягкой силы» с «занавеской, за которой скрывается пулемет». Впрочем, признавая, что встречаются и такие практики, участники отметили, что «мягкая сила» настолько не-

определенна, а ее границы настолько размыты, что ни одна формула в отношении ее определения не может быть признана универсальной.

Далее работа шла в двух секциях — «Опыт применения «мягкой силы» в международных отношениях до 1991 г.» и «Современные интерпретации и практика использования «мягкой силы» акторами мировой политики». Организаторы опирались на уже упоминавшийся выше солидный «задел», созданный благодаря весенней интернет-конференции. Следует отметить, однако, что в «очной» конференции приняли участие не только многие участники весенней дискуссии, но и новые авторы.

На секциях «очной» конференции, помимо ученых из Барнаула (О.А. Аршинцева, А.М. Бетмакаев, Д.А. Глазунов, В.А. Должиков, В.Н. Козулин, А.В. Кротов, О.Ю. Курныкин, Н.С. Малышева), выступили гости из Казахстана (Ю.А. Гаврилова), Йошкар-Олы (А.Ю. Фоминых), Омска (В.В. Миронов), Томска (О.Г. Лекаренко) и Новосибирска (А.М. Барсуков, Д.В. Березняков, В.В. Демидов, С.В. Козлов). Практически по каждому докладу были и вопросы, и дискуссии (в частности, не раз поднималась тема о подвижности и условности той границы, за которой заканчивается «мягкая сила» и начинается применение совсем иных методов). Говорилось и о том, что не стоит модернизировать историю политических учений и искать готовую теорию «мягкой силы» в эпохах глубокой древности (там идеи «мягкого влияния» иногда высказывались, но они имели иные смыслы в иных исторических контекстах). В виде сложившейся современной политической теории «мягкая сила» является порождением именно современной цивилизации – с ее глобализационными процессами, геополитическими изменениями, новыми информационными технологиями и т.д.

В завершение второго дня был проведен «круглый стол» молодых исследователей-международников по проблемам «мягкой силы». Здесь выступили авторы из России (В.Е. Дергачева, Е.Д. Кулачкова, Д.В. Леденев, А.М. Савоськин, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов), а также из Казахстана (А.Т. Желдыбаева, М.Н. Тажиева), Китая (Лу Юй) и Таджикистана (Ф.Б. Зокирзода, С.Ф. Назаршоева). Молодые исследователи поднимали серьезные дискуссионные проблемы (в частности, об особенностях культурной политики Китая, Казахстана) и показали высокий уровень их обсуждения.

Подводя итоги конференции, участники отметили, что многие ее результаты актуальны не только в научном плане, но и как материал для размышлений тем, кто принимает политические решения. Было еще раз отмечено, что, хотя в отечественной литературе защищаются диссертации и выходят уже целые монографии по «мягкой силе» (см.,

например: 10; 11), само это понятие отличается многозначностью и неопределенностью, что осложняет использование его в строго научном смысле. Тем не менее, связанные с этим понятием «национальные практики», несомненно, заслуживают изучения.

В заключение участники выразили благодарность всем, кто оказал помощь в проведении конференции — в частности, РФФИ, АлтГУ, сотрудникам научной библиотеки АлтГУ, а также сотрудникам Алтайской краевой библиотеки, подготовившим выставки книг по теме конференции. Статьи и итоги обсуждения решено издать в качестве очередного — 34-го выпуска «Дневника АШПИ», который будет выставлен в сети Интернет на сайте АШПИ и в российской библиотеке ELibrary.

Было принято решение начать подготовку к следующей конференции 2019 года, обратив особое внимание на роль политики исторической памяти в формировании международного имиджа страны.

Литература

1. Дневник АШПИ № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях) / под ред. Ю.Г. Чернышова. Барнаул, 2017.

2. Чернышов Ю.Г. Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность (итоги интернет-конференции) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 178–183.

3. Списки литературы для интернет-конференций о «мягкой силе», 2017 и 2018 гг. // Сайт «Алтайская школа политических исследований». URL: http://ashpi.asu.ru/ic/?p=4078

4. Публичная дипломатия: теория и практика / [Е.А. Антюхова и др.]; под ред. М.М. Лебедевой. М., 2017.

5. Холдоров О.Н. Место и роль нетрадиционных акторов в мировой политике // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17, № 1. С. 38–43.

6. Русакова О.Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» как инструмент политической коммуникации и гуманитарной дипломатии // Дискурс-Пи. 2017. Т. 14. № 1. С. 61–72.

7. Харитонова Е.М., Прохоренко И.Л. «Мягкая силы» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 39–49.

8. Стратегия «мягкой силы» в контексте информационных войн: сборник материалов Международной научно-практической конферен-

ции. Московский государственный лингвистический университет. 2017.

9. Смородина Ю.В. «Мягкая сила» и «умная сила» России в контексте украинского и сирийского кризисов // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2017. № 4. С. 47–54.

10. Тарабарко К.А. Мягкая сила культуры Китая (концептуальное содержание и практики реализации: автореф. дисс. … канд. филос. наук / Забайк. гос. ун-т. Чита, 2017.

11. Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. 2-е изд. М., 2018.

1. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ДО 1991 г.

О.А. Аршинцева

Образ воюющей страны на политических плакатах: Британская империя и США в Первой мировой войне

Первая мировая война, беспрецедентная по масштабам и характеру, поставила общества и властные элиты воюющих стран перед лицом новых, столь же беспрецедентных вызовов, которые были объединены комплексом задач по мобилизации всех ресурсов — людских, военно-стратегических, экономических, политических и информационно-психологических. В условиях затяжного характера войны важным идейно-политическим инструментом консолидации общества в каждой из стран-участниц стала политическая пропаганда. Разнообразная пропагандистская практика времен Первой мировой войны стала предметом исследования начиная с 1920-х гг. (Г. Ласвель), однако, несмотря на достаточно высокую степень изученности, в современном информационном обществе остается актуальной. К тому же новейшие цифровые технологии качественно расширили доступ к источникам, а современные научно-исследовательские методики создали основу для разнообразных по жанру междисциплинарных исследований, включая сравнительный анализ национальных моделей. В этом ряду опыт британской политической пропаганды военного времени оказался одним из самых результативных и новаторских, косвенным подтверждением чему может служить значительное число исследований по теме. Даже на этом фоне история британской политической пропаганды изучена, пожалуй, лучше других, но по-прежнему остается в центре внимания не только английской, но и зарубежной историографии [1]. А обширный фактический материал по теме позволяет выбрать для сравнения — как наиболее репрезентативные — формы и направления пропагандисткой практики Великобритании, избежав при этом повторения традиционных сюжетов, самым популярным из которых был и остается «образ врага», а на второе место по полярности рискнем поставить образ союзника. В выборе объекта для сравнения представлялось важным не только избежать банальности, но выявить на фоне общих закономерностей формирования механизмов пропаганды национальную специфику, обусловленную историей, политическими институтами, культурой и традициями страны. В данном случае дополнительным аргументом в пользу США стало их особое

положение среди воюющих держав в целом и держав Антанты, в частности, а также особый характер трансатлантических отношений между бывшей метрополией и восходящим лидером Нового света.

Разделяя внутреннюю и внешнюю пропаганду по признаку целевой аудитории, а в случае с последней — по направленности на союзников, нейтральные страны и противников, исследователи склонны подчеркивать универсальный характер ее целей. К ним принято относить внедрение в массовое сознание в доступной и яркой форме (как риторически, так и визуально) представлений о целях войны, о необходимых средствах и ресурсах для достижения победы, о своей стране как воюющей нации, ее союзниках и врагах. Учитывая особенности коллективного восприятия и накопленный в предвоенный период опыт использования технологий массовой политической мобилизации (в процессе выборов), вполне объяснима популярность и широкое распространение такого визуального (статичного) пропагандистского продукта как политический плакат. Как раз пропагандистские изображения посредством визуальных образов и предлагали публике ответы на вопросы о том, кто мы, ради чего и против кого воюем и почему мы должны победить. Исходя из этого, можно утверждать, что обобщенный визуальный образ страны, народа, нации (визуализация национальной идентичности, используя терминологию популярной постмодернистской концепции) стал сквозным сюжетом политического плаката военного времени и поэтому является наглядным поводом для сравнения.

Ключ к пониманию базовой символики изображений (на плакатах) кроется в приоритетах и основных направлениях официальной политики каждой страны, интерпретацию которой нужно было донести до общественности (публики) «шершавым языком плаката». Великобритания вступила в войну как центр огромной, самой могущественной Британской империи, потенциал которой сыграл, в конечном счете, решающую роль для достижения победы в войне. Политическое руководство страны признавало (часто в весьма пафосных выражениях) вклад доминионов и других частей империи в войну, но для достижения победы, которая станет, по выражению премьер-министра Д. Ллойд Джорджа в 1917 г., «блестящим триумфом во имя гуманизма и цивилизации», необходима еще большая консолидация сил всей империи [2, p. 34]. В пропагандистской продукции основной вектор имперской политики визуально был представлен в символах имперского патриотизма и внутриимперской солидарности.

Изобразительный ряд апеллировал к сложившимся стереотипам массового сознания и одновременно формировал таковые. Одним

из самых популярных приемов, который использовали художники в плакатах, стала персонификация образа страны (нации) посредством изображения реальных и вымышленных фигур, которые публика воспринимала как носителей национального духа. Так, воплощением мужественности и героизма стал плакатный образ лорда Китченера (военного министра, погибшего в 1916 г.), созданный художником А. Литом. Потомственный офицер, «солдат империи», имевший к 1914 г. за плечами опыт настоящих войн, в британском общественном сознании, ориентированном на патриотические ценности, он органично сочетался с «Девизом Китченера и империи: добейтесь власти и удерживайте!», сопровождавшим его изображение на одном из плакатов. Конечно, создатели плакатов не могли обойти вниманием «самого известного англичанина» Джона Булля — выдуманного персонажа, которого наделяли определенными качествами, олицетворяющими «старую добрую» Англию: упрямство, твердость, сила; его рисовали с бакенбардами, в красном сюртуке, белых брюках или лосинах и коротком цилиндре, обязательно присутствовало изображение флага Великобритании. Для придания большей выразительности имперской символике и узнаваемости образа великой державы художники использовали изображения животных — «самых британских» — льва (пафосного) и бульдога (с известной долей иронии). Олицетворявший силу и мудрость взрослый лев — вожак прайда — в окружении молодых львов, изображенный на одном из самых известных плакатов того времени, символизировал Британию как первую среди равных, своего рода прообраз будущего Содружества наций. Справедливости ради стоит отметить, что образ льва обыгрывался и в других, менее пафосных и скорее комических сюжетах: в паре с канадским бобром или ведущим под британским флагом львят с младенческими нагрудниками. Еще одна «анималистская» версия в продолжение традиции политической карикатуры представляет взрослого бульдога в центре британского флага, по краям которого разместились подросшие щенки, олицетворяющие британские доминионы. Содержание плаката не исчерпывается картинкой — особую смысловую нагрузку несут и лозунги: во всех приведенных примерах — от серьезного до ироничного — они были пронизаны идеей объединения усилий для общей победы.

В отличие от преобладающей в образе Великобритании имперской идентичности американская символика на плакатах военного времени весьма точно отражала особую роль США в Первой мировой войне. Позднее вступление в войну на стороне Антанты стало результатом довольно долгого дрейфа от традиционного изоляцонизма через посредничество между воюющими сторонами к активному участию

с апреля 1917 г. Поэтому военным мобилизационным задачам предшествовала цель убедить американское общество в том, что без вклада США в общую победу нельзя будет покончить с войнами и обеспечить мир на справедливых моральных основаниях. Таков был смысл политической риторики президента В. Вильсона, которая удачно соединила принципы либерального интернационализма с апелляцией к традиционным демократическим ценностям и мессианской роли США. Поэтому с помощью изобразительных средств артикулировались свобода, демократия, гражданская ответственность всех американцев «от мала до велика», самыми популярными героями плакатов стали два вымышленных персонажа — Марианна и дядя Сэм. На одном из самых известных плакатов с призывом к Америке проснуться Марианна — женщина во фригийском колпаке и с американским флагом, символизирующая свободу, — изображена спящей, на других — в активной позе, ассоциирующейся со статуей Свободы, которая превратилась в растиражированный американский символ гораздо позднее. Примечательно, что обе фигуры связаны происхождением с французской революционной традицией. В отличие от них Дядюшка Сэм — чисто американский продукт, происхождение которого относят к 1812 г., максимально и разнообразно растиражированный (около 4 млн) в сопровождении самых разных агитационных лозунгов и призывов: записаться на военную службу, подписаться на очередной военный займ и др. Изображение дяди Сэма, не без легкого комического оттенка, демонстрировало, как и положено такому плакатному портрету, концентрацию энергии и целеустремленность — признанные качества национального характера американцев. Прагматизм и деловитость из того же перечня в соединении с общегражданской солидарностью были представлены на плакатах, которые сопровождали каждый выпуск национального «займа свободы», изображениями женщин-домохозяек, детей, бойскаутов и других категорий американских граждан, которые призывали помочь своей стране и союзникам одержать победу. И, конечно, американские плакаты не могли обойтись без изображения военнослужащих. Примечательно и закономерно, что популярным американским символом военной доблести становится моряк, образ которого ассоциировался с обретенным морским могуществом страны, активной ролью США в войне и будущем мироустройстве.

Подводя итоги, следует сформулировать следующие заключительные тезисы:

1. Первая мировая война оказалась очень подходящим временем для развития политической пропаганды и формирования универсаль-

ных пропагандистских канонов в силу неординарных задач, с которыми столкнулась политическая элита воюющих государств.

2. Практика политической пропаганды продемонстрировала мобилизационный эффект героизированного образа своей страны, который распространялся различными способами, среди которых наиболее массовым и наглядным оказался жанр политического плаката.

3. Выразительный изобразительный ряд плакатов и смысловые символы, которые апеллировали к сложившимся стереотипам массового сознания, лежавшим в основе национально-государственной идентичности, позволяют наглядно сравнить британский и американский варианты плакатной пропагандисткой продукции и выявить особенности каждого из сформированных и транслируемых в публичном пространстве образов.

4. В первом случае самым значимым компонентом, универсальной доминантой стал образ могучей Британской империи, объединенной героическим стремлением к победе как цивилизационному достижению. В образе США преобладало сочетание артикулированных либерально-демократических ценностей, гражданской солидарности и амбициозных лидерских притязаний.

Литература

1. Sander M.L., Taylor Ph.M., Sander M.L. British Propaganda during the First World War, 1914-18. URL: https://www.goodreads.com/book/show/1874178

2. War Cabinet. Original Reference. Minutes of Meetings. Dec 9, 1916 – Febr 28, 1917 // The National Archives. The Cabinet Papers (1-82 inclusive). URL: http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers/cabinet-gov/cab23-first-world-war-conclusions.htm#War%20Cabinet%20 Conclusions%201916%20to%201918

А.М. Бетмакаев

Изучение культурной дипломатии в современной зарубежной историографии «холодной войны»

«Мягкая сила» страны опирается на ресурсы культуры, ценностей и политики нации. Автор этого понятия Дж. Най утверждал, что общественная дипломатия — внешнеполитический инструмент, который использует правительство, — без привлекательного содержания национальной культуры, ценностей и политики не сможет обеспечить «мягкую силу» страны [1, p. 95].

Долгое время исследования по истории «холодной войны» выступали в качестве особой исследовательской парадигмы в общей историографии международных отношений после Второй мировой войны. Их авторы уделяли основное внимание внешнеполитической деятельности, концентрируясь на международной политике, дипломатии высокого уровня и военном деле. Но после окончания «холодной войны» произошли резкие изменения: культура и общественное развитие Запада и Востока, которые были маргинальными в историографии «холодной войны», быстро вышли на заметное место. Одним из важных факторов этого было открытие границ и доступ к основным источникам, которые оставались закрытыми для большинства исследователей на протяжении всей «холодной войны».

За последние 2 десятилетия появилось множество исследований роли культурной дипломатии в международных отношениях. Значительная часть их авторов основное внимание уделяет США и «холодной войне», полагая, что культурная дипломатия стала ключевым инструментом американской политики «сдерживания» СССР. В нашей работе предпринимается попытка охарактеризовать основные подходы и показать результаты в изучении культурной дипломатии в современной зарубежной историографии «холодной войны».

На первый взгляд, понятие «культурная дипломатия» является одномерным, поскольку связано с внешней политикой государства и исключает дипломатическое взаимодействие. Известная и авторитетная американская исследовательница Дж. Гиноу-Хехт выделяет 3 подхода к изучению культурной дипломатии: 1) использование культуры в качестве «инструмента государственной политики и пропаганды»; 2) культурная дипломатия была средством установления отношений с зарубежными странами; 3) культурная дипломатия находится вне сферы государства, во-первых, как продвижение неправительственными акторами «национальной культуры» за рубежом и, во-вторых, как интерактивный международный культурный обмен. Для всех трех подходов культурная дипломатия, в конце концов, — как и классическая политическая дипломатия — инструмент и способ взаимодействия с внешним миром [2, p. 9–11].

Изначально исследования в сфере культурной дипломатии использовали понятие «культурная холодная война», которое описывает действия, используемые правительствами во внешней политике и направленные на воображаемого врага или предназначены, чтобы обратиться к странам и населению в своих собственных блоках. Исследования в рамках этого подхода рассматривали культуру как область конфликта и соревнования между двумя блоками [3–8].

В сборнике статей «Культурная холодная война в Западной Европе, 1945–1960 гг.» [7] представлены материалы международной конференции 2001 г. и, по сути, подведены итоги изучения «культурной холодной войны» в 1990-е гг. В центре внимания многих авторов сборника оказались действия ЦРУ по ведению «культурной войны» против СССР, о которых рассказала британская журналистка и режиссер-документалист Френсис С. Сондерс в своей книге 1999 г. Русский перевод книги был опубликован в 2013 г. По ее данным, ЦРУ финансировало и координировало не только действия правых интеллектуалов и организаций, но и людей левых взглядов. Курируемый ЦРУ «Конгресс за свободу культуры» был платформой для Джорджа Оруэлла, Бертрана Рассела, Жан-Поль Сартра, Артура Кёстлера [3].

К сожалению, ряд авторов сборника «следуют» за интерпретацией Сондерс культурной дипломатии Америки, хотя в книге британки нередки сомнительные сведения и фактические неточности. Критики ревизионистской интерпретации Сондерс обращают внимание на то, что в этом случае понятия «культурная дипломатия» и «политическая пропаганда» оказываются взаимозаменяемыми. Несогласные с этим подходом в своих статьях делают акцент на исследовании «высокой культуры» как политического послания.

Важно также подчеркнуть, что указанный сборник, как и многие другие работы, концентрируется на культурной дипломатии США, и в нем игнорируется тот факт, что Советский Союз тоже был культурной супердержавой. СССР использовал различные формы искусства как инструмент своей внешней политики. После смерти Сталина в 1953 г. использование искусств в советской внешней политике особенно расширилось, становясь глобальным по своим масштабам.

Постепенно в историографии приходило понимание, что культурная дипломатия являлась более сложной областью, чем традиционная дипломатия. Роль деятелей культуры в дипломатических акциях не могла быть оценена однозначно. Иногда результаты этих действий даже противоречили целям, запланированным администрацией, которая, как предполагалось, контролировала культурную дипломатию. Подобные случаи стали предметом изучения в ряде работ, посвященных отношениям между государством и деятелями культуры [9–12].

Американский историк Грэг Барнхисел в книге «Модернисты холодной войны: Искусство, литература и американская культурная дипломатия» пересматривает устаревший ревизионизм: с середины 1970-х гг. ученые и журналисты левых взглядов настаивали, что искусство абстрактного экспрессионизма использовалось в официальной пропаганде для рекламы преимуществ американской свободы и инди-

видуализма. В отличие от Сондерс, Барнхисел указывает, что даже самые лояльные модернистские художники «часто отказывались соответствовать» и редко пели в гармонии с ЦРУ [11, p. 9]. Как постревизионист он полагает, что модернистское визуальное искусство было успешным конкурентом советскому академизму на свободном культурном рынке культуры.

Разделяя этот подход, американская исследовательница Даниэль Фослер-Лушьер в книге «Музыка в американской дипломатии холодной войны» [12] подробно исследует роль музыкантов в культурной дипломатии. С 1954 г. и до начала 1970-х гг. США способствовали тому, чтобы американские музыканты поехали за границу и выступили перед зрителям в странах советского блока. Они устраивали мастер-классы с местными музыкантами, давали концерты в посольствах, что означало установление неустойчивого равновесия между эстетическими ценностями и политическими интересами. Это был ранний пример того, что Джозеф Най называл «мягкой силой». Особое место отводилось исполнению произведений музыкального авангарда. Эта музыка, в отличие от поп-музыки, подтверждала репутацию США как передовой страны в сфере культуры.

Во многих случаях выбор, сделанный людьми, вовлеченными в культурные обмены, не был ограничен простым принятием или отклонением целей государства. Культурная дипломатия была обращена к эмоциям и созданию воображаемой реальности. Такое понимание привело к новым публикациям, в которых исследовались, например, роль экономики и культуры в развитии обществ в эру «холодной войны» [13, 14, 15, 16, 17, 18].

В сборнике статей «Через блоки: культурная и социальная история холодной войны» [13] исследованы процессы культурного обмена и интеллектуального движения из одной страны в другую. В одной из статей показано, как «холодная война» сформировала советский взгляд на кино как пропагандистское оружие (на примере советского фильма «Адмирал Нахимов»).

В сборнике статей «Разделенные сказочные миры? Культурная холодная война на Востоке и Западе» [15] смещают обсуждение с «культурной холодной войны» к «культуре холодной войны» — от вопросов культурной дипломатии к культурным истокам конфликта.

В монографии «Американо-советская культурная дипломатия: Американская премьера» американки Кадры Питерсон Макдэниэл [17] исследованы гастроли балета Большого театра в 1959 г. как один из инструментов пропаганды, разработанных Советским Союзом, чтобы продемонстрировать американской аудитории советское культурное

превосходство. Книга пытается восполнить очевидный дефицит исследований по истории советской культурной дипломатии во время холодной войны. Культурные отношения между двумя супердержавами после Второй мировой войны тормозило опасение, что планы культурного обмена нацелены на подрыв системы ценностей. Тем не менее оба правительства начали рассматривать культурные обмены как инструмент внешней политики. Американский тур советского балета рассматривался Н.С. Хрущевым как победа советской культурной дипломатии в конфронтации «холодной войны».

Тема межкультурного взаимодействия с особой силой звучит на страницах сборника «Музыка, искусство и дипломатия: культурные взаимодействия Восток–Запад и Холодная война» [18] под редакцией финских исследователей С. Микконена и П. Суутари, которые выступили организаторами международной конференции «Культурные обмены Восток–Запад и холодная война» в Университете Ювяскюли в июне 2012 г. Материалы конференции опубликованы не только в указанном сборнике, но и в специальном выпуске исторического журнала в Румынии [19].

По мнению многих участников этой международной конференции, агентам культурной дипломатии иногда удавалось влиять и на дипломатию, и на дипломатические цели. Когда смерть Сталина дала дорогу изменениям в советской внешней политике, было естественным, что артисты и художники играли важную роль в проведении культурной дипломатии. Советское культурное «наступление» расширилось, когда были подписаны культурные соглашения со многими странами Запада. Советские власти стремились свести к минимуму влияние западной контрпропаганды, организуя культурные обмены при помощи частных импресарио и меценатов. Хотя Соединенные Штаты первоначально не желали заключить соглашение о культурном обмене с Советским Союзом, соглашение было заключено и сопровождалось с обеих сторон концертными турами высококлассных исполнителей, включая также хоры, танцевальные ансамбли и симфонические оркестры.

В феврале 2017 г. в Финляндии состоялась международная конференция «Культурные отношения между Востоком и Западом: взаимодействие искусства и культурной дипломатии (1945–2017 гг.) [20]. Конференция является частью проекта «Травма и возрождение», который изучает культурные связи между Востоком и Западом после Второй мировой войны. Проект координируется Центром изобразительных искусств в Брюсселе (BOZAR) и софинансируется программой Европейского Союза «Креативная Европа (Creative Europe)». Проект стартовал в июне 2016 г. и продлится до конца 2018 г.

Мы полагаем, что новые подходы и перспективы, которые открывают подобные широкомасштабные международные проекты при участии также российских историков, вносят ценный вклад в исследование культурных отношений и особенно культурной дипломатии между Востоком и Западом во время «холодной войны».

Литература

1. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. №1.

2. Gienow-Hecht J.C.E. What Are We Searching For? Culture, Diplomacy, Agents, and the State // Searching for a Cultural Diplomacy / ed. J. C. E. Gienow-Hecht, M. C. Donfried. N.Y., Oxf., 2010.

3. Сондерс Ф.С. ЦРУ и мир искусств: Культурный фронт холодной войны / пер. с англ. М., 2013.

4. Richmond Y. Cultural Exchange and the Cold War: Raising the Iron Curtain. University Park, 2003.

5. Shaw T. Hollywood's Cold War. Edinburgh, 2007.

6. Belmonte L.A. Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia, 2008.

7. The Cultural Cold War in Western Europe, 1945-1960 / ed. G. Scott-Smith, H. Krabbendam. L., 2003.

8. Gienow-Hecht J.C.E. Culture and the Cold War in Europe // The Cambridge History of the Cold War / ed. M. P. Leffler, O. A. Westad. Vol. I. Camb., 2011.

9. Cold War Modern: Design 1945-1970 / ed. D. Crowley, J. Pavitt. L., 2008.

10. Castillo G. Cold War on the Home Front: the Soft Power of Midcentury Design. Minneapolis, 2010.

11. Barnhisel G. Cold War Modernists: Art, Literature, and American Cultural Diplomacy. N.Y., 2015.

12. Fosler-Lussier D. Music in America's Cold War Diplomacy. Oakland, 2015.

13. Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History / ed. R. Mitter, P. Major. L., Portland, 2004.

14. Reassessing Cold War Europe / ed. S. Autio-Sarasmo, K. Miklóssy. Milton Park, N.Y., 2011.

15. Divided Dreamworlds? The Cultural Cold War in East and West / ed. P. Romijn, G. Scott-Smith, J. Segal. Amst., 2012.

16. Cold War Cultures: Perspectives on Eastern and Western European Societies / ed. A. Vowinckel, M. M. Payk, T. Lindenberger. N.Y., Oxf., 2012.

17. McDaniel C.P. American-Soviet Cultural Diplomacy: the Bolshoi Ballet's American Premiere. Lanham, 2015.

18. Music, Art and Diplomacy: East-West Cultural Interactions and the Cold War / ed. S. Mikkonen, P. Suutari. Burlington, 2016.

19. Special Issue on Cultural Exchanges during the Cold War // Valahian Journal of Historical Studies. 2013. №20.

20. East-West Cultural Relations: Interplay of Arts and Cultural Diplomacy 1945–2017 (24–25 February 2017, University of Jyväskylä, Ruusupuisto). URL: https://ewcr2017.files.wordpress.com

В.А. Должиков

Отечественный опыт применения «мягкой силы» во внешней политике (дипломатия Н.Н. Муравьева-Амурского в 1848–1860 гг.)

В мае 2018 г. исполняется 160 лет Айгунскому и Тянцзинскому российско-китайским договорам (1858 г.), благодаря которым был урегулирован вопрос о дальневосточных границах двух соседних стран. Отныне за Россией закреплялось левобережье Амура и право судоходства по рекам Амурского бассейна. Инициатором этой беспрецедентной дипломатической акции являлся талантливый русский политик Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809–1881). «Присоединение Амура не стоило России, — вспоминал участник переговоров, — ни капли крови, ни одного выпущенного патрона» [1, с. 91, 95].

Невольно возникает вопрос: как удалось без военных действий присоединить к России громадную территорию общей площадью больше миллиона квадратных километров? Полагаю, ответить на этот вопрос можно с помощью распространенного ныне в мировой и отечественной политической науке концепта «мягкой силы» (soft power) [2–8], применявшейся, как справедливо замечает современный исследователь, на протяжении многих веков [6, с. 31].

Теория «мягкой силы» («жуань шили») была разработана еще древнекитайскими мыслителями. В своем знаменитом трактате «Искусство войны» Сунь Цзы сформулировал ее императивы: «используй мягкие средства, чтобы побороть силу», «избегай сильных сторон противника, используй его слабости». Позже данный концепт заново в современный научный оборот ввел Джозеф С. Най (младший) в конце 80-х гг. XX в. [1–3].

С китайскими традициями генерал-губернатор Восточной Сибири был хорошо знаком. Полагаю, что он был информирован и относительно конфуцианской теории «мягкой силы». «…В административ-

ных действиях мы не лучше китайцев, — рассуждал Муравьев-Амурский в письме своему другу Е.П. Ковалевскому из Иркутска летом 1859 г., — судебная часть наша конечно хуже китайской, дай бог только, чтоб политическая с ними не равнялась» [9, л. 1]. М.И. Венюков также отмечал «навык Николая Николаевича общаться с китайцами» [1, с. 107].

Согласно концепции Дж. Мая, важным звеном инструментария «мягкой силы» является «работа экспертов и советников», обосновывающих стратегию достижения поставленной цели [6, с. 31]. В этом отношении в 1850-х гг. Н.Н. Муравьев-Амурский располагал уникальным кадровым ресурсом. Его консультировали первоклассные интеллектуалы из числа ссыльных оппозиционеров. «Муравьев — генерал-губернатор Восточной Сибири, — подтверждает Н.Н. Пестерев, — человек, говорят, умный, доброжелательный и даже крайне либеральный, друг и приятель всех политических людей, их спрашивает и выслушивает, с ними советуется…» [10, л. 144]. В группе экспертов особую роль играл М.А. Бакунин — политик европейского масштаба, которого в Сибири знали по преимуществу как «бывшего вице-президента саксонской республики» [11, с. 87]. По свидетельству А. Розенталя, на правах близкого родственника Бакунин являлся «одним из доверенных лиц Генерал-губернатора», имел на него «могучее влияние» [12, л. 212-212об]. Данный факт подтверждают и другие современники [13, с. 37; 14, л. 37].

Кроме него, консультантами в течение тринадцати лет являлись: А.П. Балосогло, Г.С. Батеньков, М.А. Бестужев, Д.И. Завалишин, М.В. Петрашевский, В.Ф. Раевский, Н.А. Спешнев и др. [см. подробнее: 15; 16]. Все они внесли свой вклад в разработку стратегии Амурского дела. «Такое необычное сгущение культурных деятелей высшей европейской марки в далеком областном городе, — замечал Н.К. Пиксанов, — с неизбежностью должно было отозваться на расцвете местной жизни» [17, с. 30-31]. В ходе реализации проекта «воссоединения Амура с Россией», как определяет главную его цель М.И. Венюков, генерал-губернатор создал мощный «мозговой центр». В качестве экспертов Н.Н. Муравьев привлекал к сотрудничеству видных российских ученых того времени, в том числе выдающегося синолога В.П. Васильева. Будущий академик «…в это время занимался переводами с китайского описаний рек Амурского бассейна». По проблеме «воссоединения» Амура» генерал-губернатора Восточной Сибири консультировали, например, А.Ф. Миддендорф, П.П. Семенов (Тяньшанский) и Е.П. Ковалевский. Свой вклад внес и адмирал Г.И. Невельской. Он советовал «не упускать момента ослабления Китая, боровшегося

с тайпинами и англо-французами» [18, с. 285-287]. Экспертную поддержку Муравьеву также оказывали представители Русской духовной миссии в Пекине: Н.Я. Бачурин (о. Иакинф), Г.П. Карпов (о. Гурий), о. Аввакум (Д.С. Честной), о. Палладий (П.И. Кафаров) и др. [1; 18; 19; 20, с. 167].

В ресурсный потенциал «мягкой силы», по определению Дж. Ная, должны входить средства массовой информации, «производящие привлекательность» [6, с. 31–32]. Начиная с 1857 г. по инициативе Н.Н. Муравьева стали впервые издаваться региональные газеты [21; 22; 23, с. 39; 24; 25]. «Под умелым редактированием петрашевца Спешнева, — отмечал Н.К. Пиксанов, — казенные «Иркутские губернские ведомости» превратились в содержательный общественно-научный орган. А вслед за «Ведомостями» возникла газета «Амур» [17, с. 31]. По словам В.Д. Скарятина, именно Муравьев-Амурский «первым в России доказал пользу гласности» [26, л. 5-5об]. Благодаря публикациям восточносибирской печати широкое распространение получила идея «тихоокеанской России», которая с энтузиазмом воспринималась образованной русской молодежью. «…Еще студентом, то есть лет за восемь, Сибирь меня привлекала, — вспоминал Б.А. Милютин (младший брат известных государственных деятелей эпохи «великих реформ»), — Амурская эпопея была у всех на языке. Личность графа Муравьева была какою-то легендарною» [27, с. 595]. Используя свою популярность, генерал-губернатор Муравьев-Амурский, действительно, сумел привлечь на службу в Иркутск «целый транспорт молодых чиновников» [26, л. 5].

Как верно замечает современный автор, «потенциал «мягкой силы» — это возможности государства и общества во влиянии на другие страны, с целью добиться расположения этих стран, благоприятного восприятия образа страны, инициирующей действия «мягкой силы» [6, с. 43]. Дипломатия Н.Н. Муравьева-Амурского, без сомнений, соответствовала данному критерию. Цель ее заключалась в «дружелюбном сближении между Россиею и китайским государством». Важно было создать привлекательный имидж России как лояльного посредника в противостоянии западным державам Цинской империи. Характерный в этом смысле инструктаж проходил накануне своей командировки в Пекин сотрудник региональной администрации А.И. Заборинский. «Можно и должно внушить Китайскому правительству, — рекомендовал ему Н.Н. Муравьев, — что дружба и союз с нами им прочнее и полезнее, чем со всяким другим государством и, наоборот, что вражда с нами совершенно гибельна для царствующего ныне в Китае Маньчжурского дома» [28, с. 638–639].

Итак, стратегический успех «Амурского дела» обусловлен оптимальным выбором ресурсов для его осуществления. Дипломатия Н.Н. Муравьева по отношению к цинскому Китаю в целом соответствовала параметрам теории «мягкой силы». Его действия были продуманными, дальновидными, а потому и феноменально эффективными.

Литература

1. Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. 1879. Т. XXIV. №1. С. 81–112.

2. Nye J.S. Soft power. The Means to Sussess in World Politics. N.Y., 2004.

3. Най Дж.С. Будущее власти / пер. с англ. В.Н. Верченко. М., 2014.

3. Абрамов В.А. Императивный потенциал «мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР // Вестник Читинского государственного университета. 2010. №3 (60). С. 8–15.

4. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Политология. 2013. № 14.

5. Должиков В.А., Протасов А.В. «Мягкая сила» как ресурс внешней политики России // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / материалы XXXVII международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2014.

6. Макаревич Э.Ф. Привлекательность мягкой силы и способы ее измерения // PolitBook. 2017. № 1.

7. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 32 (291).

8. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2012. № 1.

9. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 356. Оп. 1. Д. 271.

10. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 95. Особая следственная комиссия 1866 г. Оп. 1. Д. 302 Ч. IV. // Пестерев Н.Н. Исповедь (1866 г.).

11. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. Новосибирск, 1983.

12. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-е Отделение. 1 эксп. Оп. 29. Д. 415. Ч. III // Розенталь А. Письмо

киевскому военному генерал-губернатору И.И. Васильчикову от 10 июля 1860 г. из Иркутска.

13. Быкова В.П. Записки старой смолянки: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 1899.

14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 3-е Отделение. Секр. архив. Оп. 3. Д. 1307.

15 Должиков В.А. Политический альянс М.А. Бакунина и Муравьева-Амурского (к историографии проблемы) // Вопросы политической истории и политологии: сборник научных статей. Барнаул, 1994.

16. Должиков В.А. Феномен графа Н.Н. Муравьева-Амурского в контексте многовариантного национально-регионального политического процесса в России эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х годов) // Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009.

17. Пиксанов Н.К. Областные культурные гнезда. М.; Л., 1928.

18. Венюков М.И. Воспоминания о заселении Амура // Русская старина. 1879. Т. XXIV. № 2.

19. Архимандрит Августин (Никитин). С.-Петербургская духовная академия и российская духовная миссия в Пекине: Архимандрит Гурий (Карпов) (1814–1882) // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской духовной миссии в Китае. СПб., 1993.

20. Палимпсестов И. Преосвященный Гурий: (Из моих воспоминаний) // Русский архив. 1888. Кн. III. № 9.

21. Головачев П. Прошлое и настоящее сибирской печати // Восточное обозрение. 1903. № 17. 21 января.

22. Государственный исторический архив Иркутской области. Ф. 162. В.И. Вагин. Оп. 1. Д. 48. Л. 37 // Вагин В.И. Муравьевское время в Сибири (рукопись).

23. Шевцов В.В. Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857–60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2 (18).

24. Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860-1862) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1961. С. 55-87.

25. Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982.

26.Российский государственный исторический архив. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5396. Л. 5-5 об. // Скарятин [В.Д.]. Беглый очерк

золотопромышленности в Восточной Сибири и значение ее для края (статья).

27. Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний) // Исторический вестник. 1888. № 12.

28. Заборинский А.И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский в 1848–1856 гг. // Русская старина. 1883. Кн. 38.

О.Г. Лекаренко

Мирный атом как инструмент «мягкой силы» сверхдержав в 1950-е гг.

С началом ядерного века Соединенные Штаты Америки и Советский Союз были заинтересованы как в военном, так и мирном применении атомной энергии, а уже в 1950-е гг. политика обмена ядерными материалами и технологиями для их использования в мирных целях стала практиковаться обеими сверхдержавами как инструмент «мягкой силы» для достижения внешнеполитических целей.

Международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии началось достаточно неожиданно. Потеря монополии США на ядерное оружие (СССР испытал ядерную бомбу в сентябре 1949 г., водородную — в августе 1953 г.) и эскалация гонки ядерных вооружений потребовали от американского правительства немедленных ответных шагов. В декабре 1953 г. на заседании ГА ООН президент Д. Эйзенхауэр предложил правительствам ядерных держав передать часть своих запасов урана и расщепляемых материалов в распоряжение Международного органа по атомной энергии, находящегося под эгидой ООН (будущего Международного агентства по атомной энергии — МАГАТЭ), для их использования в мирных целях. С подачи прессы новая политика получила название «Атомы для мира».

Речь Д. Эйзенхауэра задумывалась как призыв к сокращению ядерных вооружений и пропагандистский ход, направленный против СССР. В то время США не располагали ни испытанными образцами энергетических ядерных реакторов, которые могли бы продавать за рубеж, ни данными в пользу того, что ядерная энергия является экономически обоснованной. Эксперты также предупреждали об опасности ядерного распространения, однако в правительстве были уверены в том, что политические обстоятельства вынуждают США к немедленным действиям [1, p. 949-950].

С целью выполнения программы «Атомы для мира» США инициировали пропагандистскую кампанию за рубежом, а также начали

предварительные переговоры с СССР о создании МАГАТЭ. Изменения были внесены в ядерное законодательство США. Закон об атомной энергии 1954 г. предусматривал сотрудничество с другими странами или группой стран в области мирной ядерной энергетики через строительство атомных станций, продажу патентов и расщепляемых материалов. Поскольку переговоры о создании МАГАТЭ могли затянуться на год или больше, США решили подписать двусторонние договоры о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с союзниками и заинтересованными странами.

С этого времени политика обмена ядерными технологиями стала новым значимым элементом американо-советского соперничества. Стремясь не отстать от своего идеологического противника, 18 января 1955 г. Совет министров СССР опубликовал декларацию, в которой говорилось о намерении Советского Союза предложить странам коммунистического блока помощь в строительстве экспериментальных ядерных реакторов с выделением необходимого для работы ректоров и в научных целях количества расщепляемых материалов, а также организации обучающих программ для ученых и инженеров из данных стран в Советском Союзе [2, p. 49].

Вступление СССР в международное сотрудничество в области мирного использования атомной энергии вынудило правительство США ускорить пересмотр политики разделения ядерной информации с союзниками. В представленном 1 марта 1955 г. докладе Совета по национальной безопасности (СНБ) говорилось, что СССР может использовать развитие атомной энергии не только в военных и промышленных, но и в политических целях для того, чтобы распространять свое влияние на развивающиеся страны, такие как Индия, Пакистан или Бирма. СНБ предупреждал, что если Соединенные Штаты не смогут должным образом использовать свой ядерный потенциал, то политически и психологически СССР получит важное преимущество на новом участке битвы холодной войны [3]. 12 марта СНБ утвердил соответствующую директиву № 5507/2 «Мирное использование атомной энергии», в которой были поставлены такие задачи, как сохранение американского лидерства в области мирного использования атомной энергии и предоставление помощи дружественным странам в развитии ядерной энергетики при условии, что предоставленные расщепляемые материалы не будут использоваться в военных целях. Такая политика должна была противостоять тезису советской пропаганды о том, что США заинтересованы только в развитии военной ядерной программы [4].

Поскольку в тот период США и СССР были единственными государствами, которые могли проводить политику помощи другим странам в развитии мирной ядерной энергетики, соперничество между ними было практически неизбежным. Обе сверхдержавы были нацелены на то, чтобы как можно скорее подписать двусторонние соглашения в области мирного использования атомной энергии с как можно большим количеством стран и предпочтительно раньше своего соперника.

Предлагая помощь в развитии мирного атома своим союзникам, правительство СССР стремилось доказать превосходство мировой социалистической системы. В апреле 1955 г. СССР подписал первые соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии с КНР, Польшей, Чехословакией, Румынией и ГДР. Соглашения, предусматривавшие предоставление помощи в строительстве экспериментальных ядерных реакторов, вступали в силу сразу после подписания. Поскольку Советский Союз первым подписал соглашения о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии, это позволило советской пропаганде заявить, что СССР является безусловным лидером в данной сфере. Опережение противника во многом стало возможным благодаря советскому политическому режиму с его централизованном характером принятия решений и отсутствию в соглашениях жестких требований в отношении утилизации ядерных отходов (принимающая сторона давала заверения, что будет использовать полученные ядерные материалы и оборудование только в мирных целях) [2, p. 52].

США подписали первые соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии в мае 1955 г. Это были однотипные договоры, предусматривавшие помощь в строительстве научно-исследовательских реакторов с выделением для каждого такого реактора не более 6 кг обогащенного на 20% урана. Страны-получатели помощи брали на себя обязательство не использовать ядерные материалы в военных целях и принимали условие контроля по выполнению данного обязательства (ежегодные отчеты и проверки, включая инспекции). В результате развития политики обмена ядерной информацией американская Комиссия по атомной энергии расширила свои полномочия и добилась увеличения бюджета. В свою очередь госдепартамент рассматривал ядерные технологии как средство продвижения внешнеполитических интересов США и «психологической войны» с Советским Союзом [1, p. 973–974].

Опасаясь отстать в ядерной гонке, Советский Союз внес изменения в программу помощи союзным странам. В феврале 1956 г. был учрежден Объединенный институт ядерных исследований в Дубне,

задачей которого являлось развитие научного сотрудничества стран социалистического блока в сфере мирного атома [2, p. 53]. Новые соглашения о сотрудничестве в области мирного использования атомной энергии, заключенные в 1957 г. с рядом социалистических и развивающихся стран, предусматривали помощь в строительстве энергетических ядерных реакторов, работа которых зависела от поставок ядерного топлива из СССР. Таким образом, полностью контролируя ядерный цикл, Советский Союз стремился предотвратить развитие военных ядерных программ в союзных странах. Похожую политику проводили Соединенные Штаты, которые стремились продвинуть на мировой рынок разрабатываемые в США типы реакторов, работающие на обогащенном уране, поставляемом из США.

Новый виток американо-советского соперничества наступил после запуска Советским Союзом в октябре 1957 г. первого искусственного спутника Земли. Запуск спутника бросил вызов американскому научному и технологическому лидерству. Выход из данной ситуации американские политики видели не только в увеличении ассигнований на научные исследования, но и в усилении научно-технического сотрудничества западных стран [5, p. 168]. Успехом американской дипломатии стало заключение в ноябре 1958 г. соглашения о сотрудничестве США с недавно учрежденным Европейским сообществом по атомной энергии (Евратом). Соглашение предусматривало поставки американских реакторов в страны Евратома и развитие совместной научно-исследовательской программы по их усовершенствованию.

Таким образом, политика обмена мирными ядерными технологиями использовалось обеими сверхдержавами с целями: 1) продемонстрировать свое технологическое превосходство над противником; 2) контролировать ядерные программы в союзных странах (не допускать перетекания ядерных технологий из гражданской в военную сферу); 3) распространять свое влияние на страны третьего мира, которые рассматривали развитие ядерной энергетики как предмет престижа.

Политика международного сотрудничества в области мирной ядерной энергии выглядела многообещающей, но имела серьезные ограничения, такие как соображения национальной безопасности или экономической выгоды. Ее успех во многом зависел от сохранения лидерства в области мирных ядерных технологий, удерживать которое по мере развития научных исследований в других странах мира становилось все труднее. Обе сверхдержавы также недооценили стремление своих союзников к большей независимости в научно-технической сфере. В Москве и Вашингтоне также отдавали себе отчет в том, что ядерные технологии являются технологиями двойного назначения. По мере

сближения позиций США и СССР по вопросу ядерного нераспространения уже в следующем десятилетии обеим сверхдержавам пришлось корректировать свою политику в области мирного использования атомной энергии даже по отношению к ближайшим союзникам.

Литература

1. Drogan M. The Nuclear Imperative: Atoms for Peace and the Development of U.S. Policy on Exporting Nuclear Power, 1953-1955 // Diplomatic History. 2016. № 5. P. 948-974.

2. Ginsburg G. Soviet Atomic Energy Agreements // International Organization. 1961. № 1. P. 49-65.

3. National Security Council Report NSC 5507/1 «Peaceful Uses of Atomic Energy», March 1, 1955 // Digital National Security Archive (DNSA), Presidential Directives Collection, Document Number: PD00443.

4. National Security Council Directive NSC 5507/2 «Peaceful Uses of Atomic Energy», March 12, 1955 // DNSA, Presidential Directives collection, Document Number: PD00444.

5. Anderson C.P. Outsider in the Senate: Senator Clinton Anderson's Memoirs. N.Y., 1970.

Н.С. Малышева

Культурная дипломатия США в отношении социалистической Польши во второй половине XX века

В годы «холодной» войны культурная дипломатия являлась одним из важных средств борьбы за сферы влияния. Под культурной дипломатией в данной статье понимается обмен идеями, информацией, ценностями, традициями, верованиями и другими аспектами культуры, которые могут способствовать повышению взаимопонимания; это также включает в себя комплекс практических действий в сфере культурного взаимодействия государств [1, с. 34].

Польша занимала особое место среди стран Восточной Европы в восприятии Америки, являясь, по мнению ряда авторов, более открытой для американской культуры в годы «холодной» войны [2, 3]. В первые годы после окончания Второй мировой войны культурные связи США и Польши носили ограниченный характер. Победа коммунистов на парламентских выборах в Польше в 1947 г. ограничила культурный поток: были закрыты отделения английского языка в университетах, за исключением одного в Варшаве и одного в Люблине, американская литература была представлена переводами пролетарских

писателей (Говарда Фаста и др.) и классиков — Дж. Стейнбека, Дж. Лондона, Т. Драйзера. Однако распространению американской культуры способствовало международное радиовещание. Еще с 1942 г. на территории Польши вещала радиостанция «Голос Америки». В 1952 г. в Мюнхене было открыто польское отделение радио «Свободная Европа», позиционирующее себя как неправительственная радиостанция, но в действительности финансируемое с одобрения Конгресса США через ЦРУ.

Основанное в 1953 г. Информационное агентство США (ЮСИА) положило начало так называемому «золотому веку» американской культурной дипломатии. Под эгидой этого нового, независимого от Государственного департамента США Агентства оказались сосредоточены все зарубежные информационные программы, в том числе ранее находившееся в ведении Госдепартамента радиовещание «Голос Америки». Не утратила при этом свою значимость деятельность Центрального разведывательного управления, с помощью которого осуществлялось финансирование ряда культурных мероприятий за рубежом и поездок американских деятелей культуры.

Изменения в американо-польских отношениях произошли после прихода в октябре 1956 г. на пост первого секретаря Владислава Гомулки. Вслед за начавшейся в СССР «оттепелью» в Польше был провозглашен курс на либерализацию. В стране была открыта библиотека Информационного агентства США, начали действовать программы обмена, расширился круг печатных изданий, выставок. Возобновился выпуск журнала «Америка», приостановленный в начале 1950-х гг., повествующий о жизни американцев.

«Культурное вторжение» сочеталось с предоставлением экономической помощи со стороны США. Начиная с 1957 г., Польша стала закупать за злотые в США сельскохозяйственную продукцию — зерно и хлопок — в соответствии с программой продовольственной помощи. За злотые приобретались фильмы, книги, периодическая печать, права на театральные постановки. В 1957 г. в Польше была организована выставка товаров американского производства, на которой были представлены автомобили, одежда, модели домов. В 1956 и 1957 гг. в Сопоте, а в 1958 г. в Варшаве прошли фестивали джаза. На новый уровень вышли и политические взаимоотношения. В августе 1959 г. с трехдневным визитом Польшу посетил вице-президент Р. Никсон, в этом же году стартовала программа обмена «Фулбрайт». В 1960-х гг. Польшу посетили американские писатели Артур Миллер, Джон Стейнбек и др. [2, p. 137] Благодаря этому, среди стран социалистического лагеря Польша стала считаться страной с наименее жесткой цен-

зурой. На польский язык были переведены литературные произведения американских авторов, запрещенные в других странах Восточной Европы; из польских журналов и газет можно было узнать о событиях культурной жизни стран Запада.

Начало войны во Вьетнаме имело отрицательные последствия для культурной политики США. В восприятии многих живущих за рубежом американская литература, музыка, театральные постановки уже не имели эстетического содержания, а являлись ничем иным, как милитаристской и империалистической манифестацией. Если протест против американской внешней политики выражали граждане стран, чьи правительства были лояльны США (Италии, Франции, Германии и др.), то в Восточной Европе неприятие всего американского имело еще больший размах.

«Разрядка» советско-американских отношений дала новый импульс сближения США и Польши. Уже в качестве президента США в 1972 г. Польшу посетил Р. Никсон, результатом визита которого стало подписание соглашения о научно-техническом сотрудничестве и открытие нового консульства в Кракове. После нескольких лет переговоров, в 1976 г. в Варшавском университете открылся Центр американских исследований, а в г. Блумингтон, штат Индиана — Центр польских исследований [3, p. 112]. В Варшаву приезжали на стажировку американские студенты и преподаватели, была открыта научная библиотека, начат выпуск журнала «Американские исследования» (“American Studies”). Открывший центр был первым среди подобных центров в странах социалистического блока.

Введение в Польше в декабре 1981 г. военного положения незамедлительно сказалось на польско-американских связях. В отношении Польши были введены экономические санкции, а 31 января 1982 г. было объявлено президентом Р. Рейганом «днем солидарности с народом Польши» [4, p. 288]. С заявлениями в поддержку движения «Солидарность» выступили такие деятели культуры, как Генри Фонда, Кирк Дуглас, Боб Хоуп. В то же время, на развитии культурных связей политический кризис в Польше практически не сказался.

Насколько успешной оказалась американская культурная дипломатия в Польше? Отвечая на этот вопрос, необходимо иметь в виду, что общей линией социалистических правительств было если не открытое отрицание, то замалчивание или игнорирование достижений американской культуры. Однако культурную дипломатию США в отношении Польши необходимо рассматривать в более широком контексте американо-польских отношений, принимая во внимание существование в США 10-миллионной польской общины. Община рассчитыва-

ла на поддержку со стороны США демократизации Польши, и экспорт американской культуры играл важную роль в этом процессе. В то же время, как указывает польский автор А. Антошек, для поляков, как и для жителей других восточноевропейских стран, культурный продукт из США практически ничем не отличался от культурных продуктов из Великобритании, Канады, Австралии и прочих стран капиталистического мира [3, p. 151].

Кроме того, с конца 1970-х гг. культурная дипломатия США постепенно начала утрачивать свою динамичность, перестав восприниматься правительством как важный компонент американской внешней политики. В представлении американских политиков победа над коммунизмом была одержана путем наращивания военного потенциала и истощения экономики Советского Союза непрерывной гонкой вооружений. Ознакомление мира с американскими пьесами, живописью, музыкой стало восприниматься незначительным приложением к интенсивному политическому диалогу 1980-х — 1990-х гг.

Литература

1. Филимонов Г.Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США. М., 2010.

2. Krenn M. The History of United States Cultural Diplomacy: 1770 to the Present Day. N.Y., 2017.

3. The Americanization of Europe. Culture, Diplomacy and Anti-Americanism after 1945 / Ed. by A. Stephan. N.Y., 2006.

4. Hart J. Empire of Ideas: The Origins of Public Diplomacy and the Transformation of US Foreign Policy. N.Y., 2013.

А.Е. Фоминых

Публичная дипломатия в публичной истории: американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959–1991)

В период «холодной войны» проведение тематических выставок было важным и наиболее масштабным по трудозатратам элементом культурной дипломатии СССР и США. Начало обмену выставками было положено подписанием в Вашингтоне 28 января 1958 г. советско-американского «соглашения Лэйси–Зарубина» о культурных обменах. Первой стала советская выставка «Достижения СССР в области науки, техники и культуры», открывшаяся в Нью-Йорке 29 июня 1959 г. А уже в июле того же года в московском парке Сокольники при огромном стечении народа начала работу Американская нацио-

нальная выставка, вошедшая в историю благодаря знаменитым «кухонным дебатам» Н.С. Хрущева и прибывшего на торжественное открытие вице-президента США Р. Никсона.

В общей сложности до распада СССР Информационное агентство США (USIA) — главный правительственный институт, ответственный за реализацию программ публичной дипломатии — провело в Советском Союзе 19 выставок [1]. Советским посетителям демонстрировалась индустриальная мощь Америки, передовые научные достижения и технические новинки, в том числе бытового назначения, а также культурные явления и произведения искусства. Почти каждая такая выставка показывалась поочередно в нескольких городах, поэтому общее число показов в 1959–1991 гг. составило 87, а география охвата включала 25 городов, включая как мегаполисы (Москва, Ленинград, Киев), так и достаточно удаленные от союзного центра Ташкент, Новосибирск и Владивосток, и провинциальные Уфу или Казань.

Американские выставки в Советском Союзе не получили широкого освещения в историографии, оставаясь лишь малозначительными, «фоновыми» эпизодами противостояния двух сверхдержав. В то же время эти экспозиции оставили большой след в общественной памяти, что нашло отражение во множестве публикаций частного, мемуарного характера. Это воспоминания посетителей — обычных людей, многие из которых в 1950-е — 1980-е гг. были еще детьми или подростками, а также устные рассказы, «городские легенды», прочие нарративы и артефакты, сохраняемые в качестве сувениров и ставшие предметами коллекционирования. Из этих «малых историй» и вещей, как из отдельных нитей, сплетается целостное полотно живой, человеческой истории, эмоционально окрашенной и насыщенной интереснейшими деталями.

Для теории международных отношений обращение к источникам, более свойственным публичной истории открывает возможности для оценки эффективности публичной дипломатии (или пропаганды — в зависимости от контекста) — периода «холодной войны». К источникам, освещающим восприятие в советском обществе американских выставок можно отнести следующие:

1. Аналитические записки (Research Memorandum) USIA [2, 3] — краткие отчеты по итогам выставок в каждом из городов. Они резюмируют опросы и наблюдения, сделанные сотрудниками агентства и работавшими на выставке гидами. USIA тщательно фиксировало типичные вопросы советских граждан, позитивные и негативные комментарии, отражающие восприятие американских научно-технических до-

стижений, внешней и внутренней политики США, популярной культуры, образа жизни американцев.

2. Записи, оставленные советскими посетителями в книгах отзывов выставки [4, 5, 6, 7]. Следует учесть, что работа с письменными отзывами как с историческим источником сопряжена с определенными ограничениями. Зачастую сложно определить, при каких обстоятельствах — добровольно или под давлением — была сделана та или иная запись. Кроме того, по многим выставкам в архивах США (NARA) сохранились лишь переводы оригинальных отзывов на английский язык, причем отобранных на основе субъективного подхода аналитиков USIA. Многие отзывы самими переводчиками обозначены как фрагментарные [8].

3. Воспоминания американских гидов и советских посетителей, письменные и устные. Значительный объем таких нарративов присутствует в записях «Живого Журнала» (LiveJournal) и других блогах Интернет; интервью с гидами легли в основу отдельных исследований [9] и публиковались и на сайте Госдепартамента США [10].

4. Разнообразные визуальные источники, включая фото- и кинохронику выставок (так, Американская выставка в Сокольниках запечатлена в полнометражном документальном фильме Д.А. Пеннебейкера «Открытие в Москве», выставка «Туризм и отдых в США» в Уфе 1973 г. — в советском любительском кинофильме) [11]. Ценность для исследователя также представляют различные документы (буклеты, журналы, фотографии), ставшие доступными в оцифрованном виде благодаря частным историкам-любителям.

Анализ публичного сегмента источников по американским выставкам в СССР позволяет выявить некоторые общие закономерности.

Во-первых, позитивных отзывов и воспоминаний о посещении выставок и контактах с американцами значительно больше, чем негативных. Положительные отзывы различаются нюансами: иногда это просто констатация факта, что выставка действительно удалась, иногда — вежливое выражение благодарности американскому народу и его президенту (Эйзенхауэру, Никсону, Форду, Бушу и пр.); очень часто — комплименты гидам или положительная оценка качеств тех или иных экспонатов.

Во-вторых, если выставки 1959–1979 гг. еще вызывали немало скептических комментариев, то две экспозиции периода перестройки — «Информатика в жизни США» (1987–1989) и «Дизайн США» (1989–1991) — воспринимались уже с почти единодушным восторгом. Это свидетельствует об очевидном углубившемся разрыве в качестве жизни и уровне потребления между двумя странами, разочаровании

населения в советской системе, завышенных ожиданиях от сближения с Западом.

Среди критических комментариев можно выделить несколько ключевых тем [8, p. 890–903], которые, на наш взгляд, применимы к большинству выставок в период 1959–1979 гг.:

1. *«Догнать и перегнать».* Суть подобных отзывов сводится примерно к следующему: да, американцы добились серьезных успехов в развитии, но подождите немного — и у нас будет то же самое, и даже больше и лучше. Это наблюдается и в 1959 г., и на последующих отраслевых показах, особенно в 1960-х гг. («Транспорт в США», «Связь в США», «Промышленная эстетика в США» и др.). Так, посетителей выставки «Исследования и разработки в США» (1972) абсолютно не впечатлила обгоревшая в космосе капсула корабля «Аполлон 10» (успехи СССР в освоении космоса были общеизвестны), в то время как показанные там же автомобили вызывали всеобщий ажиотаж. Повсеместно ходили слухи о якобы проводившейся на выставке лотерее, где главным призом выступал автомобиль (в Донецке — «Форд», в Казани — «Линкольн Континентал»), что американскими источниками не подтверждается.

2. *«Ненастоящая Америка».* Некоторые зрители откровенно не верили показанному на выставках уровню материального благосостояния американцев («Доступны ли эти блага простому рабочему?»). Технические специалисты, которых было немало среди посетителей, подозревали, что американцы не хотят демонстрировать «средства производства» — промышленное оборудование и научные разработки, при помощи которых достигается высокое качество жизни. В то же время в ряде воспоминаний говорится о направлении на выставки целых делегаций инженеров советских институтов, заводов и конструкторских бюро — фактически с целью промышленного шпионажа [12].

3. *Сомнительность американских достижений, демонстрируемых на выставке.* Аргументами советских комментаторов в заочной полемике с американцами становились достижения социализма: социальная справедливость, бесплатное образование и здравоохранение, пенсионное обеспечение. Такие «агитаторы» (определение USIA) бичевали на страницах книг отзывов пороки американского общества: социальное неравенство, наличие бедных и малограмотных, расовую дискриминацию («Свободу Анджеле Дэвис!»), ограниченный доступ к образованию и достижениям культуры, войну во Вьетнаме. Изредка отзывы принимали форму откровенно антиамериканских лозунгов и даже стихов («Фотография в США», Алма-Ата, 1976).

В то же время тональность критических комментариев варьировалась в зависимости от места проведения. Так, в Казани в 1972 г., в отличие от других городов, посетители почти не затрагивали раскручиваемую советскими СМИ тему разгула преступности в США. Это было связано с тем, что в столице Татарской АССР в начале 1970-х молодежные группировки поделили город на сферы влияния, враждовали друг с другом и терроризировали население (что напоминало телерепортажи «Международной панорамы» об уличных бандах Бронкса или Лос-Анджелеса).

Огромную роль в установлении психологического контакта с советскими людьми играли работавшие на выставках гиды — в большинстве своем молодые люди, владеющие русским языком и языками народов СССР. Так, в Казани, по свидетельствам USIA, гиды со знанием татарского языка «притягивали татарскую аудиторию, словно магнит» [13]. Улыбающиеся, дружелюбные, внешне привлекательные американцы располагали к себе советских людей, что не вязалось с официальной пропагандой, и вызывало обоснованную подозрительность со стороны советских властей и спецслужб. Наконец, сувениры — значки, яркие полиэтиленовые пакеты, глянцевые буклеты и даже украденные хромированные эмблемы автомобилей — эти «кусочки Америки», которые можно было раздобыть только на выставках, превращались в фетиш, предмет охоты и обмена, особенно у молодежи.

Начиная с самой первой экспозиции 1959 г., американцы сделали упор не на прорывные технологические достижения, а на консюмеризм, повседневную жизнь в Соединенных Штатах. Выставки были призваны продемонстрировать привычность американцев к научно-техническим и культурным новациям, массовость и доступность товаров, считавшихся в Советском Союзе предметами роскоши. На фоне, в общем-то, небогатого быта большинства советских людей того времени разрыв в уровне качества жизни в СССР и США был не просто очевиден — он буквально ошеломлял, вызывая культурный шок. В большинстве воспоминаний посещение американской выставки — особенно в детстве — отображается как очень яркое, волнующее переживание, незабываемый опыт, сравнимый с путешествием в другую страну или даже на другую планету. «Полный восторг», «очередь, как в Мавзолей», «полет на Луну», «чудесное откровение» — в таких выражениях вспоминают о своих походах на выставки США современные блогеры [14].

Таким образом, в свидетельствах обычных людей американские выставки в Советском Союзе предстают совершенно в ином свете, нежели в официальной историографии. Даже принимая версию о пропагандистской направленности этих мероприятий, их нацеленности на демонстрацию американского превосходства, следует признать их чрезвычайно высокую эффективность по степени воздействия на массы, что пока недооценено историками и политологами, исследующими феномен «мягкой силы».

Литература

1. Chronology: American Exhibits to the U.S.S.R. U.S. Department of State. Diplomacy in action. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eur/ci/rs/c26473.htm

2. Thomas J.R. Report on Service with the American Exhibition in Moscow. March 15, 1960. California: The Rand Corporation. URL: http://www.rand.org/pubs/papers/2008/P1859.pdf

3. National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 33. Research Memoranda, 1963-99.

4. Visitors' Reactions to the American Exhibit in Moscow: A Preliminary Report. 28 September 1959 // NARA 306/1070/10*.

5. National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Office of Exhibits, "Comment Books and Lists of Visitors Related to U.S. Exhibits in the U.S.S.R, Rumania, and Bulgaria".

6. Американская выставка в Москве. Книга Отзывов // Ab Imperio. 2010. № 2. С. 187–217.

7. Фоминых А.Е. Выставка «Исследования и разработки США» в Казани 1972 г. в американских источниках // Запад-Восток. 2017. № 10. С. 231–244.

8. Reid S. Who Will Beat Whom? Soviet Popular Reception of the American National Exhibition in Moscow, 1959 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2008. Vol. 9. No.4. P. 855-904.

9. Tabarovsky I. "A Tribe of Exhibit People": American Guides Recall Soviet Journey // The Wilson Quarterly. Fall 2016. URL: https://wilsonquarterly.com/quarterly/the-lasting-legacy-of-the-cold-war/a-tribe-of-exhibit-people-american-guides-recall-soviet-journey/

10. Interviews of Former American Exhibit Guides. U.S. Department of State. Diplomacy in action. URL: https://2009-2017.state.gov/p/eur/ci/rs/c26659.htm

11. Выставка «Туризм и отдых США» в Уфе, 1973 год (видео). URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=51&v=Mrjij9_ooQE

12. Кузнецов С. Перелистывая архивы. «Фотография в США», 1976 год // Сергей Кузнецов. LiveJournal, 03.11.2009. URL: https://kuznecovsv.livejournal.com/36827.html

13. National Archives Records Administration, USA. Record Group 306. U.S. Information Agency. Entry 64. Office of Research and Media Reaction. Box 33.Research Memoranda, 1963-99. Research Memorandum M-79-72. National Attitudes of Soviet Tatars in Kazan. P. 2.

14. Плехов Д. Дизайн США, выставка в городах Советского Союза в 1989 году // Дмитрий Плехов. LiveJournal, 28.01.2013. URL: https://plekhov.livejournal.com/17973.html

2. СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» АКТОРАМИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

М.Р. Арпентьева

Концептуальные проблемы теории «мягкой силы»

Концепция «мягкой силы» (“soft power”) создана политологом Дж. Наем. Однако идея мягкой, или гибкой силы (власти или мощи) как «способности добиваться того, что тебе нужно, через привлекательность (attraction) более, чем через принуждение или плату» не является абсолютно новой: ее озвучивали Лао-Цзы, А. Грамши в своем учении о гегемонии и др. Она развивается в рамках теории неолиберализма, как один из ее компонентов. Эта концепция также связана с включением в процессы управления странами транснациональных корпораций. Но, как полагает Дж. Най, «суть не в том, кто важнее — государство или негосударственный актор, а в том, что в современное время на результат влияют комплексные коалиции» [1, p. 157; 2]. Под «жесткой силой» понимается совокупная политическая, экономическая и финансовая мощь, «мягкая сила» включает такие компоненты, как культурные обмены и культура (набор значимых для общества ценностей, не сводимый к массовой культуре, компоненты культуры, привлекательные для других народов и культур), внешняя политика и политическая идеология (дипломатия в широком смысле слова, при условии ее легитимности и обладания моральным авторитетом), политические ценности (если внутренняя и внешняя политика государства согласуется с ними, происходит не только декларирование, но и следование им) [2, p. 51; 3, с. 34].

Дж. Най описывает также арбитры (referees) «мягкой силы» и объекты ее воздействия (receivers). Арбитры и легитимизирующие институты — управляющие и интерактивные инструменты «мягкой силы», включая совокупность медиаресурсов, разные виды дипломатии. Целевые группы (реципиенты) — политические, экономические и иные элиты, а также социально активные группы людей, воспринимающие ценности, понимания себя и мира, модели поведения и взаимодействия, индоктринируемые через soft power. В ситуации изменения акторов политических отношений между странами изменяются и базовые опоры защиты государств, изменяется и понятие национальной безопасности: ведущими в ней становятся вопросы экономики и экологии. Военная сила и иные виды «жесткой» силы (hard power) в современном мире слишком дороги: важнее иные инструменты, связанные с построением

взаимозависимости и гармонизацией такой взаимной зависимости, преодолением ее асимметрии и т.д. [1, p. 158].

Дж. Най выделяет ряд основных тенденций в преобразовании силовых взаимодействий в мире: экономическая взаимозависимость, транснациональные акторы, национализм в слабых государствах, распространение «высоких» технологий, меняющаяся политическая проблематика [1, p. 160]. Особенно важным моментом является информация: особенно та, что подвергается или подлежит широкому распространению [1, p. 164]. Государства понимают важность изменения стратегии поведения, отхода от «жесткой силы», принуждения и репрессий, к более «мягким» воздействиям на уровне таких «нематериальных силовых ресурсов, как культура, идеология и институты» [1, p. 167]. Дж. Най определил «мягкую силу» как способность страны убеждать других делать то, что она захочет, без применения силы или принуждения [2, p.10], по его мнению, успешные государства используют как «мягкую», так и «жесткую» силу, сочетая способность принуждения других вместе со способностью управлять их пониманием себя и мира. Границы «мягкой силы» размыты и ее трудно контролировать в процессе достижения тех или иных конкретных целей. «Мягкая сила» — это побуждение других хотеть результатов, которые вы хотели бы получить», способность привлекать и достигать взаимопонимания (привлекательная сила) [1, p. 19]. «Жесткая» сила, или «жесткое» могущество, — это способность к принуждению, обусловленная военной и экономической мощью страны. Мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами [4, с. 5], что важно для решения вопросов, требующих многостороннего сотрудничества [5, с. 17; 6]. «Мягкая сила» как форма власти подвижна, легко приспосабливается к обстоятельствам, это «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек» [2, с. 45, 47].

Однако мягкая сила часто подменяется пропагандой и декларациями, поэтому Дж. Най предлагает концепцию «умной силы» (“smart power”). Для «умной силы» типична способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой» сил» [7]. «Мягкая» сила определяется через соблазнение, привлекательность, аргументацию субъектов власти. «Жесткая» сила использует агрессию, насилие, шантаж, угрозы, санкции. «Умная» сила определяется как сочетание «мягкой» и «жесткой» силы. Также спецификой умной силы является четкая цель, перевод ресурсов в эффективный результат, план или стратегия достижения цели и опытное руководство [8]. О.Ф. Русакова пишет, что «жесткая власть связана с внешним принуждением.

Субъективно она воспринимается как власть внешних сил, которые подчиняют себе человеческую волю. <…> такая трактовка власти сформировалась под влиянием классической и неклассической политической философии и получила широкое распространение. <…> В постмодернистской трактовке <…> в современную эпоху наиболее эффективным способом властвования является гибкая власть, или soft power. <…> [Она] не воспринимается в качестве силы, которая действует извне. Мягкая власть — это власть, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие» [9, с. 182].

В современной теории и практике при этом идет обогащение представлений о «мягкой силе»: исследователи по-разному рассматривают компоненты «мягкой силы» [10; 11; 12; 13]. Некоторые включают в нее такие компоненты как: 1) бизнес/инновации (business/innovation) — привлекательность экономики страны в плане открытости, способности к инновациям; 2) культура (culture) — влиятельность институтов и достижений культуры, распространенность языка, международный охват культурными продуктами страны; 3) правительство (government) — привлекательность модели управления страны; 4) дипломатия (diplomacy) — способность формировать благоприятный национальный нарратив для международной аудитории; 5) образование (education) — привлекательность системы вузовского образования, академическая мобильность [12, с. 77–78]. Economic Soft Power включает экономические аттракторы (характеристики экономической привлекательности, включая инвестиционную) [9, с. 120; 10]. Human Capital Soft Power — гуманитарный капитал, основанный на привлекательности системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности и т.д. [9, с. 120; 10].

Culture Soft Power — инструменты культурного влияния, а именно, международное признание значения и размеров культурного прошлого и настоящего народа и страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных отношений и обменов. Political Soft Power — «система характеристик уровня развития институтов политической демократии и защиты прав человека, уровень развития гражданского общества, партисипации и интерсубъективного управления, волонтерства и иных форм «крауд-участия» (массового участия) т.д. Diplomatic Soft Power — дипломатическая репутация страны, характеристики эффективности и продуктивности дипломатических акций и деятельности в целом в переговорных процессах, степень миролюбия

и дружелюбия, способность к предотвращению агрессии и нейтрализации угроз, способность к установлению и поддержанию конкретной глобальной повестки дня [9, с 120; 10].

Другие исследователи, изучая «мягкую силу» как «репутационную категорию, считают ее компонентами репутацию экспортных товаров, репутацию государственного управления, человеческие качества населения, развитие туризма, инвестиции и иммиграцию, историческое наследие страны, ее культуру, условия для бизнеса, популярность медиапродукции, распространенность языка, отношение к внешней политике, развитие науки в стране, репутацию высокопрофессиональных услуг (медицинских, образовательных, финансовых, юридических и др.)» [13, с. 17].

По мнению третьих, например, в работах А.И. Егорова и А.М. Гудгольда, «мягкую силу» нужно «рассматривать прежде всего сквозь призму таких элементов, как имидж страны, ее миссия в мире, идеология, культура, права человека, образование, а также публичная дипломатия» [11, с. 27]. А.И. Егоров и А.М. Гудгольд пишут, что «мягкую силу» «необходимо рассматривать не только в качестве потенциального источника тактических и стратегических угроз для страны, но и как эффективный инструмент продвижения ее интересов на международной арене». В силу своей гибкости и зависимости от складывающейся ситуации и целеполагания «мягкая сила» может использоваться в продуктивном сочетании с более традиционными (жесткими) элементами внешней политики государства. Однако типичная для России и иных стран «недооценка влияния «мягкой силы» со стороны органов государственной власти, а также отсутствие грамотной стратегии в сфере развития и применения собственных ее ресурсов способны негативно повлиять на устойчивость политической системы страны, вызвать подрыв легитимности действующих органов власти, породить сомнения в правильном выборе социально-экономического строя и в худшем случае вызвать центробежные процессы в государственной жизни» [11, с. 25–26].

Однако значимость разных компонентов различна: В. Брандт называл государственное содействие международным культурным отношениям самой прочной колонной внешней политики государства [14, S. 613]. Поскольку основным моментом этой силы является культура, постольку в международных отношениях ведущими оказываются стсратегии межкультурных отношений: консолидации и солидаризма, притязаний на самобытность, национального и культурного самостояния, нациестроительства (nation building), а также наднациональной интеграции и формирования суперэтносов. В целом «популярность „мяг-

ких“ стратегий во многом стала следствием растущего запроса на политическую и цивилизационную идеологию» [15, с. 146–147; 16]. Также важным моментом является связь «мягкой силы» с экономическими и религиозными стратегиями и успехами народов и стран. Религиозные и экономические доктрины и их идеологическое влияние мало изучены и часто игнорируются, он играют большую роль в управлении отношениями внутри стран и между странами. Особенно мало учитывается «диалектика секуляризации»: возвращение значимости религий после периодов ее отрицания и наоборот. Кроме того, важным моментом во всех аспектах «мягкой силы» является ее реалистичность. Поэтому, как пишет Дж. Най, «пропаганда возникает там, где ощущается нехватка правдивости и достоверности. Это контрпродуктивно для „мягкой мощи“. Хорошая публичная дипломатия и пропаганда должны находиться на большом расстоянии друг от друга» [17, p. 101]. В.С. Изотов отмечает, что ««мягкая мощь» всегда побеждает пропаганду за счет более гибких и универсальных доктрин, основанных на привлекательных политических и экономических идеях <…> Там, где присутствует разрыв между реальным и желаемым (как правило, демократическим) образом государства на мировой арене, «мягкая мощь» исчезает или сокращается до регионального экономического влияния», поэтому «полноценная «мягкая мощь» как системная идеологическая стратегия может быть присуща только демократическим государствам со зрелым гражданским обществом» [15, с. 150, 154].

Однако до сих пор вопрос о значимости этой силы не решен. Так, Д.М. Галларотти и иные сторонники концепции, исходя из космополитической теории власти, основанной на интеграции трех ведущих парадигм международных отношений — реализма, неолиберализма и конструктивизма, полагает, что изменения в мировой политике подняли ценность «мягкой силы» по отношению к «жесткой силе» [18], К.С. Грей и иные противники, опираясь на представления реализма, скептически относятся к «мягкой силе», отмечая важность, прежде всего, «жесткой силы» [19]. Д.М. Галларотти выделяет два основных источника «мягкой силы»: 1) внутренний, в который входят культура (социальная сплоченность, высокое качество жизни, свобода, достаточные возможности, толерантность, притягательный образ жизни) и политические институты (демократия, конституционализм, либерализм, плюрализм, хорошо функционирующее правительство); 2) внешний, в который включены уважение международных законов, норм и институтов, поддержка многостороннего подхода, соблюдение международных договоров и союзнических обязательств, готовность жертвовать краткосрочными национальными интересами ради общего блага, либеральная

внешнеэкономическая политика). Но отношения этих сил не всегда просты: они способны усилить или ослабить друг друга, многое зависит и от политического контекста [18]. К.С. Грей предостерегает от переоценки потенциала, возможностей «мягкой силы» [18], поскольку существуют конфликты, которые не могут быть разрешены дипломатическими или другими невоенными средствами, и требуют оперативных мер. При этом контексты отношений стран и народов в современности интенсивно изменяются и долговременных последствий действия «мягкой силы» можно не дождаться и/или получить не те последствия, что были прогнозируемы. Важно, чтобы только «жесткая сила» применялась с учетом концепции «справедливой войны».

В целом, и в стороне пропонентов, и в стороне оппонентов есть понимание важности комплексного применения «мягкой» и «жесткой силы» для усиления влияния государства в мировом пространстве [19]. Это явилось основой разработки нового концепта — «smart power» или «умной власти/силы». При этом «умная сила» дает ответы на ряд вопросов: какие цели или результаты представляются желательными; какие ресурсы есть в наличии, и как их наличие/отсутствие может измениться в контексте той или иной ситуации; каковы положение и предпочтения тех целевых объектов, на которые предпринимается попытка влияния; каковы шансы на (не)успех в том случае, если этнос или страна/государство обращаются к «жесткой», или «мягкой силе», при использовании их разных комбинаций; какова вероятность (не)успеха и какими могут быть последствия успеха или неуспеха при применении «мягкой, «жесткой» и «умной сил». Здесь нужна осмотрительность, которую реалисты справедливо ставят на первое место в стратегии «умной силы» [20]. Поэтому важнейшими моментами концепции «умной власти» могут считаться принцип единства, комбинирования ресурсов hard power и soft power; принцип контекстуальности/конкретности и гибкости, предполагающий выбор сочетания этих сил в зависимости от исторического, политического и ситуативного контекстов; принцип синергии, гармонизации и баланса жесткого и мягкого влияния таким образом, чтобы они могли взаимно увеличивать продуктивность и эффективность друг друга [21]. На наш же взгляд, еще более важным является принцип реальности и осмысленности (осознанности): «воля к истине», отсутствие торопливости и жадности, стремления к бессмысленному насилию и превосходству и т.д., что согласуется и с основными императивами Дж. Ная и многих иных исследователей [2, 11, 22, 23, 24].

Литература

1. Nye J. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 80. P. 153–157.

2. Nye J. Soft Power. N.Y., 2004.

3. Murden S.W. The Problem of Force: Grappling with the Global Battlefield. Boulder, L., 2009.

4. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США и Канада: экономика, политика, культура. 2007. №1.

5. Астафьева Е.М. «Жесткое» влияние «мягкой силы» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2009. №12.

6. Рогозин А. Коммерческий пиар и политические технологии объединяются (Беседа А. Рогозина с Дж. Наем о НАТО, России и «умной силе»). URL: https://www.apn.ru/publications/article20896.htm

7. Най С.Дж. (мл.). Будущее власти. М., 2014.

8. Фурсов К.К. «Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины // Дискурс-Пи, 2014. Т. 11. № 2–3. С. 129-133.

9. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. №. 32.

10. Holik Gr.G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia // Political Science Quartery. Vol. 126. № 2. Summer.

11. Егоров А.И, Гудгольд А.М. «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1.

12. Лагкана Т., Мук В. Soft Power Таиланда // Дискурс-Пи. 2016. № 2.

13. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35).

14. Brandt W. Bedeutung und Aufgaben der auswärtigen Kulturpolitik // Bulletin des Presse-und Informationsamtes der Bundesregierung. 1967. № 7.

15. Изотов В.С. «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и Российская модель для сборки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 4. 2011.

16. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. 1992. № 1–2. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publikacii_Polisa/M/1992-1-12-Matz-Ideologii_kak_determinanta_politiki.pdf

17. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power // The Annals of the American Science Academy of Political and Social. 2008. Vol. 616, March. Public Diplomacy in a Changing World.

18. Gallarotti G.M. Soft Power: What Is It, Why It Is Important, and theConditions under Which It Can Be Effectively Used // Wesleyan University, WesScholar. URL: http://wesscholar. wesleyan.edu/div2facpubs/57

19. Gray C.S. Hard Power and Soft Power: the Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century // Strategic Studies Institute Monograph. URL: http://www.strategicstudi esinstitute.army.mil/ pdffiles/PUB1059.pdf

20. Най Дж.С.-мл. Умная сила: эссе // Политическая наука. 2012. № 4.

21. Русакова О.Ф., Ковалева Д.М. «Мягкая сила» и «Умная власть»: концептуальный анализ // Социум и власть. № 3 (41). 2013.

22. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2000.

23. Най Дж.С. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М., 2006.

24. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.

О.В. Вольтер

Гуманитарная дипломатия Русской православной церкви и исламских организаций как фактор «мягкой силы» в продвижении духовно-нравственных ценностей российской цивилизации

«Мягкая сила» — это форма внешнеполитической стратегии, которая позволяет добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Американский политолог Джозеф Най считал, что язык и культура страны — это «мягкая сила», которая играет важнейшую роль в международных отношениях, во многом определяет мировую политику и деловые контакты. Идея использовать «мягкую силу» в управлении государством принадлежит древнекитайским философам. Лао-цзы, живший в VI в. до н.э., говорил: «В мире нет предмета, который был бы слабее и нежнее воды, но она может разрушить самый твердый предмет».

В российской политике категория «мягкой силы» была впервые применена президентом Владимиром Путиным в его программной предвыборной статье по внешней политике «Россия и меняющийся мир» (2012 г.). В. Путин определил «мягкую силу» — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, за счет информационных и других рычагов воздействия: «…Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать

благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский» [1]. Таким образом, наравне с информационной политикой развивается еще одна составляющая российской «мягкой силы» — публичная дипломатия во всех ее проявлениях, а «мягкая сила» является важной составляющей современной международной политики.

Гуманитарная дипломатия основывается исключительно на применении факторов «мягкой силы». При этом она обращается к общечеловеческим ценностям, расширению культурного обмена, продвижению национальной культуры и языка, защите прав и свобод граждан, соблюдению норм международного права. Гуманитарная дипломатия способствует участию сторон в ненасильственном разрешении политических и социальных конфликтов, миротворческой деятельности, помощи населению, пострадавшему в условиях бедствий и войн, предотвращению преступлений против человечества, угнетения и дискриминаций людей.

Как считает министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, в международных отношениях сложилась ситуация, которая во многих отношениях хуже, чем во времена «холодной» войны [2]. Формирование позитивного имиджа России в мире в условиях хаотичности и нестабильности международного миропорядка — одна из ключевых внешнеполитических задач страны. Позитивное восприятие страны в мире обеспечивает развитие экономической и социальной сферы, способствует эффективному разрешению противоречий с другими странами и субъектами международных отношений, усиливает позиции государства на мировой арене. А это особенно важно в условиях негативного информационного давления со стороны западных держав.

В данной ситуации очень важно, на наш взгляд, пропагандировать и внедрять в систему международных контактов основные парадигмы российской цивилизации, основанной и веками формировавшейся на религиозных и духовно-нравственных ценностях, — это духовность, доброта, терпимость, вера, истина, уважение, взаимопомощь, нравственность, справедливость. На внешнеполитической арене необходимо четко позиционировать Россию как основу самостоятельной цивилизации, как сильное независимое государство, выступающее за равноправие всех государств и многополярное мироустройство.

Как считает А.О. Наумов, на сегодняшний день в России можно выделить несколько наиболее активно действующих институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии: МИД и его структуры, неправительственные организации и институты гражданского общества, глобальные

СМИ, ведущие университеты страны, РПЦ и ислам [3]. Огромную роль в пропаганде духовно-нравственных ценностей российской цивилизации играют Русская православная церковь и исламские религиозные институты и фонды как активно действующие институты «мягкой силы» и общественной народной дипломатии.

29 октября 2015 г. в Москве прошел третий международный форум «Религия и мир». На секции, посвященной теме «Религиозные благотворительные организации в России и в мире», выступил председатель Синодального отдела по благотворительности епископ Орехово-Зуевский Пантелеимон. Он подвел итоги социальной деятельности РПЦ за последние десятилетия. С 1991 г. РПЦ получила возможность вновь беспрепятственно заниматься социальным служением. Социальная система государства в 90-е годы находилась в тяжелом состоянии: в больницах не хватало медикаментов, средств гигиены, персонала для ухода за больными. Добровольцы и сестры милосердия помогали нуждающимся. В 2000-х гг. благотворительность стала одной из основных задач РПЦ. За 25 лет было создано 72 приюта для бездомных, 56 пунктов выдачи вещей, 11 автобусов милосердия, 70 реабилитационных центров для наркозависимых, 232 церковных проекта, в которых помощь получают алкоголезависимые. Благотворительные программы действуют в России и в странах СНГ. В Синодальном отделе по благотворительности отлажена четкая система реагирования на крупные чрезвычайные происшествия. РПЦ помогала пострадавшим от наводнений в Крымске, на Дальнем Востоке, на Алтае, в Хакасии и Забайкалье, в Сербии и на Филиппинах. Важным направлением в работе РПЦ стала помощь мирным жителям, пострадавшим от военного конфликта на юго-востоке Украины. С конца декабря 2014 г. Синодальный отдел по благотворительности отправил на юго-восток Украины более 500 тонн продуктов, что позволило обеспечить питанием более 80 тысяч человек [4].

РПЦ оказывает посильную помощь в восстановлении Сирии. 3 декабря 2017 г. в ходе своего выступления на Архиерейском соборе президент России Владимир Путин заявил: «Рассчитываю, что Русская православная церковь, опираясь на свой авторитет в мире, окажет посильное содействие в объединении усилий мирового сообщества для возрождения Сирии». По словам президента, православная церковь могла бы применить свои возможности для оказания гуманитарной помощи гражданам пострадавшей от войны Сирии и оказать содействие в восстановлении разрушенных культурных центров [5]. Межрелигиозная делегация Рабочей группы Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ в феврале 2017 г. посетила Сирию и Ливан, куда была доставлена партия гуманитарной помощи, средства

на которую были собраны российскими верующими. Груз весом 77 тонн раздали нуждающимся в Дамаске и Алеппо, а также в лагере беженцев в долине Бекаа на ливанско-сирийской границе. «Мы прекрасно понимаем, что Сирия является сегодня тем местом, где решается мировая политика… Несмотря на все это, мы, как люди веры, находимся вне политики. Мы готовы помогать всем, кто страдает там. Наша позиция не меняется: политикой пусть занимаются политики. Мы занимаемся благим делом — гуманитарной миссией», — заявил начальствующий епископ Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников) Сергей Ряховский [6].

По мнению главы Духовного собрания мусульман России муфтия Альбира Крганова, сирийский народ должен определить свою судьбу без какого-либо вмешательства извне. 10 декабря 2017 г. в Москве состоялась встреча членов Межрелигиозной рабочей группы по оказанию гуманитарной помощи населению Сирии, Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте России, секретаря ОВЦС по межхристианским отношениям иеромонаха Стефана (Игумнова) и председателя Духовного собрания мусульман России муфтия Альбира Крганова с министром по делам вакуфов Сирийской Арабской Республики шейхом Мухаммадом Абдус-саттаром Ас-Сайидом. М. Абдус-саттар Ас-Сайид высоко оценил роль России и российского народа в освобождении Сирии от террористов и поблагодарил религиозные общины России за оказываемую гуманитарную поддержку.

Исламские благотворительные организации играют важнейшую роль в миротворческой деятельности в разных регионах мира, способствуют участию сторон в ненасильственном разрешении политических, военных и социальных конфликтов, помогают людям, пострадавшим в бедствиях и войнах. Так, региональный общественный фонд имени Рамзана Кадырова оказал гуманитарную помощь более 10 тысячам жителей и беженцев из Сирии, пострадавшим в результате военных действий. Крупные благотворительные акции проведены Фондом и для беженцев из Мьянмы. В то же время широкомасштабные акции проходят в городах Алеппо и Дамаске. Р. Кадыров рассказал о благотворительной акции для беженцев из Мьянмы: «Их лагеря расположены вдоль границы на территории Бангладеш. В священный месяц Рамадан в семи лагерях беженцев проводится ежедневный ифтар для пяти тысяч человек. Эта акция охватит до 150 тысяч постящихся» [7].

Более того, Фонд выделил средства на проведение других масштабных работ. Отреставрировано 10 мечетей в лагерях беженцев. Ста имамам мечетей оказана материальная помощь. Глава Чечни на протяжении многих лет развивает связи с мусульманскими странами. Р. Кадыров

выполняет роль посредника в общении с исламским миром. Работают чеченские власти и с диаспорой. Так, в прошлом году благотворительный Фонд им. Ахмата Кадырова в Германии, в Киле, провел благотворительную акцию в честь праздника Курбан-байрам — на торжественный ужин были привезены беженцы из Сирии, Ирака и других стран. Нельзя не упомянуть о проводимой правительством Чеченской Республики программе возвращения детей, вывезенных их родителями на территорию Сирии и Ирака. Благодаря активной помощи Рамзана Кадырова за это время удалось возвратить 71 ребенка и 26 женщин.

Таким образом, гуманитарная дипломатия Русской православной церкви и исламских организаций как факторов «мягкой силы» в продвижении духовно-нравственных ценностей Российской цивилизации является особенно важной. Она играет одну из ключевых ролей в формировании процессов политической коммуникации. А это является весьма актуальным в условиях политической нестабильности в системе современных международных отношений.

Литература

1. Косачев: России нужны новые подходы к «мягкой силе» // Российская газета. 1.03.2012. URL: https://rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html

2. Минаев С., Яковлев С. МИД МЭН [«Портрет» Министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова] // Esquire. №133. Июль 2017. URL: https://esquire.ru/hero/20452-lavrov

3. Наумов А.О. «Мягкая сила» и внешнеполитический имидж Российской Федерации // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. 30.03.2015. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/magkaja_sila_i_vneshnepoliticheskij_imidzh_rossijskoj_federacii_2015-03-30.htm

4. Церковная благотворительность: главные итоги за 25 лет // Русская Православная Церковь. Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению. 29.12.2015. URL: http://www.diaconia.ru/cerkovnaya-blagotvoritelnost-glavnye-itogi-za-25-let

5. Путин: Рассчитываю на помощь РПЦ в деле возрождения Сирии // Федеральное агентство новостей. 3.12.2017. URL: https://riafan.ru/1002990-putin-rasschityvayu-na-pomosh-rpc-v-dele-vozrozhdeniya-sirii

6. РПЦ: Миссия религиозных деятелей РФ в Сирии находится вне политики // РИА Новости. 15.02.2018. URL: https://ria.ru/religion/20180215/1514701556.html

7. РОФ имени Героя России Ахмата-Хаджи Кадырова проводит масштабные благотворительные акции в Сирии и в лагерях беженцев из Мьянмы // Глава и Правительство Чеченской Республики. Официальный портал. 14.06.2018. URL: http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=21247

Ю.А. Гаврилова

«Мягкая сила» и международные экологические отношения

Родоначальником концепции «мягкой силы» по праву считается американский ученый в сфере международных отношений Джозеф Най, который еще в конце прошлого века связывал «soft power» со способностью влиять на то, что хотят другие страны с помощью таких главных «ресурсов как культура, идеология и институты» [1, с. 167]. Такое влияние является противоположностью принуждения, последнее в теории международных отношений приравнивается к понятию “hard power”.

В дальнейшем три главные составляющие «мягкой силы» Джозефа Ная подвергались серьезному научно-теоретическому анализу философами, политологами, международниками, находя, с их стороны, как положительные, так и негативные оценки. Особо подчеркнем, что первоначально концепция разрабатывалась как теория в мировой политике и дипломатии. Однако с течением времени она трансформировалась и распространилась на иные сферы общественных отношений — экономические, культурные, социальные и экологические.

С позиции предмета нашего небольшого научного труда «мягкая сила» представляет интерес именно в международных экологических отношениях, так как в этом направлении проблема является малоизученной и требует дальнейшего исследования. Причем объясняется это тем, что экологические проблемы начинают волновать человечество в глобальном масштабе сравнительно недавно в 70-80-е гг. XX в., когда нарушается устойчивость окружающей среды, приводящая не только к исчезновению отдельных видов представителей флоры и фауны, но и усилению влияния негативных последствий неблагоприятной окружающей среды на жизнь и здоровье человека.

Итак, по мнению большинства исследователей, «мягкая сила» «направлена на достижение результата с помощью убеждения, притяжения и сотрудничества» [2, с. 134]. Главным результатом «мягкой

силы» с позиции международных экологических отношений является достижение целей в области эффективной охраны окружающей среды и рационального использования экосистем и обеспечения более безопасного и благополучного будущего, поставленных в Повестке дня на XXI век. Ни одна страна не в состоянии добиться этого в одиночку; однако мы можем достичь этого совместными усилиями — на основе глобального партнерства в интересах обеспечения устойчивого развития, — указано в Преамбуле документа [3].

Причем партнерство должно реализовываться как на международном, региональном, национальном уровнях, так и на уровне сообщества между всеми его участниками — государством в лице органов государственной власти, общественными объединениями, организациями, предприятиями и т.д. — всеми природопользователями. Как заявил в своем докладе на Международной конференции труда еще в 1990 г. Генеральный директор МОТ Мишель Хансен, «на самом деле существует одна центральная проблема, которая охватывает почти все обсуждения в области экологической политики — как справедливо распределять затраты и выгоды от экологических действий. «Кто будет платить за улучшение состояния окружающей среды?» — это вопрос, который необходимо будет обсудить и разрешить на всех уровнях с точки зрения потребителей, работников, работодателей, а также местных, национальных, региональных и международных учреждений [4]. Не ставя целью ответа на поставленный вопрос, подчеркнем, что для «мягкой силы» в международных экологических отношениях важна деятельность всех участников экологических отношений независимо от уровня сотрудничества.

На уровне международного сообщества в направлении достижения целей в области эффективной охраны окружающей среды и рационального использования экосистем и обеспечения более безопасного и благополучного будущего были проведены ряд крупнейших конференций в рамках Организации Объединенных Наций: межправительственная конференция по окружающей среде в Стокгольме (1972 г.), конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) и, наконец, в Йоханнесбурге (2002 г.).

Главными итогами работы конференций стали принятые одноименные конференциям международные договоры — Стокгольмская декларация, Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию, Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, заложившие основу перехода к эре устойчивого развития.

Стокгольмская декларация содержала 26 принципов, являющихся, по мнению Р.А. Перелета, сводом «мягких законов» международной

природоохранной деятельности [5, с. 10]. Не возлагая жестких обязательств на государства, Декларация признавала необходимость планирования и управления природными ресурсами, борьбы с загрязнением, недопустимость нанесения ущерба экосистеме планеты. При этом, несмотря на декларативный характер, «во многих государствах были созданы специальные ведомства, занимающиеся проблемами охраны природы, новый импульс получило экологическое право, активизировалось международное сотрудничество в данной сфере, стало развиваться такое направление дипломатии как экологическая дипломатия [6, с. 158]. Дополним, по оценкам специалистов, до Стокгольма во всех странах мира было только 10 министерств охраны окружающей среды; к 1982 г. такие министерства и департаменты были созданы почти в 110 странах [5, с. 11].

Продолжением реализации концепции устойчивого развития стало принятие Декларации Рио-де-Жанейро в 1992 году, содержащей 27 принципов охраны окружающей среды. Новеллой Декларации стала рекомендация для государств обеспечить на национальном уровне, чтобы каждый человек имел соответствующий доступ к информации, касающейся окружающей среды, которая имеется в распоряжении государственных органов, включая информацию об опасных материалах и деятельности в их общинах, и возможность участвовать в процессах принятия решений…. Обеспечивается эффективная возможность использовать судебные и административные процедуры, включая возмещение и средства судебной защиты (принцип 10 Декларации) [7].

Положения Декларации начинают активно имплементироваться на внутринациональном уровне государств путем принятия специальных стратегических документов, программ, концепций, а также создания органов, обеспечивающих реализацию этих документов.

Так, в США в 1996 г. был принят стратегический документ Environmental Justice Implementation Plan, согласно которому Агентство по защите окружающей среды как главный природоохранный орган обязан обеспечить доступ к принятию решений: «те, кто должен жить в рамках экологически принятых решениях — жители общин, экологические группы, государство, племенные и местные органы власти, предприятия — должны иметь возможность участия в принятии экологических решений. Находящееся под воздействием и вовлеченное местное сообщество является необходимой и неотъемлемой частью процесса защиты окружающей среды» [8].

Среди десяти главных принципов устойчивого развития, закрепленных в Стратегии устойчивого развития Великобритании (UK Sustainable Development Strategy), большое значение имеет принцип

транспарентности, информации, участия и доступа к правосудию: доступ к информации и правосудию и участие в процессе принятия решений должны быть доступны для всех [9]. Причем с 2000 г. в Великобритании создана Комиссия по устойчивому развитию, реализующая консультативные и наблюдательные функции, а вопросами финансирования занимается Министерство финансов.

В отношении реализации нормы Декларации Рио-92 о принятии решений показателен пример Национальной экологической стратегии устойчивого развития Италии, в разработке которой «принимали участие представители центральной и местной власти, профсоюзы, негосударственные природоохранные организации» [10].

Йоханнесбургская декларация 2002 г. дополнила концепцию устойчивого развития такой важной экологической составляющей, как обязательное признание местных органов власти в экологических отношениях. Кандидат философских наук З.Т. Дзуцева, анализируя Всемирный Саммит по устойчивому развитию, по итогам которого была принята декларация, подчеркивает, что в условиях современной глобализации один из существенных принципов устойчивого развития гласит: «управление устойчивым развитием — это искусство управлять изменениями в регионах» [11]. Выражая согласие с позицией философа, отметим: «конференция в Йоханнесбурге подчеркнула, что в основе устойчивого развития лежит единство трех компонентов — экономического и социального развития при сохранении благоприятной окружающей среды. Добиться значительных результатов в этом направлении можно лишь действуя одновременно на местном, национальном, региональном и глобальном уровнях [5, с. 23].

Таким образом, принятие документов является прогрессивным итогом международного межгосударственного сотрудничества в сфере экологических отношений. Более того, имея характер необязательного права, характеризующегося декларативным характером, документы составляют пример «мягкой силы» в международных экологических отношениях. Причем предметной конечной целью «мягкой силы» в международных экологических отношениях, составляющей ее содержание, является достижение устойчивого развития, имеющее концептуальный характер как в международных, так и в национальных экологических отношениях.

Литература

1. Nye Jr. J.S. Soft Power // Foreign Policy. No. 80. Twentieth Anniversary (Autumn 1990). P. 153–171 // Published by: Washingtonpost. Newsweek Interactive. URL: http://www.jstor.org/stable/1148580

2. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий. — Вестник Бурятского университета 14/2013. С. 129–135. URL: https://cyberleninka.ru/ article/v/myagkaya-sila-v-mezhdunarodnoy-politike-osobennosti-natsionalnyh-strategiy

3. Повестка дня на XXI век. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21_intro.shtml

4. Larry R. Kohler. Environmental Policy. URL: http://www.ilocis.org/documents/chpt54e.htm

5. Перелет Р.А. Переход к эре устойчивого развития // Россия в окружающем мире: 2003 (Аналитический ежегодник). М., 2003. URL: http://www.rus-stat.ru/stat/6902003-1.pdf#page=4

6. Пасенов А.Н. Концепция устойчивого развития: историко-правовые аспекты// Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право. 2017. № 10 (259). Выпуск 40. С. 156–159. // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ustoychivogo-razvitiya-istoriko-pravovye-aspekty

7. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl

8. Environmental Justice Implementation Plan. EPA/300-R-96-004. April 1996 URL: https://www.epa.gov/sites/ production/files/201502/documents/implementation_plan_ej_1996.pdf

9. UK Sustainable Development Strategy. URL: http://www.lordgrey.org.uk/~f014/usefulresources/aric/Resources/Teaching_Packs/Key_Stage_4/Sustainable_Development/04a.html

10. Синякова А.Ф. Опыт ряда Европейских стран в разработке национальной стратегии устойчивого развития. Бюллетень Центра экологической политики России и Института устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации «На пути к устойчивому развитию России» URL: http://bulletin.sustainabledevelopment.ru/ Bulletin_63_2013/61

11. Дзуцева З.Т. Основания устойчивого развития региона: философский анализ: автореф. дисс. … канд. филос. наук. М., 2005. URL: http://www.dissercat.com/content/osnovaniya-ustoichivogo-razvitiya-regiona-filosofskii-analiz

Г.П. Григорян

Состояние культурно-ценностной взаимной притягательности на пространстве СНГ

Введение

В свете перспектив развития сотрудничества стран СНГ на пространстве Содружества особое значение приобретает изучение эмоциональной стороны двусторонних и многосторонних межгосударственных отношений в регионе. Данный индикатор проявляется в виде степени взаимной притягательности стран СНГ для населения стран региона. В свою очередь, притягательность страны формируется и подпитывается под воздействием «мягкой силы» соответствующей страны. Соответственно, совокупная притягательность формируется в виде разницы индексов эффективности действующих и противодействующих импульсов.

Состояние притягательности в рамках СНГ

Уровень индекса привлекательности стран СНГ, основанный на данных исследования «Евразийский барометр», проводимым Евразийским Банком Развития [1], приводится в 11 показателях и сравнивается с соответствующими индексами таких стран/организаций/групп стран, как Грузия и Украина, ЕС и др. Стоит отметить, что по среднему показателю страны СНГ являются менее привлекательными друг для друга, лишь опережая группу «Грузия и Украина» (табл. 1).

Таблица 1

Привлекательные сферы

Страны, регионы **Интерес к сфере**	**СНГ**	**Грузия, Украина**	**ЕС**	**Другие страны**
История, культура, география	27%	7%	40%	26%
Искусство	25%	7%	41%	27%
Туризм	16%	9%	46%	29%
Учеба	13%	2%	57%	28%
Работа	32%	2%	41%	25%
Переезд на проживание	26%	4%	43%	27%
Приезжающие туристы	25%	7%	39%	29%
Приезжающие рабочие, студенты	23%	6%	42%	29%
Инвестиции, приток капитала	23%	5%	36%	36%
Сотрудничество	20%	3%	36%	41%
Товары из стран	23%	3%	44%	30%
Средняя привлекательность	**23%**	**5%**	**42%**	**30%**

Если средний показатель привлекательности стран СНГ составляет 23%, то соответствующий показатель для ЕС составляет 42%, а для других стран — 30%. Наиболее привлекательными сферами стран СНГ для других стран Содружества являются «Возможность на временный переезд для работы в ...» и «История, культура, география», а наименее привлекательными сферами являются «Учеба» и «Визиты с туристической целью». Последние являются наиболее привлекательными сферами стран ЕС для народов стран СНГ. А самыми привлекательными сферами группы Других стран являются «Сотрудничество» и «Инвестиции, приток капитала». Таким образом, явно видно то, что по всем перспективным сферам («Учеба», краткосрочные (туризм) и долгосрочные (переезд на проживание) интересы) связываются со странами вне СНГ. Это означает, что наследие единого прошлого исчерпывается.

В рамках СНГ индекс привлекательности стран проявляет несбалансированное поведение. Дело в том, что индексы привлекательности отдельных стран СНГ не находятся на более или менее сравнимом уровне: привлекательность в рамках СНГ имеет однобокий характер, поскольку, если средний индекс привлекательности всех стран (кроме России) составляет 5%, то индекс привлекательности России — 56% (табл. 2).

Таблица 2

Индекс привлекательности сфер по странам СНГ

Страны, регионы Интерес к сфере	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
История, культура, география	4%	6%	5%	8%	5%	5%	49%	4%	5%	9%
Искусство	6%	8%	9%	10%	7%	6%	33%	6%	6%	9%
Туризм	4%	6%	8%	7%	5%	4%	52%	3%	4%	8%
Учеба	1%	0.4%	3%	4%	2%	1%	84%	1%	1%	3%
Работа	0.4%	1%	3%	4%	1%	1%	84%	1%	2%	2%
Переезд на проживание	1%	1%	3%	4%	3%	2%	81%	1%	1%	4%
Приезжающие туристы	7%	9%	9%	12%	9%	6%	25%	8%	8%	8%
Приезжающие рабочие, студенты	4%	6%	8%	10%	8%	5%	39%	6%	6%	8%
Инвестиции, приток капитала	4%	6%	7%	9%	6%	4%	50%	5%	5%	5%
Сотрудничество	3%	5%	7%	8%	5%	3%	57%	3%	4%	4%
Товары из стран	2%	2%	13%	5%	6%	2%	64%	1%	2%	4%
Средняя привлекательность	**3%**	**4%**	**7%**	**7%**	**5%**	**4%**	**56%**	**3%**	**4%**	**6%**

Данный факт подтверждает, что взаимосвязь между странами СНГ в значительной степени отсутствует: главное связующее звено, что есть между ними — Россия.

Проблемы и последствия

Приведенная картина является проблемой для СНГ, поскольку ослабление связи любой из стран с Россией автоматически означает ослабление ее связей и с другими странами в рамках СНГ. Поэтому имидж России имеет более весомую практическую роль в более широких масштабах.

Соответственно, не случайно, что Россия является не только самой «интересной» страной в СНГ (в среднем 62%), но и самой «заинтересованной» (табл. 3).

Таблица 3

Взаимная привлекательность стран пространства

Страны Привлекательность для ...	Азербайджан	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Молдова	Россия	Таджикистан	Туркменистан	Узбекистан
Армения	0.1%		5%	4%	3%	5%	74%	3%	3%	3%
Беларусь	6%	7%		7%	5%	6%	57%	4%	5%	5%
Казахстан	3%	3%	11%		7%	3%	60%	3%	3%	5%
Кыргызстан	3%	2%	3%	11%		2%	66%	3%	3%	7%
Молдова	5%	5%	9%	5%	5%		55%	5%	5%	5%
Россия	7%	14%	31%	18%	6%	7%		5%	4%	7%
Таджикистан	2%	1%	3%	9%	6%	3%	60%		4%	12%
Средняя привлекательность страны	**4%**	**6%**	**10%**	**9%**	**5%**	**4%**	**62%**	**4%**	**4%**	**6%**

Дело в том, что в России индекс заинтересованности в других странах не односторонний и в отношении 3-х стран заинтересованность составляет более 10% (совокупно — 63%), тогда как для других стран региона основным полюсом привлекательности является Россия.

Сопоставляя первые три направления притягательности для каждой из стран, которые являются наиболее значимыми, получаем кластеры притягательности/заинтересованности, которые основаны на принципе региональности: соседи более притягательны (рис. 1).

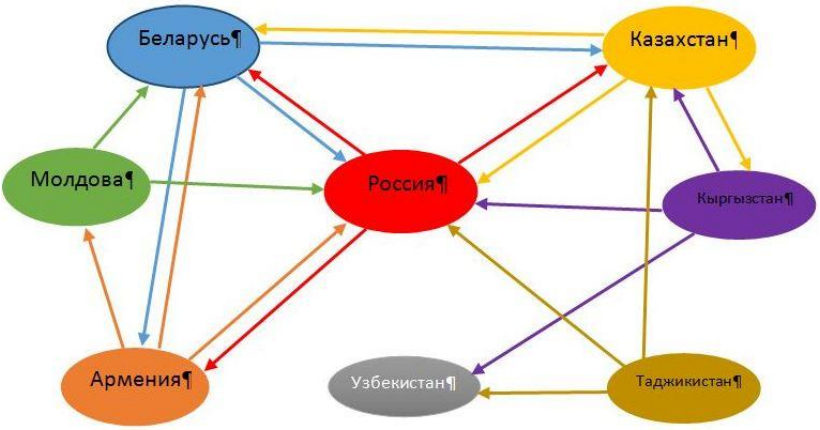


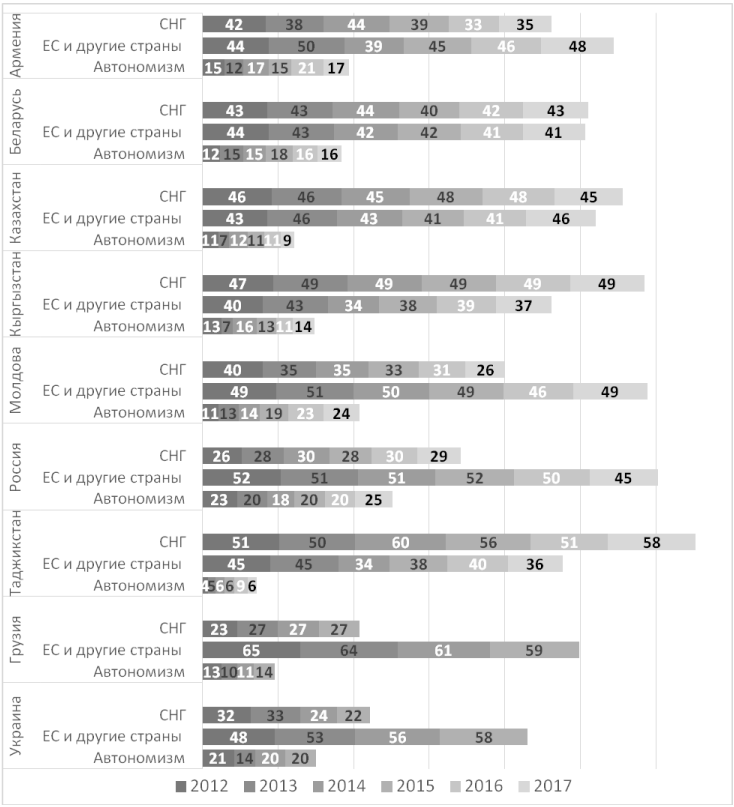
Рис. 1. Кластеры привлекательности

Данное обстоятельство говорит о значительном доминировании «внутрирегиональной привлекательности» над «межрегиональной привлекательностью», и об отсутствии интереса в межрегиональных прямых отношениях.

С другой стороны, помимо пространства возможностей, связанных с эксплуатацией наследия единого государства и импульсами новых интеграционных проектов, очевидны и значительные угрозы: постоянный рост активности западных и восточных внерегиональных держав в экономической и политической жизни стран региона, направленный на замещение российского влияния [2]. В этом контексте примечательно, что с 2012 по 2017 г. в странах Содружества шло некоторое снижение интереса к странам СНГ, хотя соответствующее снижение наблюдается и в индексе заинтересованности в странах ЕС и/или других странах мира. С другой стороны, наблюдается повышение индекса «автономизма»: отсутствия интереса к другим странам вообще (табл. 4).

Таблица 4

Внешняя ориентация по странам



Возможности

Несмотря на то, что, по сравнению с 2012 г., в 2017 г. индекс привлекательности стран СНГ вырос на 3 пункта и составил 29%, тем не менее привлекательность стран ЕС и других регионов в 2017 г. составила 45% (52% в 2012 г.). Не случайно, что в Ежегодном прогнозе консалтингового агентства «Евразийские Стратегии» в качестве предложения по поводу дальнейших действий говорится, что российская политика ближайших лет по отношению к ключевым союзникам представляет собой, прежде всего, интеллектуальный вызов. Вопрос состоит в том, сможет ли Москва повысить качество стратегического планирования на этом направлении, отойдя от призмы восприятия непонятных и спонтанных процессов как результата влияния Запада. Своими подозрениями в предательстве Россия сильнее отталкивает друзей, чем Запад их привлекает. В результате из отношений с союзниками уходит взаимопонимание и доверие. Задача России здесь в наименьшей степени имеет отношение к «жесткой силе»: необходима кропотливая работа с миром идей. Фактическое, а не формальное утверждение стран Евразии как ключевого внешнеполитического приоритета означает качественно иное внимание к процессам внутри стран-соседей. Это включает в себя понимание их исторического, политического и социального разнообразия, механизмов принятия политических решений и характера внешнеполитической дискуссии. Укрепление интеллектуального влияния России будет предполагать «перезагрузку» фундаментальных нарративов по поводу совместной истории и общего будущего, как и способов их трансляции. Рамку публичного обсуждения внешнеполитических вопросов нельзя делегировать продюсерам ток-шоу. Требуется конструирование насыщенного положительными эмоциями, неантагонистичного и правдивого образа Новой Евразии, соединяющего достижения прошлого с общими целями в будущем через военно-политическое сотрудничество, экономическую и технологическую кооперацию, на платформе общих ценностей и русского языка как средства общения [3, с. 6–7].

Стоит отметить, что практика применения «мягкой силы» в России все еще оставляет желать лучшего, поскольку, не видя в рамках использования «мягкой силы» немедленных результатов, в России относятся к этому направлению по остаточному принципу [4]. Примечательно, что государственное финансирование российский «мягкой силы» снижается, и снижение бюджета 2017–2019 гг. по сравнению с бюджетом 2014–2016 гг. составит 7,6% [5]. Основное заблуждение относительно внешней политики России – надеяться на то, что существующие факторы культурной, языковой и исторической близости, экономических связей в той или иной стране будут действовать в пользу России без вкладывания дополнительных усилий [6, с. 19].

Заключение

Таким образом, Россия является не только центром притяжения в СНГ, но и связующим звеном между странами-членами Содружества, поскольку между большинством стран отношения носят формальный характер, а притягательность практически отсутствует. Примечательно, что практически отсутствует привлекательность не только между отдельными странами из разных регионов, но и отсутствует межрегиональная значительная привлекательность. Соответственно, на России лежит ответственность не только за сохранение двусторонней привлекательности, но и, практически, за сохранение «эмоционального единства» на пространстве СНГ. Задача особо затрудняется, поскольку за прошедшую четверть века все еще сохраняется инерция распада СССР и представление о необходимости укрепления собственных позиций. С другой стороны, сохраняет некую инерцию и нежелание России быть донором для бывших союзных стран. В этом контексте активизируется процесс потери интереса друг к другу и поиск новых интересов и центров/объектов привлекательности вне рамок бывшего пространства сосуществования.

Соответственно, активизация российской «мягкой силы» и, параллельно, других стран Содружества и повышение взаимной привлекательности на постсоветском пространстве смогут способствовать не только усилению существующих связей, но и закладыванию фундамента взаимного интереса в среде новых поколений.

Литература

1. Интеграционный барометр ЕАБР. 2017. СПб., 2017.

2. Стефанович Д. К чему приведет активизация иностранных участников на военном рынке СНГ // Евразия Эксперт. 28 Февраля 2018 г. URL: http://eurasia.expert/aktivizatsiya-inostrannykh-uchastnikov-na-voennom-rynke-sng

3. Прогноз «Международные угрозы 2018» // МГИМО Консалтинг. 10.01.2018.

4. Бурлинова Н. Почему российская «мягкая сила» не работает // Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия», 29.09.2017. URL: http://www.picreadi.ru/pochemu-rossiyskaya-myagkaya-sila-ne-rab/

5. Ткачев И., Кошкин П., Макаров О., Фейнберг А. Экономия на «мягкой силе» // РБК. 24 июля 2017 г. URL: https://www.rbc.ru/ newspaper/2017/07/24/59723c879a794741088d42d8

6. Дживанян Д.А. Оценка эффективности публичной дипломатии Российской Федерации на фоне социально-политической напряженности в Республике Армения // Вестник РУДН. Политология. 2016. № 1.

Т.Л. Дейч
«Мягкая сила» как инструмент политики Китая в Африке

Китайские ученые обращают внимание на традиционный характер политики «нести культуру Поднебесной варварам», исходя из того, что «мягкое влияние» в Китае использовалось с древних времен и периода правления императоров. Поднебесная всегда применяла для достижения своих целей «мягкие» инструменты, которые позволяли достичь желаемого на международной арене без применения силы. Однако политика «мягкой силы» трансформируется с началом реализации Пекином стратегии «выхода за рубеж»; сегодня этот инструмент используется для противодействия популяризируемой на Западе теории «китайской угрозы» и улучшения имиджа страны в мире. Помимо этого, «мягкая сила» отвечает задаче формирования африканской элиты, ориентированной на сотрудничество Юг–Юг.

Человеческий капитал — предмет особого внимания Пекина. Китайские университеты имеют отделения в 22 странах континента; в 2012–2015 гг. стипендии для обучения в вузах КНР получили 20 тыс. африканцев, в 2015–2018 гг. получат 32 тыс. человек. Китайское правительство направило в 20 стран Африки 210 преподавателей китайского языка; в самом Китае готовятся преподаватели китайского из числа африканцев, которым предоставляются стипендии.

С 2009 по 2012 г. с китайской помощью в Африке построено 28 школ, а 42 школам предоставлено оборудование, в том числе, создано 6 компьютерных классов [1]. Помощь африканской образовательной системе осуществляется не только на правительственном уровне. Так, в декабре 2011 г. китайские предприниматели начали реализацию проекта «Надежда», предусматривающего создание тысячи начальных школ в пяти африканских странах [2].

В китайской программе сотрудничества важное место отводится подготовке квалифицированных специалистов для стран Африки. Подготовкой кадров занимается Фонд развития человеческих ресурсов в Африке, действующий под эгидой министерств иностранных дел, коммерции, образования, науки и технологий, сельского хозяйства, здравоохранения, каждое из которых отвечает за подготовку африканского персонала в сфере своей компетенции. Реализуется программа «Африканские таланты», в рамках которой за 2012–2015 гг. подготовлены 30173 квалифицированных специалиста [3, с. 52]. План действий на 2016–2018 гг., принятый йоханнесбургским саммитом Форума китайско-африканского сотрудничества в декабре 2015 г., предусматривает создание региональных учебных центров и школ повышения квалификации. Планируется обучить технический персонал в составе 20 тыс.

человек, создать 40 тыс. мест для подготовки африканских специалистов в Китае [4]. В 2015 г. Южная Африка направила в Китай первых 50 учащихся для 5-месячной подготовки к работе по реализации в стране программы развития ядерной энергетики.

Пекин надеется привлечь в Китай молодежь, в том числе стремящуюся получить образование на Западе. Участие в формировании африканских политических и деловых элит, ориентирующихся не на Запад, а на Китай, — долгосрочная цель китайской политики.

В 2013 г. сотрудничеству Китая с Африкой в сфере здравоохранения исполнилось 50 лет. Первая китайская медицинская бригада прибыла в Алжир в марте 1963 г., а в конце 2005 г. в Африке работали уже 37 медицинских бригад в составе 1100 человек [5]. Согласно данным, приведенным Деборой Бротигем в книге «Дар дракона», посвященной политике Китая в Африке, с 1991 по 2008 г. китайские бригады охватили медицинской помощью 35 стран Африки [6, с. 316]. Китайские врачи помогали больницам Танзании диагностировать и лечить малярию, обучали местных специалистов профилактике этого заболевания. В 2003 г. была реализована противомалярийная программа в Кении. «Холли Котек» — одна из первых китайских компаний на кенийском фармацевтическом рынке. В числе распространяемых ею лекарств от малярии — котексин, который африканцы называли «магическим китайским лекарством» и который дешевле западных и индийских аналогов [7].

Китай построил кардиологический центр в Танзании, жителям которой для лечения такого рода заболеваний приходилось ездить в ЮАР или Индию, создал Центр репродуктивного здоровья в Уганде, лабораторию биотехнологии в Университете Найроби (Кения).

Выступая на саммите Форума китайско-африканского сотрудничества (ФОКАК) в Йоханнесбурге в 2015 г., председатель Си Цзиньпин обещал помочь Африке модернизировать сферу здравоохранения [8]. План действий предусматривает помощь в модернизации системы здравоохранения, в борьбе с распространением малярии и других опасных заболеваний, в сокращении детской и материнской смертности, в строительстве Центра Африканского Союза по контролю за заболеваниями и региональных медицинских центров, продолжение сотрудничества между 20 китайскими и 20 африканскими больницами, обучение врачей и другого медицинского персонала, направление в Африку китайских медицинских бригад, включающих клинических экспертов и хирургов для проведения срочных операций [3].

Стоит напомнить, что в 2014 г. Китай принял активное участие в борьбе с распространением лихорадки Эбола, направив в страны Западной Африки, охваченные эпидемией, врачей и медсестер, медика-

менты, продовольствие и другую помощь. В общей сложности Китай израсходовал на помощь в борьбе с Эболой 120 млн долл. и направил в Африку 1200 своих специалистов. За время работы китайские специалисты обучили 1600 местных медицинских работников [9]. Выступая на Международной конференции по борьбе с Эболой в Африке в июле 2015 г. в Малабо (Экваториальная Гвинея), заместитель председателя Госкомитета по делам здравоохранения и планового деторождения КНР Цзинь Сяотао заявил, что Китай предоставит помощь пострадавшим от лихорадки странам для социально-экономического восстановления после эпидемии. «КНР желает оказать помощь африканским странам в создании и усовершенствовании системы общественного здравоохранения, повышении возможностей противодействия чрезвычайным эпидемическим ситуациям», — сказал он [10].

В одном только 2015 г. Пекин открыл пять новых культурных центров в Африке и параллельно открывает африканские культурные центры в Китае. В университетах африканских стран практикуется создание «институтов Конфуция», где изучаются история, культура Китая и китайский язык.

Сегодня в странах Африки действуют 46 Институтов Конфуция. Первый в Африке Институт Конфуция был создан в Найроби (Кения); сегодня в Кении уже три таких института. Предполагается ввести преподавание в кенийских школах китайского языка на альтернативной основе [11, с. 12]. В ЮАР — пять институтов Конфуция, последний создан в 2014 г. и, помимо преподавания, занимается обменом студентами. Его директор Моньяне назвал задачей института «остановить западную кампанию вокруг Китая и его вовлеченности в Африку, апологеты которой заявляют, что Китай здесь, „чтобы купить нас“» [12, с. 11].

Программа изучения африканцами китайского языка прогрессирует. Объясняя причины этого явления, Л. Мукаро, преподаватель и консультант Университета Зимбабве сказал, что люди, овладевшие китайским языком плюс к английскому, больше востребованы на рынке труда; студенты и выпускники получают работу в действующих в стране китайских компаниях. «Если вы обратите внимание на то, как китайцы распространяют свое влияние в мире, то поймете, что лучше уметь говорить на их языке», — заявил он [13].

В Африку приезжают китайские артисты, спортсмены, осуществляется обмен делегациями работников культуры, африканские страны получают в дар книги и кинофильмы. В странах континента организуются китайские выставки фото, керамики, картин китайских художников [1].

Мероприятия, знакомящие китайцев с искусством Африки, проводятся в Китае. Состоялось несколько сотен обменов художественными

коллективами; сторонами было направлено свыше десяти тысяч артистов. Организуются дни (недели и месяцы) китайской культуры в Африке и африканской культуры в Китае. В Пекине действует Китайско-Африканская ассоциация дружбы. Ассоциации дружбы функционируют и в ряде африканских стран.

Немаловажную роль играет в отношениях Китая с Африкой такой инструмент, как информация. Хотя влияние на континенте западных СМИ сохраняет силу, Пекин стремится, чтобы его голос был здесь услышан. Агентство Синьхуа в 1957 г. открыло первое бюро в Гане, в 1986 г. — бюро в Найроби (Кения), а сейчас имеет более 20 представительств в Африке. В 2008 г. оно создало китайско-африканское новостное агентство; в 2009 г. провело Всемирный медиа-форум, где присутствовали представители африканских СМИ. В 2011 г. агентство Синьхуа создало фирму Сафари.ком и в партнерстве с кенийским мобильным оператором в 2012 г. запустило первый мобильный новостной сервис в Африке южнее Сахары. В 2012 г. китайское центральное телевидение CCTV избрало Найроби местом своего вещания на Африку. В этом англоязычном издании, а также в Чайна Рэдио Интернешнл, Чайна Дейли и агентстве Синьхуа работают африканцы. CCTV посвящает Африке минимум 10 часов в неделю.

При этом Китай практикует «конструктивную журналистику». Если западные издания нередко подвергают критике африканские страны, пекинские акцентируют внимание на успехах африканских стран, дают оптимистическую оценку ситуации на континенте. «Мы рассказываем африканцам в позитивном ключе историю африканского народа», — заявил редактор CCTV [14]. Крупнейшая китайская англоязычная газета «Чайна Дейли» выпускает еженедельное тематическое приложение для Африки — «Эфрикен уикли». Китайское международное радио ведет передачи на Африку из Кении на суахили, китайском и английском. Специалист Института международных отношений ЮАР назвал усилия китайских государственных СМИ «частью большой стратегии мягкой силы», нацеленной на создание позитивного образа Пекина в районах его экономической и политической активности» [14]. Ставится задача уменьшить опасения, испытываемые за рубежом по поводу военной мощи Китая, и воспрепятствовать попыткам представить образ этой страны в негативном ключе. Растущее присутствие Китая в большинстве стран дает повод критикам обвинять его в экспансии и даже называть китайскую политику разновидностью неоколониализма. В силу сказанного одной из главных задач Китая в Африке является улучшение своего имиджа. Этой цели как нельзя лучше отвечают широ-

ко используемые Пекином на Африканском континенте инструменты «мягкой силы».

Литература

1. Forum on China-Africa Cooperation (Beijing). Africa. Full Text — China-Africa Economic and Trade Cooperation (2013). Information Office of the State Council. Beijing, August 2013. Forum on China-Africa Cooperation (Beijing). Beijing, 2013.

2. Китайские частные предприниматели приступили к созданию начальных школ «Надежда» в пяти африканских странах. 14.06.2011. URL: http://russian people.com.cn/31516/7408708.html

3. Дейч Т.Л. «Мягкая сила» Китая в Африке: сотрудничество в сферах образования и культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: общественные науки. 2017 №4 (788). С. 44–56.

4. Pretoria News. December 4, 2015.

5. Дейч Татьяна. Китай «завоевывает» Африку. РСМД. Аналитическая статья. 26 июня 2012. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-zavoevyaet-africu

6. Brautigam D. The Dragon's Gift. The Real Story of China in Africa. Oxf., 2009.

7. Wang Yujue. From Aid to Business? Chinese Medical Companies Arrive in Africa. China Africa Project Email Newsletter. August 19, 2016. URL: http://www.chinaafricaproject.com/chinese-medical-aid-kenya-africa

8. Al Jazeera (Doha) 4 December 2015. Africa: China Pledges $60 Billion to African Development. Doha // Allafrica.com. URL: http://allafrica.com/stories/201512050194.html

9. China Awards Model Ebola Fighters // News China. English News.cn., on Nov. 25, 2015. URL:

http://www.xinhuanet.com.english/2015-11/25/c-134854744.htm

10. Китай пообещал поддержку африканским странам в восстановлении после Эболы // Russian.News.Cn. July 23, 2015.

11. Kagwanja C. China: Forging Friendship and Cooperation in Kenya. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. Dec. 15, 2015.

12. The Goal of 'People to People' Diplomacy. FOCAC 6. Africa-China Progressing Together. Cape Town. December 15, 2015.

13. Olaniran F. On the Growing Ties between China and Zimbabwe. Celebrating Progress Africa. URL: http://www.cp-africacom/2013/03/03/china-and-zimbabwe

14. Mekenzie D. Chinese Media Make Inroads into Africa // CNN. Sept. 5. 2012. URL: http://edition.cnn.com/2012/09/05/business/china-africa-cctv-media/index.htm

В.В. Демидов, Е.В. Яблонских

Китайская «мягкая сила» в сербском сегменте Нового Шелкового пути

Средиземное море, как известно, является конечной точкой Морского Шелкового пути. На сегодняшний день Китай реализует свое присутствие здесь через греческий порт Пирей, который усиленно модернизируется, с планами превратиться в пятый европейский порт по величине контейнерных перевозок. Далее стратегия предусматривает соединение Пирея с Центральной и Северной Европой через Македонию, Сербию и Венгрию. В 2017 г. уже заключены контракты на строительство высокоскоростной железной дороги Белград–Будапешт. При таком раскладе сербский сегмент сухопутного пути приобретает стратегическое значение в качестве связывающего звена со странами Европейского союза.

Идея Нового Шелкового пути направлена на содействие сотрудничеству между Китаем и странами Европы и Азии в соответствии с новой моделью, построенной на «мягкой силе». Она включает несколько задач. Во-первых, развитие политической коммуникации, дающей зеленый свет на совместное и взаимовыгодное экономическое сотрудничество. Во-вторых, модернизация транспортных связей и коридоров. В-третьих, упрощение процедур торговли и устранение торговых барьеров. В-четвертых, совершенствование валютного сотрудничества и уменьшения финансовых рисков. В-пятых, укрепление отношений между народами и людьми. И, наконец, китайские инициативы должны служить улучшению мировой экономики, а также сотрудничества в области охраны окружающей среды, науки и техники, а также безопасности сухопутных и морских маршрутов.

В соответствии с китайскими прогнозами столь грандиозные задумки должны быть введены в действие к 2025 г. Они должны будут активизировать громадную часть мира, которое охватывает обширную территорию с население около 4,5 млрд человек. Ожидается, что общая стоимость этих инициатив превысит 21 трлн долларов. Они призваны создать благоприятный климат для построения новой экономической международной системы, которая могла бы обеспечить процветание для большинства стран, находящихся в ареале Нового Шелкового пути, включая и Сербию, которая из-за своей определенной позиции

в международных отношениях имеет специфику и особое значение для их реализации.

Сегодня Сербия является одним из ключевых партнеров Китая в Южной и Восточной Европе, которые рассматриваются в Пекине сквозь призму экономической интеграции и связей с Европейским Союзом, а именно как общий рынок высокой покупательной способности и, следовательно, идеальное место для размещения собственной продукции. Под этим углом отмечается, что КНР поддерживает стремления Сербии к присоединению к ЕС без ущерба для ее национальных интересов. В социально-экономической трансформации страны Китай также способен сыграть видную роль, поскольку он не проводит геостратегическую переделку балканского региона, а стремится поддерживать региональную стабильность.

Китай остается приверженцем сохранения территориальной целостности Сербии, не допуская насильственной перекройки границ и одностороннего провозглашения независимости Косово. С другой стороны, Белград поддерживает территориальную целостность Китая, его суверенитет и право самостоятельно регулировать свои отношения с автономными районами. Можно смело утверждать, что сотрудничество между двумя странами ныне находятся на самом высоком уровне после установления дипломатических отношений в далеком 1955 г.

Экономические отношения между Сербией и Китаем в последнее десятилетие характеризовалось асимметрией по всем параметрам. Главной причиной такой ситуации является огромная разница в экономической мощи, а также китайская глобальная стратегия, важным пунктом которой становится расширение экспорта отечественной продукции, импорта энергоносителей и минеральных ресурсов для поддержания экономического роста при финансовой поддержки государством и его банками тех компаний, что работают за рубежом. В 2016 г. объем экспорта КНР в Сербию составлял около 1,5 млрд долларов. Несмотря на экономическую асимметрию, вызванную реальным доминированием Китая, у двух стран имеется явное желание улучшить их торговые отношения. Лучше всего это отражается в китайских инвестициях в сербскую транспортную инфраструктуру и энергетику.

В рамках сотрудничества китайские компании построили мост через Дунай длиной 1,5 км. Особенно значительные инвестиции были задействованы в строительстве высокоскоростной железной дороги из Белграда в Будапешт общей протяженностью в 350 км. Стороны нацелены на активизацию таможенного сотрудничества и упрощение бюрократических процедур. Сербия, Китай, Венгрия и Македония согласились совместно работать над созданием проезда «Сухопутный экспресс»,

связывающий Китай с Европой. Все усилия должны привести к созданию единой транспортной и таможенной системы, которая соединит Пирейский порт через Македонию, Сербию и Венгрию с остальной Европой. Предварительные оценки проекта говорят о его стоимости до 2,5 млрд долларов. В целом китайские инвестиции на данном направлении способствуют экономическому и технологическому развитию Сербии и важны для ее вовлечения в мировую экономику.

Открытость Сербии для китайских инициатив свидетельствует о том, что страна может стать конструктивным партнером в реализации китайской стратегии Нового Шелкового пути посредством «мягкой силы». Во-первых, потому что отношения между двумя государствами проникнуты взаимопониманием и доверием. Они учитывают специфику ситуации на Балканском полуострове и место Сербии в региональной политике. Во-вторых, Белград и Пекин достаточно открыты для продвижения различных форм экономического и гуманитарного сотрудничества. Они выражаются в наличии китайских инвестиций и продвижении общих проектов в Сербии, которые, в свой черед, способствуют повышению промышленного потенциала и уровня жизни населения. Но пока инвестиции в сербскую промышленность и транспорт ограничены отдельными отраслями производства и касаются инфраструктуры. Эти инвестиции подвергаются критике за то, что они основаны исключительно на государственных займах с гарантиями, которые в конечном счете ставят под сомнение их реализацию и финансовую рентабельность. Предполагается, что двусторонние политические контакты между правительствами способны в значительной мере снизить и нивелировать возникающие угрозы и вызовы.

К.Д. Долгов
«Мягкая сила» в Восточноафриканском сообществе

1. Брендинг как элемент публичной дипломатии

Брендинг является одним из важнейших инструментов современной публичной дипломатии. Главы государств Восточноафриканского сообщества (ВАС) заинтересованы в том, чтобы улучшить восприятие ВАС внешним миром. Каждая страна не только имеет свою собственную инициативу по брендингу, но и имеет коммуникационную стратегию, в которой приоритет отдается брендингу региональному.

Стремясь к региональному брендингу, в апреле 2007 г. ВАС провело первый Восточноафриканский саммит СМИ в Найроби, который оказался очень успешным. В нем приняли участие более 100 ведущих СМИ и практиков из стран ВАС — Кении, Уганды, Танзании, Бурунди и Руанды. Восточноафриканский саммит СМИ стал первым крупным

мероприятием в рамках проекта ребрендинга ВАС [1]. Проект ребрендинга ВАС является смелой и амбициозной программой для улучшения восприятия регионов и имиджа ВАС. Проект предусматривает выделение значительных ресурсов в рамках функции сообщества по корпоративным коммуникациям и связям с общественностью, в частности, для создания медиацентра ВАС, предназначенного для применения передовых систем и технологий в своих печатных и электронных средствах массовой информации.

В 2013 г. ВАС провело специальный опрос, целью которого было выяснить, как ключевая аудитория воспринимает ВАС; насколько хорошо с ним ознакомлена, насколько знакома с символикой ВАС и как оценивает ее эффективность. В исследовании также было рассмотрено, как ВАС воспринимается гражданами Сообщества [2]. Проект был направлен на то, чтобы помочь ВАС в развитии корпоративной идентичности и определенного имиджа, чтобы обеспечить доверие в глазах общественности. Проект был поддержан Германским агентством международного сотрудничества (ГАМС).

ВАС также продолжило создание совместной маркетинговой стратегии Destination East Africa, а с ноября 2006 г. государства-партнеры участвуют в международных туристических ярмарках. Некоторые из ярмарок, в которых участвовали государства-члены Восточноафриканского сообщества, включают: Всемирный туристический рынок (The World Travel Market — WTM) в Великобритании с 2006 г., Internationale Tourismusborse (ITB) в Германии с 2007 года и CASA Africa Investour — с 2012 г.

2. Культурная дипломатия в Восточной Африке

2.1. JAMAFEST

JAMAFEST — акроним фестиваля «Jumuiya ya Afrika Mashariki Utamaduni, Kiswahili» (Фестиваль искусств и культуры Восточноафриканского сообщества), целью которого является содействие региональной социокультурной интеграции посредством искусства и культуры. Фестиваль проводится раз в два года в принимаемых государствах-партнерах.

Идея создания JAMAFEST появилась, когда Совет министров ВАС в сентябре 2011 г. дал поручение секретариату ВАС организовать регулярные фестивали, чтобы наглядно продемонстрировать, что культура является одной из основных составляющих социокультурной интеграции. Таким образом, в Руанде был организован первый фестиваль. Основные мероприятия проходили на стадионе Амахоро в Кигали. Фестиваль длился неделю с 11 по 16 февраля 2013 г. Второй JAMAFEST был проведен в Найроби в августе 2015 г. и был организо-

ван Министерством спорта, культуры и искусств в сотрудничестве с министерством восточноафриканских дел, торговли и туризма. Третий JAMAFEST был проведен в Кампале в Уганде в 2017 г. и служил платформой для демонстрации тематического искусства и культуры как основной движущей силы региональной интеграции и устойчивого развития [3].

Фестиваль в основном призван улучшить отношения между странами Восточной Африки и их культур. В нем представлены музыкальные номера, танцы, драма, театр, пошив и дизайн, кухня, картины, художественные промыслы, фотографии и фильмы [3].

Цели JAMAFEST состоят в том, чтобы способствовать экономическому росту ВАС путем развития творческого и культурного секторов промышленности и объединить Восточную Африку посредством искусства и культуры.

2.2. Суахили как объединяющий региональный язык

Суахили признан самым широкоиспользуемым национальным языком в Африке. Глубокие корни Суахили уходят в Центральную Африку (в Демократическую Республику Конго) и южноафриканские округа, такие как Мозамбик, Малави и Замбия. Он также быстро распространился в Южный Судан через беженцев, вернувшихся из Кении [4].

Суахили — самый распространенный язык на континенте по количеству говорящих по сравнению с другими африканскими языками. По оценкам, в мире говорят более 100 млн человек.

Согласно Кише, если суахили будет официально признан средством коммуникации на региональном уровне, он станет важной интегрирующей силой на верхнем горизонтальном уровне, таким образом объединяя элиты из соответствующих стран. Кроме того, если суахили будет принят как действующий язык, он станет посредником между правительством и людьми, тем самым предоставляя средства для обмена информацией и обмена идеями.

Таким образом, суахили создаст прочную связь между макроуровнем и чиновниками и политиками, которые владеют знаниями и навыками для последущего развития страны [4].

Поэтому вполне логично, что суахили можно использовать для социальной, политической, экономической и культурной интеграции.

Республика Кения, Объединенная Республика Танзания и Республика Уганда извлекали взаимную выгоду из их прочных лингвистических связей. Между 1930 и 1964 гг. существовал интертерриториальный Комитет по языку, чья главная цель заключалась в содействии стандартизации и развитию суахили. Несмотря на развал Восточноаф-

риканского сообщества 1977 г., образовательные и языковые органы в вышеуказанных странах продолжали неофициально взаимодействовать и искать механизмы для восстановления рамок для формального сотрудничества.

После возрождения Сообщества государства-партнеры вновь получили возможность для сотрудничества в культурной и лингвистической областях.

Для полного разрешения Руанде и Бурунди присоединиться к ВАС, оба государства должны были внести некоторые внутренние законодательные поправки, среди которых — внедрение суахили и английского языка в целях согласования их социально-культурного национального единства с Кенией, Угандой и Танзанией.

Чтобы не терять связь с частью аудитории, официальные документы ВАС опубликованы на официальных языках Сообщества, а именно — на английском и суахили. Однако для эффективного взаимодействия с целевыми аудиториями, особенно в Бурунди и Руанде, ВАС переводит их и на французский язык.

Далее члены Сообщества договорились о создании Восточноафриканского Совета суахили посредством протокола в ноябре 2001 г. Миссия Совета заключается в обеспечении международного взаимодействия для политического, экономического, социального, культурного, образовательного, научного и технологического развития Восточной Африки.

Совету было поручено укрепление национальной, региональной и международной коммуникации посредством использования суахили наряду с развитием суахили как регионального языка, выражающего африканские ценности по вопросам, касающимся гендерного равенства, прав человека и демократии, инициируя, помогая и поощряя развитие суахили в Восточной Африке.

Совету также было поручено продолжать принимать активное участие в региональных исследованиях и оказывать помощь партнерам по развитию центров углубленного изучения и исследования суахили и реформировать учебную программу, чтобы обучить граждан литературным и лингвистическим навыкам и знаниям, которые соответствуют требованиям восточноафриканского общества и соответствующим планам развития Восточной Африки.

Кроме того, Межвузовский совет Восточной Африки поддерживает суахили. Университетская учебная программа обмена персонала осуществляется через Ассоциацию Суахили Восточной Африки (Чакама). Ее представители также сообщают, что если бы все государства

ВАС находились на одном уровне развития суахили, это бы очень эффективно сказалось на вопросе интеграции.

Данное исследование показывает, что наблюдается явный прогресс в использовании суахили в качестве катализатора региональной интеграции.

Однако даже несмотря на эти достижения, некоторые проблемы все еще сохраняются. В Уганде, например, суахили ассоциируется с жестокостью времен диктаторского режима Иди Амина.

Идея обучения и продвижения суахили в школах Уганды встретила жесткое сопротивление со стороны некоторых просветителей и граждан [5]. Тем не менее это исследование установило, что унитарный язык, такой как суахили, действительно может улучшить процесс интеграции. Исследование также показало, что существует симбиотическая связь между языком и коммуникацией, что оба они имеют решающее значение для интеграционного процесса.

2.3. EASTAFAB

Биеннале искусств в Восточной Африке (EASTAFAB). Биеннале искусств в Восточной Африке организует выставку искусств и ремесел в Дар-эс-Саламе каждые два года с целью пропаганды культуры и современного визуального и изобразительного искусства Восточной Африки. EASTAFAB является некоммерческой неправительственной организацией, которая зарегистрирована в Танзанийском национальном совете искусств с 2003 г. Организация финансируется за счет грантов, пожертвований и спонсорства от марокканского правительства, а также от различных международных организаций.

За эти годы биеннале выросло, в связи с увеличившимся количеством художников из стран Восточной Африки, Танзании, Кении и Уганды, что очевидно делает его все более международным. Намечены планы для перевозки EASTAFAB в Найроби (Кения), Кампалу (Уганда), Кигали (Руанда) и Бужумбура (Бурунди), что делает EASTAFAB первой перевозной биеннале в мире.

Главная цель проекта — продвижение современного искусства в регионе Восточной Африки и опять же региональная интеграция, так как взаимодействие местных и иностранных художников — его неотъемлемая часть.

Общение через искусство является неоценимой частью культурной дипломатии, поскольку оно дает участникам и аудитории возможность участвовать в межкультурном сотрудничестве [6, p. 75–83].

3. Спорт в ВАС

Восточноафриканский совет по культуре и спорту (EACSCO).

Цель Совета — «…иметь разнообразные, яркие и прогрессивные, а также спортивые мероприятия для расширения прав и возможностей восточноафриканских людей и сообщества»; «…Содействовать и развивать культуру и спорт для укрепления регионального мира, сплоченности, здорового образа жизни и борьбы с бедностью среди восточных африканцев» [7].

С этой целью ВАС проводит регулярные турниры по волейболу и другим видам спорта, в том числе Восточноафриканский Чемпионат.

Сообщество также каждый год проводит военные игры. Недавно в Уганде состоялись Девятые военные игры ВАС (Военные игры и культурные мероприятия ВАС) под темой «Один народ, одна судьба». Игры оказались настолько популярными, что обогнали все остальные включая футбол, баскетбол, волейбол, нетбол и кросс-кантри (бег по пересеченной местности).

Заключение

В международных заявлениях и путем широкой публичной дипломатии связь технологий и средств массовой информации включают инструменты, упомянутые в этой главе. Однако то, как эти инструменты используются, делает внешнюю политику и общественную дипломатию поистине уникальной. При этом различные инструменты и методы иногда пересекаются. В этом мире знания, культура и коммуникации — ключ не только к технологическому прогрессу и экономическому процветанию, но и к социальной сплоченности и устойчивому развитию.

Поскольку инициативы в области общественной дипломатии сформулированы для поддержки конкретной задачи внешней политики, логичным будет предположить, что страны с аналогичными целями и задачами также должны совместно работать над продвижением такой региональной политики интеграции.

Для прогрессивного интеграционного процесса, направленного на Таможенный союз, Общий рынок, Денежный Союз и, в конечном счете, Политическую федерацию, успех регионального общения будет измеряться тем, какой отклик он находит у масс. Для успешного выполнения данной задачи все силы должны быть нацелены на привлечение широкой общественности к интересующим их вопросам, учитывающим представления, культуру и амбиции целевой аудитории.

Литература

1. Magaga A. EAC's Close Engagement with the Media (2008) // EAC Rebranding Project. URL: http://www.eac.int/news/index.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=5&Itemid=152

2. Launches Branding Survey // Daily Nation. 24.07.2013. URL: http://www.nation.co.ke/news/politics/EAC-launches-branding-survey-/-/1064/1925078/-/view/printVersion/-/9iy85dz/-/index.html

3. Amia P. Uganda to Host 3rd Jamafest Event // Chimpreports.com. News, Pictures & Videos on Uganda's Social, lifestyle and Entertainment Scene. August 29, 2016. URL: http://chimpreports.com/entertainment/uganda-tohost-3rd-jamafest-event

4. Choge S.C. Role of (a) in Kiswahili // Research in African Languages & Linguistics (RALL). 2007-2008. Vol. 8. Ibadan, 2008. P. 19-43.

5. Mugagga R. Why Kiswahili Teaching Remains Difficult // The Observer Online. 19.09.2010. URL: http://www.observer.ug/component/content/article?id=10162:why-kiswahili-teaching-remains-difficult

6. Cultural Diplomacy in Africa. Outlook report. 2011. URL: http://www.cosv.org/download/centrodocumentazione/Cultural_Diplomacy_Outlook_Report_2011 cultural diplomacy in Africa.pdf

7. Culture & Sports [Восточноафриканский совет по культуре и спорту] // Society for International Development. URL: http://soea.sidint.net/intergration-tracker/culture-sports

А.Т. Желдыбаева

Стратегия «мягкой силы» как инструмент политики Турции в отношении Казахстана

В современном мире происходит глобальная трансформация международного политического процесса. Он становится более насыщенным, интенсивным, многоаспектным, меняются его стратегии и формы. Влияние государств на международной арене не измеряется сегодня военным или экономическим потенциалом как главенствующими ресурсами их внешней политики. Активно используемым инструментом современного международного взаимодействия становится стратегия «мягкой силы», смоделированная более четверти века назад американским политологом Джозефом Наем.

Эта перемена с очевидностью обнаруживает себя в формах и содержании внешней политики Турции, осуществляемой в отношении Республики Казахстан. Анализу содержания политики «мягкой силы» Турции в отношении Казахстана и посвящена предлагаемая статья.

«Мягкая сила» Турецкой Республики проявляет себя во многих сферах взаимодействия двух стран — экономике, использовании топливно-энергетических ресурсов, в сфере решения проблем безопасности и т.д. Мы остановимся на рассмотрении форм использования турецкой стратегии «мягкой силы» там, где она наиболее активно осуществляется — в сфере образования (включая строительство и финансирование специальных учебных заведений, и приглашение местной молодежи на обучение в Турцию) и культуры.

Первые казахско-турецкие лицеи в Казахстане появились в 1992 г. в городах Алматы, Кокшетау и Кентау, на сегодняшний день в Казахстане функционируют около 30 казахстанско-турецких лицеев, расположенных практически во всех областях Казахстана [1]. В РК открыто более 26 казахско-турецких лицеев (обучается свыше 5 тыс. человек), они функционируют на добровольные пожертвования турецких бизнесменов (около 2 млн. долл. ежегодно). В Туркестане с 1993 г. функционирует Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А. Ясави (МКТУ) со статусом самостоятельного юридического лица, который располагает солидной учебно-экспериментальной базой, университетским городком. В его открытии участвовали Тургут Озал и Н. Назарбаев. В г. Алматы функционирует частный университет имени С. Демиреля. В свою очередь, в вузах РК обучаются порядка 700 турецких граждан, работают десятки преподавателей из Турции [2]. Многие казахстанские ученые и специалисты преподают различные технические и гуманитарные дисциплины в турецких университетах.

Подавляющее большинство студентов обучается в соответствии с Протоколом о сотрудничестве между министерствами образования от 19 мая 1992 г. Многие из них обучаются по программе для туркмесхетинцев, являющихся гражданами РК. Сегодня в Казахстане функционирует более 10000 образовательных заведений [2].

Турция активно поддерживает осуществление казахстанских программ по исследованию тюркского мира, по созданию отделений турецкого языка и литературы в вузах Алматы, Кызылорды, Талдыкоргана, содействию в подготовке преподавательского состава по тюркологическим специальностям. Активную роль в упрочении научных контактов играет Высшее общество культуры, языка и истории им. Ататюрка. Общество, являющееся по существу национальной академией наук гуманитарного профиля, изъявило готовность участвовать в подготовке издания Казахской энциклопедии, журнала «Музыка тюркского мира», а также в совместных проектах по изучению наследия Коркута и археологических памятников [2].

Значительным явилось воздействие «мягкой силы» Турции на осуществляющуюся сегодня языковую реформу — перевод казахского языка на латинский алфавит. Ее подготовка актуализирует изучение опыта языковых реформ в других странах, в частности, изучение опыта перевода турецкого языка с арабского на латиницу, предпринятого в начале XX в.

Вопрос о необходимости перехода на латинский алфавит в Казахстане впервые был поднят в 1991 г., когда страна получила суверенитет. Уже тогда Глава государства Нурсултан Назарбаев говорил о том, что развитию казахского языка нужно уделять пристальное внимание. В 2006 г. на сессии Ассамблеи народа Казахстана он указал на необходимость постепенного перевода казахского языка на латинский алфавит. Эту же мысль Президент обозначил в Стратегии «Казахстан–2050» и поручил соответствующим управленческим структурам начать переход на латиницу. В 2012 г. над подготовкой реформы в стране стала работать республиканская комиссия, сформированная из ученых-лингвистов Института языкознания им. А. Байтурсынова [3].

26 октября 2017 г. Глава государства издал Указ № 569 «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» и поставил цель в ближайшие три года начать переход на новый алфавит [4]. Задача перевода казахского языка на латинскую графику соотносилась с ключевым реформированием лингвистической ситуации в Казахстане — развитием трехъязычия (знание казахского, русского и английского языков).

Проблема перевода казахского языка с кириллицы на латиницу вызвал большой общественный резонанс и нашла широкое обсуждение. Мнения разделились. Часть аналитиков обращают преимущественное внимание на сложности и опасности этого перехода: называют его поспешным и недостаточно продуманным; считают расходы на реформу неоправданными затратами; опасаются того, что реформа будет способствовать расколу общества и приведет к осложнению политической ситуации в стране; указывают на сложности адаптации фонетического строя казахского языка к латинской графике [5, 6, 7].

Подавляющее же большинство специалистов, участвующих в обсуждении, считают переход от кириллицы к латинице реформой необходимой и позитивно-значимой: латиница призвана помочь Казахстану интегрироваться в мировое сообщество и адаптироваться к его требованиям; латинизированный казахский алфавит позволит населению Казахстана лучше понимать английский язык; переход на латиницу будет способствовать модернизации страны, более широкому распро-

странению образования, открытости сознания, позволит казахстанцам стать ближе к главным достижениям цивилизации [5, 6].

В свете решения этой проблемы актуализировался опыт Турецкой Республики, которая в самом начале своей политической истории (после упразднения и распада Османской империи в итоге Первой мировой войны) осуществила языковую реформу, состоявшую в замене османско-турецкого языка на латинскую графику. Опыт Турецкой Республики был использован казахстанскими учеными. Был избран турецкий алфавит в качестве базовой модели для реформирования графики казахского языка.

Чрезвычайно активно стратегия «мягкой силы» в Казахстане осуществляется Турецкой Республикой в сфере культуры. Еще в 1992 г. Казахстаном и Турцией было заключено соглашение о спонсорстве и выполнении работ турецкой стороной по реконструкции знаменитого мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави вблизи города Туркестан. Всего реставрация потребовала 7 лет и завершилась лишь в 2000 г. Финансирование взял на себя парламент Турции. Расходы составили 54 млн долларов [8].

В Турции существует интерес к истории и культуре Казахстана, идет культурный обмен между двумя странами. Непременными участниками фестивалей искусств в Турции являются казахстанские артисты, в подобных мероприятиях, проводимых в Казахстане, активно участвуют турецкие исполнители. По предложению Президента РК Н.А. Назарбаева в текст Стамбульской декларации, принятой по итогам встречи глав тюркоязычных государств в октябре 1994 г., было внесено предложение о совместном праздновании памятных дат, связанных с жизнью и деятельностью выдающихся личностей и значительных событий тюркской культуры [7]. Свидетельством воплощения этого положения в жизнь явилось проведение в 1995 г. Дней великого казахского поэта, философа Абая в Турции, которые стали знаменательным событием в общественно-политической и культурной жизни страны. Впервые на турецком языке был издан сборник его произведений. В ряде городов Турции именем Абая названы площади, улицы, школы. Произведения Абая включены в турецкие школьные программы. В 1996 г. в Турции широко отмечалось 150-летие другого выдающегося казахского поэта — Жамбыла Жабаева. К этой знаменательной дате в Турции была выпущена книга стихов Жамбыла. В одном из самых престижных залов Анкары состоялся торжественный вечер, посвященный юбилею великого поэта, на котором присутствовали видные представители политических и интеллектуальных кругов турецкой столицы. Большая турецкая делегация приняла участие в юбилейных

торжествах Жамбыла, прошедших в Алматы. С 19 по 26 сентября 1996 г. в Турции с большим успехом прошли Дни культуры и искусства Казахстана, которые стали подлинным праздником дружбы культур, дружбы народов Казахстана и Турции [9].

Значительными событиями в культурной жизни Казахстана стало открытие турецкого культурного центра имени Юнуса Эмре. В настоящее время республика активно участвует в различных мероприятиях, проводимых турецкими межгосударственными фондами и организациями.

В рамках Международной организации тюркской культуры «ТЮРКСОЙ», созданной по инициативе Казахстана, РК проводят мероприятия, представляя республику в тюркском мире как равноправного с Турцией партнера и генератора многих проектов [12].

Чрезвычайно быстро растет влияние Турции в Казахстане через турецкие фильмы, сериалы и музыкальные клипы, пользующиеся огромной популярностью в Казахстане, да и во всех странах Центральной Азии.

Анализируя рост влияния Турецкой Республики в Казахстане, одни авторы указывают на то положительное воздействие, которое оказывает это влияние на рост казахстанского товарооборота, развитие предприятий малого бизнеса, взаимное обогащение культур; Турция обещает много, и укрепление взаимодействия с ней может быть выгодным [11].

Другие эксперты задаются вопросом — какие риски и опасности несет «турецкое возрождение» для Казахстана и других стран региона? Антон Евстратов, специалист по Среднему и Ближнему Востоку, пишет, например: «Не удивительно, что еще с 1990-х гг. Турция активно оперирует в Центральной Азии. Будучи территориально удаленной от этих государств и не имея возможности конкурировать с российским политическим и китайским экономическим влиянием в регионе, Анкара в основном сосредоточилась на том, что сейчас принято называть «мягкой силой» — на культурной, имиджевой экспансии»; считает эту экспансию опасной для Казахстана. Основную опасность он усматривает в том, что Турция «именно себя рассматривает в качестве «старшего брата» центральноазиатских республик, стремясь включить их в фарватер своей внешней политики. И это создает почву для конфликта с Россией, Китаем и другими силами, разменной монетой в котором могут оказаться именно «младшие братья». Толганай Умбеталиева, генеральный директор Центральноазиатского фонда развития демократии, пишет: «С Турцией мы друзья, партнеры, готовы сотрудничать, но на принципах равенства и на основе понятных, устраиваю-

щих обе стороны правил. Казахстану не нужен старший брат, который будет нас учить, как нам жить и как решать внутренние проблемы». Ильгар Велизаде, руководитель клуба политологов, пишет: «Вопрос, является ли турецкая модель привлекательной для стран Центральной Азии, стоял в 1990-х годах. Сегодня ни одна из них не примеряет на себя «турецкий кафтан». У каждой из стран ЦА своя специфика, своя внутриполитическая динамика, свои традиции». Ислам Кураев, специалист по Ближнему Востоку и Центральной Азии, считает: «Турецкая модель не стала и не станет для нас неким идеалом… У Турции мы можем перенять лишь опыт развития идеологической платформы в государстве. Обо всем другом говорить пока рано» [12].

Таким образом, осуществляя политику сближения с Турцией, Казахстан исходит главным образом из экономической и политической целесообразности, подходя к этому вопросу с позиций разумного прагматизма и учета национальных интересов. Казахстанское руководство считает, что общность духовных ценностей, языка и культуры народов Казахстана и Турции не является достаточным основанием для всесторонней интеграции двух стран в сфере политики и экономики. Речь о «братстве» двух стран может идти в том случае, когда это касается контактов в культурной сфере. На этом этапе Турция предполагала, что ей довольно легко удастся сформировать основанное на культурно-исторической общности общетюркское пространство на основе политико-экономической и культурной интеграции, в которое вошли бы бывшие среднеазиатские республики, Казахстан и Закавказье. Однако сами бывшие советские республики, в которых была заинтересована Турция, не выразили явного желания войти составными частями в такую общность. Стремящиеся к укреплению национального самосознания своих народов, центральноазиатские республики не принимают идею «единства тюркских народов», которая не отвечает их стремлению к национальной самоидентификации. Турция на этапе формирования отношений с республиками Центральной Азии явно переоценила свои возможности, рассчитывая стать лидером тюркского мира.

Литература

1. Накашидзе Д. Нефть Каспия и международные отношения // Власть. 2002. № 6.

2. Токаев К.К. Под стягом независимости. Очерки о внешней политике Казахстана. Алматы. 1997.

3. Стратегии «Казахстан–2050» URL: http//www.akorda.kz/ru/events/astana_kazakhstan/participation_in_events/poslanie-prezidenta-

respubliki-kazahstan-lidera-nacii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyi-politicheskii-

4. Указ президента Республики Казахстан «О переводе алфавита казахского языка с кириллицы на латинскую графику» (с изменениями от 19.02.2018 г.). URL: http//www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-perevode-alfavita-kazahskogo-yazyka-s-kirillicy-na-latinskuyu-grafiku

5. Сагидуллакызы Ж. Переход на латиницу: Что думают общественные деятели о реформе казахского языка? URL: http//informburo.kz/stati/perehod-na-latinicu-chto-dumayut-obshchestvennye-deyateli-o-reforme-kazahskogo-yazyka.html

6. Энелане Н. Мировой опыт: успешные и провальные примеры отказа от кириллицы в пользу латиницы. URL: http//informburo.kz/stati/mirovoy-opyt-uspeshnye-i-provalnye-primery-otkaza-ot-kirillicy-v-polzu-latinicy-.htm.

7. Алибаев А. Три главных вопроса о переходе Казахстана на латиницу. URL: http//centre1.com/kazakhstan/tri-glavnyh-voprosa-o-perehode-kazahstana-na-latinitsu

8. Доброта Л. Все дело в кровле. Продолжается реставрация мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави. URL: http//www.kazpravda.kz/c/1301599065.

9. Стамбульская декларация // Бюллетень международных договоров РК. 1997. № 5.

10. Шацких В. Турецкий марш. URL: http//www.zonakz.net/articles/65025.

11. Зубкова А.И. Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг.: дисс. … канд. полит. наук. М., 2015.

12. Евстратов А., Умбеталиева Т., Кураев И. Какие интересы преследует Турция в Казахстане и Центральной Азии? URL: http//www.ca-portal.ru/article:42650

Ф.Б. Зокирзода, О.Ю. Курныкин
Иран: практика использования «мягкой силы» в Центральной Азии

С распадом СССР возобновились существовавшие с древнейших времен многообразные связи между народами Ирана и Центральной Азии (ЦА). Народы ставших независимыми центральноазиатских республик с возрождением своих национальных традиций и учетом своего богатого культурного наследия подтвердили наличие историко-культурной общности со странами мусульманского ареала. Исламская Республика Иран занимает особое место в Центральной Азии. Она

является влиятельным, хотя и «внесистемным» игроком на центральноазиатском пространстве [1]. Государства ЦА, в свою очередь, стремятся к укреплению своих связей с Ираном. Историческая и культурная общность, территориальное соседство, исламская идентичность, заинтересованность в новых схемах транспортных коммуникаций, наконец, схожие экономические проблемы являются теми факторами, которые сближают эти республики с Ираном.

С уходом с исторической арены Советского Союза перед Ираном открылись новые возможности и перспективы в северном направлении, что привело к соответствующим коррективам в его внешнеполитическом курсе. До этого на севере Иран граничил с одной из двух мировых супердержав, которая определяла порядок в международных связях данного региона. В бассейне Каспия Иран соседствовал тогда с одним государством, и проблемы, связанные с разграничением на Каспии, решались только с бывшим СССР. После распада союзного государства Иран приобрел многочисленных соседей к северу от своих границ. Данная геополитическая ситуация привнесла новый импульс в региональную политику Ирана.

Отношения Ирана с государствами Центральной Азии сложно структурированы и складываются на различных уровнях взаимодействия. Центральноазиатские республики, расположенные на огромной территории площадью около 4,5 млн кв. км, удаленной от морей, сталкиваются с многочисленными экономическими, социальными и структурными проблемами. Если они не справятся с этими трудностями, то в регионе могут создаться условия для реализации опасных сценариев.

Сохранение стабильности и безопасности в ЦА занимает важное место во внешнеполитической стратегии Ирана. Вместе с тем правящие круги некоторых западных стран не скрывают своих опасений в связи с активизацией Ирана в регионе. На долгое время одним из основных тезисов западных экспертов и политиков стало утверждение о том, что Иран со своим историческим прошлым, мощным культурным влиянием, активной внешней политикой может способствовать распространению исламского фундаментализма в регионе. По оценкам западных аналитиков, в Центральной Азии, помимо национального вопроса и произвольно установленных при Сталине границ, экономические трудности и религиозный фундаментализм могут стать причинами дестабилизации. В противовес этим утверждениям Иран проводит сдержанную и вместе с тем целенаправленную политику в регионе, подчеркивая, что его целью является сотрудничество и политическая стабильность в Центральной Азии.

Этот тезис многократно подтверждался представителями Ирана при встречах и переговорах с главами центральноазиатских государств. Практика показывает, что Иран в своей центральноазиатской политике преследует, прежде всего, экономические цели. При этом Иран, расширяя и углубляя связи с Москвой, стремится к равновесию в отношениях с Россией и странами Центральной Азии. Кроме того, в современных условиях основные внешнеполитические ресурсы Ирана задействованы в ближневосточной игре, прежде всего в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, и Центральная Азия не относится к числу первостепенных приоритетов иранской внешней политики.

Иран горячо приветствовал вступление центральноазиатских государств в Организацию Исламская Конференция, поскольку их членство в ОИК, помимо расширения состава и укрепления влияния и авторитета этой организации на международной арене, привело к усилению роли неарабских членов ОИК, что объективно усиливает позиции Ирана при принятии важных решений.

При ограниченности военно-политических и экономических ресурсов Иран располагает, пожалуй, двумя сильными козырями для усиления своего влияния в Центральной Азии — удобным и кратчайшим для центральноазиатских стран выходом к Индийскому океану — и мощным культурным влиянием на народы региона. Оба эти козыря пытается использовать иранская дипломатия.

В период существования СССР все транспортные коммуникации из центральноазиатских республик проходили через территорию РСФСР. Очевидная и настоятельная необходимость диверсификации транспортных маршрутов для стран ЦА, в том числе за счет создания новых коммуникаций через иранскую территорию к югу, к Индийскому океану, укрепляет роль ИРИ в регионе. Это обстоятельство вынуждены учитывать и другие игроки, в частности, Индия, Бангладеш и другие страны вели переговоры с Ираном с целью налаживания коммуникаций с центральноазиатскими республиками [2, 3].

К числу перспективных вариантов можно отнести не столько экономический, сколько геополитический континентальный проект транспортного коридора Персидский залив — Иран — Каспийское море — Волга, далее два разветвления: одно через Волго-Дон в Черное море и далее в Европу, другое — вверх по Волге и через Беломоро-Балтийскую систему выход в Европейскую Россию и Северную Европу. ИРИ в контактах со странами региона исходит из общепризнанного факта, что Российская Федерация является важнейшим экономическим партнером для государств ЦА.

Остается открытым вопрос о степени привлекательности для центральноазиатских стран иранской общественно-политической модели. Как представляется, здесь возможно нахождение определенных точек соприкосновения, поскольку и Иран, и страны центральноазиатского региона стремятся к созданию государственной системы, где общее благосостояние народа обеспечивается социальной рыночной экономикой, что подразумевает:

— интенсивное и обозреваемое при жизни одного поколения развитие социокультурного (духовно-этического), интеллектуального и физического потенциала нации;

— создание в обществе устойчивой мотивации к труду в соответствии с рыночным спросом, ориентированной на позитивное воспроизведение «капитала личности»;

— оптимизация условий для реализации через институты государства, исламской религии и общества всех способностей человеческой личности.

После обретения государственной независимости в центральноазиатских республиках стали уделять больше внимания развитию духовной культуры, в том числе изучению персидского языка. Так, в университетах стран Центральной Азии открылись кафедры персидского языка, различные отделения и специализации, ориентированные на изучение Ирана. В Ташкенте, например, давно изучают персидский язык. Большинство преподавателей персидского языка стран Центральной Азии прошли эту школу. В Туркменистане персидский язык преподается в университете имени Махтума Кули, и число студентов, обучающихся на персидском отделении, в этом вузе неуклонно растет.

В настоящее время персидский язык преподают в четырех вузах Казахстана: в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, Казахском университете международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматинском институте международной журналистики и Международном казахско-турецком университете имени Ходжи Ахмеда Ясави. Количество студентов, изучающих персидский язык в этих вузах, превышает двести человек.

В последние годы образовательный процесс на кафедрах персидского языка в вузах и школах государств Центральной Азии имеет поддержку со стороны Исламской Республики Иран, в частности, ИРИ обеспечивает учебный процесс необходимыми учебно-методическими и техническими средствами, направляет специалистов-преподавателей персидского языка в учебные заведения, организует курсы повышения квалификации и стажировки для преподавателей и языковую практику для студентов, осуществляет курсы экстерната и другие разнообразные

формы языковых семинаров. Несомненно, влияние культуры и языка Ирана на сопредельные социумы Центральной Азии носит долговременный и глубокий характер.

В современном международном процессе, реализуемом во взаимоотношениях Ирана со странами Центральной Азии, необходимо учитывать ряд особенностей. Уровень развития и социально-государственное устройство республик Центральной Азии и Ирана заметно различаются. Отличаются и масштабы взаимодействия Ирана с отдельными странами ЦА. Так, Таджикистан с учетом культурной близости и общего языка с Ираном больше других стран региона проявляет стремление к сотрудничеству с Ираном, несмотря на некоторое охлаждение в двусторонних отношениях в настоящий момент. После достижения независимости Таджикистан открыто выразил симпатии Ирану, иранской культуре и традициям.

С учетом общих границ Иран придает особое значение Туркменистану. Общая история, наличие туркмен на севере Ирана, мавзолей туркменского поэта Махтум Кули в иранской провинции Голестан, иранское население, иммигрировавшее в различные периоды в Туркменистан — стали действенными факторами близости туркменского и иранского народов. Тот факт, что Самарканд и Бухара находятся на территории Узбекистана, сближает жителей этой страны с иранским народом и напоминает об общей истории ислама и иранской культуры, о присутствии иранцев на этой территории.

Медресе и религиозные школы Самарканда и Бухары имеют тысячелетнюю историю. Персидский язык и исламская религия находят новое воплощение и играют важную роль в формировании культуры и цивилизационной идентичности в этом регионе. Узбекистан в Центральной Азии подобен Египту в арабском мире. Эта страна полна богатыми религиозными, научными и культурными традициями. Взаимоотношения Ирана со странами ЦА проявляется также в «каспийской проблематике». В интересах Ирана реализация такой политики в каспийском регионе, которая при неизбежности учета интересов прикаспийских государств и внерегиональных, но заинтересованных акторов, не имела бы ярко выраженного прозападного наполнения. Пять прибрежных прикаспийских государств могли бы путем консенсуса эффективно решать проблемы Каспия, при этом, как представляется, Иран готов учитывать интересы России, которая останется в обозримом будущем ключевым игроком в Центральной Азии.

Исламская Республика Иран представляет собой государство с большими экономическими возможностями, выгодным геополитическим положением, мощной культурной традицией. Все это может сыг-

рать важную роль в развитии отношений со странами центральноазиатского региона. При этом культурное влияние на страны Центральной Азии может стать для Ирана некой запасной площадкой, которую он способен активизировать в необходимый момент.

Литература

1. «Мягкая сила» Ирана в Центральной Азии: беседа аналитиков Bilig Brains. URL: http://www.ca-portal.ru/article:37328

2. Иран и Индия — основы транспортных отношений // Кейхан. 13.10.1373 (на фарси). URL: http://kayhan.ir/fa/issue/1373/10

3. Расширение связей Индии со средней Азией // Эттилаат. 10.06.1373 (на фарси). URL: http://www.ettelaat.com/etiran/?m

Ф.Е. Золотарев

«Мягкая сила» в сотрудничестве Германии со странами Центральной Азии

Центральная Азия — один из активно развивающихся и перспективных регионов на Евразийском пространстве. Молодые государства, среди которых выделяют Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, становятся привлекательными целями для инвестиций и реализации разнообразных проектов многих стран, в том числе европейских. Особое внимание к ним и региону в целом проявляет Германия, которая реализует свои интересы, применяя рычаги воздействия «мягкой силы».

Концепт «мягкой силы», который впервые методологически обозначил Дж. Най, включает в себя широкий спектр трактовок. Тем не менее в основе всегда затрагивается комплекс мер по созданию привлекательного образа страны. Использование государственных, а также негосударственных рычагов воздействия только приветствуются в этом направлении, если они приносят качественный результат. В случае с Германией, которая расположилась на лидирующих позициях в рейтингах центра Портленда, занимающегося оценкой уровня результативности мягкой силы [1], за последние пять произошли существенные изменения в самой стратегии, что не могло не сказаться на Центральной Азии. В связи с этим, актуальным представляется рассмотреть, как на современном этапе применяется «мягкая сила» Германии в данном регионе.

Внешняя политика Германии ввиду членства страны в структурах НАТО и Европейского Союза соотносится с курсами этих организаций на треках и жесткой, и «мягкой силы». Однако такое перекрестное вовлечение в межгосударственные проекты не отменяет возможности ис-

пользовать национальные ресурсы и реализовывать собственный вектор политики. Традиционными и институализированными компонентами немецкой мягкой силы является деятельность Германской службы академических обменов (DAAD), Гёте-института (Goethe-Institute), а также именных фондов, которые во многом выступают в качестве институтов политических партий ФРГ, но в целом остаются независимыми от них. Тем не менее начиная с 2013-2014 гг. происходит постепенная трансформация общей линии внешней политики Германии, что также отражается на инструментах мягкой силы.

Курс на изменение связывают с контекстуальными событиями, а именно с активизацией террористических группировок на Ближнем Востоке, российско-украинскими отношениями, ростом миграционных потоков в Европу. В таких рамках появился запрос на корректировку прежнего курса внешней политики Германии. За одним исключением: вопрос построения дальнейшей стратегии был вынесен на всеобщее национальное обсуждение. Создавался гражданский дискурс между экспертами из Германии, специальными местными комитетами в федеральных землях и на уровне комиссий Бундестага [2, pp. 7–8]. По словам нынешнего Президента ФРГ Франка Вальтера Штайнмайера, «для Германии открывался уникальный момент, которым необходимо воспользоваться. Из-за тектонических изменений в мире, для страны наступает пора занять положение «связующего элемента» между другими государствами и народами» [2, p. 12]. В особенности это относится к неустойчивым режимам и слабым правительствам, в число которых попадали страны Центральной Азии, что было отмечено через два года в «Белой книге» ФРГ (в официальном документе по безопасности) [3, p. 39].

На практике этот курс реализуется через непосредственный рост контактов и взаимодействия государственных и негосударственных институтов Германии с местными институтами и гражданами в странах Центральной Азии. Так, Гёте-институт, имеющий более 150 офисов почти в 98 странах, функционирует во всех крупных городах региона (Астане, Ташкенте, Душанбе и Бишкеке), вдобавок имея в Караганде, Костанае и Павлодаре свои представительства. Деятельность организации направлена на популяризацию немецкого языка и культуры за рубежом, расширение международного сотрудничества. Сотрудники центров составляют специально направленные в них немецкие специалисты, а также местные кандидаты, отлично владеющие немецким языком. Институт предоставляет возможность пройти разнообразные курсы по освоению и повышению уровня владением иностранным языком. Для обучающихся в общеобразовательных и высших учебных заведениях дается возможность принять участие в конкурсных про-

граммах. Наглядно эти данные с официального сайта [4] представлены в таблице 1.

Таблица 1

Данные по лицам, изучающим немецкий язык при содействии Гёте-института за 2015 год

Страна	Общее количество изучающих немецкий язык	Количество изучающих немецкий язык вне центра	Количество детей, изучающих немецкий язык в центре	Количество студентов, изучающих немецкий язык в университете (при содействии со стороны Гёте-института)	Процентный охват от общего числа изучающих немецкий язык
Казахстан	27313	3871	20134	1795	94 %
Кыргызстан	28272	530	20975	6767	98 %
Таджикистан	36596	780	32030	3786	91 %
Туркменистан	226	226	н/д	н/д	100 %
Узбекистан	508142	н/д	472368	32000	более 99 %

По представленным данным можно отметить, что с содействия Гёте-института происходит широкое содействие в распространении немецкого языка. Фактически можно констатировать, что за счет средств института функционирует один из «столпов» «мягкой силы» Германии в Центральной Азии. Кроме того, отсутствие некоторых данных, в частности по Туркменистану и Узбекистану, существенным образом не влияют на процентное соотношение, сохраняя высокие показатели по странам в регионе.

Следующими инструментами «мягкой силы» Германии являются фонды, связанные с политическими партиями самой ФРГ. Как было сказано выше, их деятельность подотчетна самим политическим партиям, однако не контролируется ими полностью. Так, Фонд Фридриха Эберта активно сотрудничает с Социал-демократической партией Германии, Фонд Конрада Аденауэра и Фонд Ганса Зайделя — с Христианско-демократическим союзом Германии, Фонд Генриха Бёлля — с Зеленой партией, Фонд Фридриха Науманна — с Либеральной партией, а Фонд Розы Люксембург — с Левой партией. Общим для всех фондов является нацеленность на развитие политической образованности граждан через развитие знаний, навыков и умений. Подобная политика осуществляется при помощи финансовой поддержки, предоставляемой в виде стипендий

за особые академические успехи, и посредством организации мероприятий на местном уровне [5, с. 113–114].

На пространстве Центральной Азии фонды (за исключением Фонда Бёлля, который совсем не представлен в регионе) имеют свои представительства не во всех государствах. Преимущественно бюро располагаются в столицах стран, в крупных агломерациях. Так, Фонд Фридриха Эберта имеет представительства в Узбекистане (Ташкенте), Таджикистане (Душанбе), Казахстане (Алматы), Кыргызстане (Бишкеке) [6]; Фонд Конрада Аденауэра — в Ташкенте и в Астане [7]; Фонд Фридриха Науманна — в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане [8]; Фонд Ганса Зайделя — в Астане, Бишкеке и Душанбе [9]; Фонд Розы Люксембург — только в Алматы [10]. Данная разбросанность может объясняться в уровнях финансирования со стороны партии, в наличии факторов угроз для сотрудников фондов, особенностей политического режима, а также наличии или отсутствии инфраструктурных коммуникаций. Вероятно, по этим причинам, ни один из фондов не развивает сеть своих представительств на территории Туркменистана, отдавая вместо этого предпочтение работе из соседних государств.

Другим институализированным инструментом мягкой силы выступает Германская служба академических обменов (DAAD). В ведении службы, которая занимается вопросами академической мобильности как для собственных, так и для зарубежных граждан, находятся вопросы распределения стипендий для кандидатов. Через этот механизм происходит двусторонний обмен между Германией и определенной страной. За последнее время наблюдается существенный рост числа академических обменов, что отражено в специальном докладе [11]. Статистические данные последних лет [12] представлены в таблице 2.

Таблица 2

Динамика академических обменов, курируемых службой DAAD за 2017 г.

Страна	Количество стипендиатов, отправившихся в Германию		Количество стипендиатов, прибывших из Германии		Рост движения академических потоков	
	Общее число	Количество новых	Общее число	Количество новых	Из Германии	В Германию
Казахстан	173	115	44	32	в 1,98 раза	в 3,66 раза
Кыргызстан	107	72	14	8	в 2,05 раза	в 2,33 раза
Таджикистан	81	61	9	6	в 3,05 раза	в 3 раза
Туркменистан	27	15	5	3	в 2,25 раза	в 2,5 раза
Узбекистан	150	116	6	3	в 3,41 раза	в 2 раза

Из данных таблицы 2 видно, что за последнее время происходит рост числа обменов как по линии студенческих контактов, так и по линии научных сотрудников. На обоих треках возможно транслирование «особой привлекательности» Германии, которая является инструментом реализации политики мягкой силы страны.

В заключение необходимо сделать следующие выводы. Во-первых, реализация политики «мягкой силы» Германии в Центральной Азии осуществляется через институализированные механизмы. При помощи политических фондов, Гёте-института и DAAD происходит основное транслирование немецкого бренда и создание дружественного образа среди граждан центральноазиатских республик. Во-вторых, интенсификация и активный рост числа вовлекаемых в процесс академического обмена людей отчасти является продолжением концептуального осмысления собственного места Германии в мире, отраженного в программных документах страны, принятых ранее.

Литература

1. Germany Soft Power // The Soft Power 30. URL: https://softpower30.com/country/germany

2. Review 2014 — Außenpolitik weiter Denken. Krise, Ordnung, Europa // Die Bundesregierung [Offiz. Seite]. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/blob/269656/d26e1e50cd5acb847b4b9eb4a757e438/review2014-abschlussbericht-data.pdf

3. The 2016 White Paper: Strategic Review and Way Ahead // Planungsamt der Bundeswehr [Offiz. Seite]. URL: http://www.planungsamt.bundeswehr.de

4. Commonwealth of Independent States. Numbers of German Learners // Goethe-Institute [Offiz. Seite]. URL: https://www.goethe.de/en/spr/eng/dlz/gus.html

5. Огнева А.В. Политические фонды ФРГ и их вклад в развитие международного диалога // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2011. №4 (16). С. 113–118.

6. Internationale Arbeit // Friedrich Ebert Stiftung. URL: https://www.fes.de/stiftung/internationale-arbeit

7. Weltweit // Konrad Adenauer Stiftung. URL: http://www.kas.de/wf/de/71.15069

8. Im Einsatz für die Freiheit in Südost- und Ostereuropa // Friedrich-Naumann-Stiftung. URL: https://www.freiheit.org/location/suedost-und-osteuropa

9. Zentralasien // Hanns Seidel Stiftung. URL: https://www.hss.de/weltweit-aktiv/asien/zentralasien

10. Asien // Rosa Luxemburg Stiftung. URL: https://www.rosalux.de/stiftung/zid/asien

11. Annual Report of the German Academic Exchange Service 2016 // DAAD. URL: https://www.daad.de/medien/der-daad/medien-publikationen/publikationen-pdfs/fin_daad_jahresbericht-16-en_170712_60dpi.pdf

12. DAAD-Länderstatistiken // German Academic Exchange Service. URL: https://www.daad.de/der-daad/zahlen-und-fakten/de/29263-daad-laenderstatistiken

Л.Г. Коваленко

«Мягкая сила» и ее механизмы в политическом процессе

Проблема «мягкой силы» (МС), как антитезы «жесткой силы», в XXI в. приобрела особую актуальность. Концепция МС разрабатывалась учеными Запада и России и имеет глубокие исторические корни, восходя к политико-философской мысли Древнего Китая и Греции. Автор считает, что в качестве одного из обобщенных определений можно принять следующее: «мягкая сила» — это «форма внешнеполитической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности» [1].

Механизмы МС отличаются разнообразием и порой необычностью. И соответственны способы их применения. На постсоветском пространстве использование МС имеет особое значение. М. Лебедева и М. Харкевич рассматривают МС как интеграционный ресурс, являющийся необходимым компонентом политики, направленной на развитие интеграционного процесса, в том числе и в мировом масштабе. МС позволяет интеграционным процессам в Евразийском Союзе протекать с наименьшими издержками и повысить привлекательность для других государств. Ресурсами МС РФ, усиливающими интеграционные процессы, являются высшее образование и наука. Российские академические институты, вузы, научные лаборатории могут быть центрами интеграции науки на евразийском пространстве. Но для этого необходимо и тесное сотрудничество с мировыми центрами науки. Такой стратегии придерживаются государства БРИКС — Китай и Индия. То есть, с одной стороны, наука и образование позволят углубить интеграцию, а с другой — направить позитивный опыт интеграции в экономической области на смежные сферы межгосударственного взаимодействия [2, с. 10–13]. Экономические ресурсы МС через торговлю, инвестиции являются одним из главных способов воздействия на внутреннюю и внешнюю политику и более действенны, чем воен-

ная сила. МС может использоваться в двух ипостасях: «кнут» — эмбарго, санкции (по отношению к России, Ирану, Сирии, КНДР) и «пряник» — обеспечение благоприятного режима торговли, предоставление кредитов, развертывание на территории других государств производств (США активно использует этот способ), трансфер передовых технологий. При этом государство-донор может выдвигать любые условия, вплоть до угрозы свержения правительства. Огромное влияние в этом плане оказывает ЕС. Имеет значение и структура торговли: либо природными ресурсами (Россия) либо технологиями и техникой, так как первое ведет к ослаблению государств в будущем, второе — к усилению влияния.

XXI в. актуализировал такой механизм МС, как спорт. И прежде всего — Олимпийские игры, выступить на которых мечта любого спортсмена, а для принимающего государства — обретение статуса Олимпийской державы. Олимпийские игры 2014 г. в РФ ярко продемонстрировали политическую составляющую в спорте. Российских спортсменов — чемпионов Олимпиады, обвинили в употребления допинга, лишив возможности участвовать в Олимпиаде летом 2014 г., а зимняя Олимпиада 2018 г. показала, что Игры, призванные объединять континенты, людей под эгидой сотрудничества, стали частью большой политики (и коммерции). Политические скандалы стали спутниками большого спорта. Церемонии открытия и закрытия — это показатель ресурсного потенциала принимающей стороны. Почему Олимпиада — это МС? Считают, что в 1936 г. Олимпиада в Берлине проводилась не столько во имя спорта, сколько политики. Был представлен миф о мирной и толерантной Германии, в которой процветала расовая политика, были проявлены чудеса «мягкой силы», де Кубертен, основатель современных Олимпийских игр, назвал Гитлера одним из лучших творческих духов нашей эпохи. Средств Третий рейх на раскрутку имиджа не жалел, впервые была организована телевизионная трансляция Игр. Таким образом, Олимпиада стала инструментом повышения политического веса страны и ее руководства. В рамках МС Олимпиада эксплуатировалась не только Германией, но и всеми принимающими странами для демонстрации не только своих достижений в спорте. В настоящее время Олимпийские игры все больше становятся похожими на плацдарм для выяснения отношений между политическими оппонентами и способ показать, кто хозяин положения, а также сформировать национальный имидж. В 2008 г. во время Олимпиады в Пекине началась война в Южной Осетии, то есть олимпийский дух не стал помехой для решения политических проблем. В 2018 г. «до-

пинговый скандал» против российских спортсменов носил политический подтекст с целью «надавить» на Россию [3].

Одним из важных ресурсов МС и механизмов манипуляции сознанием стала статистика, данные которой можно интерпретировать соответственно целям субъектов. Активно этот механизм эксплуатируется в экономической и социальной сферах, а также во время избирательных кампаний, посредством его можно укрепить доверие к власти, проводимой политике или ввергнуть общество в состояние конфликта (что часто наблюдается в новейшей истории России и других стран), определяя направленность и протекание политического процесса. Статистические данные, например, данные по вооружению (количество танков, ракет, самолетов и т.п.), можно использовать как механизм воздействия на субъекты международных отношений, и сделать вывод о подготовке к вторжению (Польша, страны Прибалтики говорят о российской угрозе).

Технологиями ненасильственной борьбы — «мягкой силой» XXI века — стали информационные технологии. Американские политтехнологи изобрели технологии «цветных революций», предполагающие воздействие на сознание граждан с целью смены власти и курса развития страны-объекта. Этот механизм эффективно сработал в ряде стран — Грузии, Украине, Киргизии, Армении. В ходе этих событий использовались символы — розы, тюльпаны, белые ленточки и др. — то, что как бы создает ощущение единения, определяя последующие действия. Автор считает, что особую опасность представляют психотехники, оказывающие воздействие на подрастающее поколение через Интернет, они формируют жесткий тип поведения, а именно немотивированную агрессию. Это дает возможность манипулировать и использовать молодое поколение для реализации своих целей по достижению власти, а также формировать отношение к другим нациям и государствам, представляя их в качестве врага. На Западе сформировалось отношение к Российской Федерации как к стране-агрессору, особенно это свойственно в настоящее время молодому поколению. Таким образом, манипуляция — это очень действенный механизм МС, включающий разнообразный инструментарий, позволяющий целенаправленно влиять на политические взгляды, ценности и поведение. Субъектами такого воздействия могут быть, например, учитель, политик, политолог, пропагандист, религиозный деятель.

Ряд экспертов, анализируя процедуру выдвижения кандидатов на присуждение Нобелевской премии, отмечают, что сегодня сильна

политическая составляющая в этом процессе. Чаще всего лауреатами становятся шведские и американские ученые; среди политиков, получивших премию мира, есть Б. Обама, начавший войну в Ливии. Нобелевская премия по литературе была дана С.А. Алексиевич в 2015 г. с формулировкой «за ее многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в настоящее время» за цикл работ, в которых превалировал политический мотив, что очень востребовано на Западе, то есть и в такой премии важен политический подтекст — это действенный механизм МС.

2018 г. ознаменовался крупномасштабной дипломатической войной, развязанной против РФ, средства применялись достаточно разнообразные. Главный инструмент — провокация, ее активно использовала Великобритания, объявив о химатаке России на граждан страны, подключив к этой акции своих союзников по ЕС и НАТО, используя очень жесткую риторику. То есть в данной ситуации можно говорить о применении «жесткой мягкой силы» с далеко идущими последствиями. Подобную провокацию организовало СБУ — псевдоубийство журналиста Бабченко в Киеве, а цель — обвинить Россию.

Следует отметить, что МС часто используется политиками для решения своих личных проблем. Д. Трамп ищет способы отбить «атаки» по поводу якобы связи с РФ и помощи во время президентской кампании 2016 г. У Т. Мэй — проблема Брексита и нападки оппонентов на премьера. П. Порошенко стремится повысить свой авторитет и укрепить положение накануне выборов. Другие страны выражают солидарность, вовлекаясь в процедуру санкций, и имеют свою выгоду. Все это создает крайне опасную ситуацию, влияет на протекание мирового политического процесса и политического процесса в каждой стране.

Таким образом, «мягкая сила», как механизм воздействия на все процессы в мире, очень востребована, поскольку дает возможность избежать крупномасштабных военных действий, научиться достигать соглашений в переговорном процессе; шире использовать такие ключевые поставщики «мягкой силы» как образование и культура, экономическое и научно-техническое сотрудничество. Но применение МС и ее механизмов требует от субъектов большой осторожности и искусства, чтобы она не превратилась в «жесткую силу». Основные механизмы МС — институциональные, социально организованные, информационные, психолингвистические, дипломатические.

Литература

1. Мягкая сила // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мягкая_сила

2. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-университета. 2014. № 2.

3. Хатагова И. Властелины пяти колец // Московский комсомолец на Алтае. 14–21.02.2018.

С.В. Козлов, Д.В. Березняков, А.М. Барсуков

«Мягкая сила» России на евразийском пространстве

В теории международных отношений существует значительное число подходов, объясняющих особенности политической организации мира. Вторая половина XX в. ознаменовалась поиском новых стратегий и идеологических обоснований в конкуренции за глобальное лидерство. Вместе с тем в исследовательской среде остаются вопросы, связанные с влиянием теорий международных отношений на интерпретацию политики и необходимость деконструкции имеющихся теорий от идеологических моментов [1]. По мнению российского исследователя Ф. Войтоловского, трансформация международных отношений требует понимания специфики процессов на каждом уровне организации — внутригосударственном, транснациональном и глобальном. Неотъемлемой составляющей является необходимость идеологической рефлексии, которая отражает позиции и цели субъекта международных отношений в существующей политической реальности и мотивирует субъект к выбору стратегий и средств достижения долгосрочных целей [2]. Несмотря на определенные противоречия относительно «сочетания» теории и политики, исследователи отмечают, что в ходе смены типов мирового устройства и международных отношений — миропорядка империй, сверхдержав и имперского миропорядка — происходило развитие идеологий сверхдержав в борьбе за гегемониальный и имперский порядок [3]. Американский исследователь Майкл Манн считает, что послевоенный миропорядок основывался на трех столпах: капитализме, национально-государственной системе и мировой империи — США, которая, на взгляд автора, реализует власть над другими посредством использования четырех источников [4, с. 1–4]:

- идеологическая власть, которая основывается на разделении общих норм и ценностей (идеологии особенно востребованы в период кризисов);

- экономическая власть (главным типом организации экономической власти является промышленный капитализм);
- военная власть;
- политическая власть (поскольку власть политическая ограничена географически, то власть государства, в отличие от идеологии, имеет территориальные ограничения).

Таким образом, Майкл Манн считает, что после 1945 г. процессы глобализации привели к диффузии идеологий. Ценности и взгляды элиты США и Западной Европы, по мнению Ф. Войтоловского, во второй половине XX в. ретранслировались на международные отношения и нашли свое отражение в ряде идейно-политических систем [5]. В исследованиях отмечают, что появление множества стратегий «разумной силы» было обусловлено международно-политическими факторами, которые стали основанием для идеологического и теоретического оформления представлений о властных стратегиях в борьбе за глобальное и коллективное лидерство [6]. Одной из концепций расширения влияния государств стала «мягкая сила» Дж. Ная и Р. Кеохейна, которые обосновали «транснациональную зависимость». Термин «мягкая сила» был упомянут Дж. Наем в 1990 г. в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы» [7]. Суть «мягкой силы» заключалась в убеждении, а не в принуждении союзников. Дж. Най выделял три типа внешнеполитических ресурсов: военный потенциал, экономическое могущество и нематериальные ресурсы.

Исходя из необходимости формирования потенциала российской «мягкой силы» на евразийском пространстве, возникает потребность в понимании специфики интеграционных процессов и политических систем. В данном случае под евразийским пространством мы преимущественно понимаем страны Центральной Азии и Евразийского экономического союза.

С позиций теории политического реализма и неореализма формирование альянса неизбежно приведет к издержкам, и сейчас немало скептических оценок исследователей относительно стремления России к коллективному лидерству на пространстве ЕАЭС [8].

С исследовательской точки зрения, проблемы формирования альянса и реализации «мягкой силы» России можно рассматривать с нескольких позиций:

1. Теоретико-методологические проблемы формирования системы индикаторов и пакета методик, на основе которых можно было бы оценивать могущество и влияние государств [9].
2. Концепция «мягкой силы» в большей степени связана с гегемониальной парадигмой в теории международных отношений, что

подразумевает стремление сверхдержавы к конструированию гегемониальной структуры и стабильности через распространение универсальных ценностей и благ для остальных участников международных отношений [10].

3. Возможно ли объяснить коллективное и глобальное лидерство вне имперских и гегемониальных теорий, например, в рамках концепции децентрализованного регионализма Б. Бузана и применимо ли это к формируемому альянсу на евразийском пространстве? [11]. Особенность данного подхода заключается в том, что региональные лидеры и государства развивают межгосударственное сотрудничество вне гегемониальных структур. Немецкий исследователь У. Менцель считает, что государства, стремящиеся к имперскому порядку, стремятся к установлению ренты и использованию ресурсов участников альянса, а направленные в своем выборе и развитии к гегемониальному порядку основываются на своей политической, военной и экономической мощи [12].

Французский социолог П. Бурдье считает, что государство выстраивает собственные стратегии воспроизводства символической власти и господства [13, с. 97]. Одним из таких инструментов для России является «мягкая сила», которая реализуется посредством публичной и общественной дипломатии. Следует отметить, что закрепление и обозначение данных понятий во внешнеполитических документах появилось сравнительно недавно.

В чем суть и особенность подходов к пониманию?

Классическую современную концепцию «публичной дипломатии» представил декан Школы права и дипломатии им. А.Б. Флэтчера Университета Тафтса Э. Гуллион при формировании Центра публичной дипломатии им. Э.Р. Мэрроу в 1965 г. В брошюре, посвященной Центру, она излагалась следующим образом: «Публичная дипломатия … имеет дело с влиянием общественных установок на осуществление внешней политики. Она включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияния на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты) и процесс межкультурных коммуникаций… Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [14]. Сам Э. Гуллион писал: «Под публичной дипломатией мы понимаем средства, при помощи которых правительства, частные

группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [15].

Публичная дипломатия — это система, через которую реализуются основные направления работы в области «мягкой силы», опираясь на институты «третьего сектора». В свою очередь, общественная дипломатия — взаимодействие, направленное на формирование контактов с зарубежной аудиторией с целью реализации культурно-гуманитарных проектов и сотрудничества.

Отметим, что концепция внешней политики 2016 г. поясняет, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам». Однако в концепции внешней политики 2016 г. нет обозначения понятия «публичная дипломатия», но отражается понятие «сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач» [16].

В международном рейтинге Portland Communications 2018 г. «мягкая сила» России заняла 28-е место [17]. Одним из институтов реализации «мягкой силы» России является Россотрудничество, у которого функционируют филиалы в 48 странах мира. Согласно документам Россотрудничества, предполагается участие 45 стран в реализации комплекса мероприятий, направленных на развитие интеграции в Евразии, гуманитарное сотрудничество, поддержку соотечественников и экспорт российское образование [18]. В 2017 г. в РФ был определен список из 39 вузов, участвующих в экспорте образования [19]. Согласно паспорту проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», предстоит развивать совместные образовательные программы, онлайн-платформы и усовершенствовать нормативную базу. «В результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году, а количество иностранных слушателей онлайн-курсов российских образовательных организаций — с 1 млн 100 тысяч человек до 3 млн 500 тысяч человек» [20]. По итогам приемной кампании 2017 г. квота приема заявлений на обучение в российских вузах от иностранных абитуриентов превысила в 6 раз количество квот. В частности, в Новосибирской области планируется увеличение иностранных

студентов к 2025 г. до 24000. В этой связи идет обсуждение создания благоприятной среды для иностранных обучающихся.

Вместе с тем ряд направлений деятельности институтов российской публичной дипломатии в рамках утвержденных программ получит увеличение бюджета до 2020 г., например, на поддержку русского языка [22]. Фонд Президентских грантов в России занимается отбором проектов и финансирует заявки, в том числе в области публичной и общественной дипломатии. Особое внимание уделяется тематическим проектам, направленным на развитие актуальных форматов межрегионального и приграничного сотрудничества, а также участию молодежи стран ЕАЭС в образовательных проектах.

Поддержке русского языка и соотечественников, некоммерческих организаций и формированию позитивного имиджа России способствует Фонд «Русский мир». Согласно отчету о деятельности Фонда «Русский мир» за 2017 г., в настоящее время открыто 117 Русских центров и 144 Кабинета Русского мира в 60 странах мира. Проведено 3591 мероприятие при финансовой поддержке Фонда. С 2007 по 2017 г. Фонд «Русский мир» одобрил 2055 заявок на предоставление грантов из них в 2017 г. было поддержано 178 заявок на получение финансирования. По регионам и количеству заявок: Европа — 65, РФ — 62, страны СНГ — 40, Северная и Южная Америка — 4, Азия, Африка, Австралия — 7. Таким образом, приоритет в финансовой поддержке заявок за евразийским пространством [23]. В целом Центральная Азия стала геополитическим регионом, за который идет конкуренция между альянсами. Одной из форм «мягкой силы» России и других стран в Центральной Азии является экономическая поддержка и инвестиции. Так, с 1992 по 2017 г. Россия инвестировала в регион порядка $ 20 млрд. «В Центральной Азии активно работают свыше 7,5 тыс. российских и совместных предприятий. Большая часть денежных средств (только за 2013–2016 гг. более чем $ 37 млрд) поступают в страны региона в результате трудовой деятельности их граждан в России» [24]. Европейский Союз в сентябре 2018 г. принял новую стратегию ЕС в Центральной Азии, которая подразумевает увеличение инвестиций, создание транспортных, логистических и цифровых сетей, развитие двусторонних и глобальных партнерств [25]. В этой связи российский исследователь Леонид Гусев считает, что конкуренция ЕС и ЕАЭС для России означает, что необходимо поддерживать проекты, направленные на единство в военно-политической, экономической, научной, образовательной и культурной сферах [26]. Помимо ЕС страны Центральной Азии в качестве экономических партнеров рассматриваются Китаем и США [27, 28].

Таким образом, несмотря на ряд успехов в реализации российской «мягкой силы» на евразийском пространстве можно выделить следующие особенности и дискуссионные моменты:

1) «мягкая сила» России нуждается в идеологической рефлексии с последующей ревизией мер, направленных на сопровождение внешнеполитической деятельности;

2) инструменты публичной и общественной дипломатии необходимо адаптировать к внешним и внутренним изменениям на национальном и международном уровнях;

3) формирование альянса на евразийском пространстве требует работы по установлению доверия и многостороннего сотрудничества по укреплению институциональных структур;

4) в условиях стремления Запада изолировать и фрагментировать формируемый альянс в рамках ЕАЭС актуализируется потребность в сравнительном изучении теории и практики применения политических технологий;

5) «цифровая дипломатия» и информационное противостояние требуют ревизии подходов России и стран ЕАЭС к созданию инфраструктуры политики памяти;

6) необходимо включить в интеграционную повестку вопросы, связанные с образованием и научной дипломатией;

7) «мягкая сила» России и использование ресурсов НПО будет ограничено без формулирования системных задач и включения регионов в сопровождение внешней политики России.

Литература

1. Алексеева Т.А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. Том 17. № 2. С. 217–232.

2. Войтоловский Ф. Идеологическая рефлексия мировой политики. URL: http://www.intertrends.ru/fifteen/004.htm

3. От миропорядка империй к имперскому миропорядку / отв. ред. Ф.Г. Войтоловский, П.А. Гудев, Э.Г. Соловьев. М., 2005.

4. Манн М. Источники социальной власти: в 4 т. Т. 4. Глобализации, 1945–2011 годы. М., 2018.

5. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е — 2000-е гг. М., 2007.

6. Столетов О.В. Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. М., 2018.

7. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.

8. Андронова И.В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций. 2016. № 2. С. 7–24.

9. Мельвиль А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. 2018. № 1. С. 173–200.

10. Keohane R. After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy. New Jersey, 1984

11. Buzan B. Eine Weltordnung ohne Supermächte: Dezentrierter Globalismus. URL: http://fpss.blog.rosalux.de/files/2015/08/PTB20-Buzan.pdf

12. Menzel U. Die Ordnung der Welt. Imperium oder Hegemonie? URL: https://publikationsserver.tu-braunschweig.de/servlets/MCRFileNodeServlet/dbbs_derivate_00028098/Menzel-Imperium_Hegemonie_13.pdf

13. Бурдье П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо и М.-К. Ривьер. М., 2016

14. What is Public Diplomacy? URL: http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy

15. Definitions of Public Diplomacy URL: http://fletcher.tufts.edu/Murrow/Diplomacy/Definitions

16. Концепция внешней политики 2016. МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

17. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. URL: https://softpower30.com/wp-content/uploads/2018/07/The-Soft-Power-30-Report-2018.pdf

18. Отчет о ходе реализации Публичной декларации целей и задач за I полугодие 2017 года. URL: http://rs.gov.ru

19. Правительство определило 39 вузов для экспорта российского образования URL: www.susu.ru/ru/news/2017/09/08/pravitelstvo-opredelilo-39-vuzov-dlya-eksporta-rossiyskogo-obrazovaniya

20. Утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» URL: http://www.cluster-nso.ru/news/utverzhdyon-pasport-prioritetnogo-proekta-razvitie-eksportnogo-potentsiala-rossiyskoy-sistemyi-obrazovaniya

21. Оя Е. Борьба за место: в 2017 году число иностранных абитуриентов в российских вузах в 6 раз превысило количество квот // RT на

русском. 29.08.2017. URL: https://russian.rt.com/russia/article/424109-inostrancy-obuchenie-rossiya

22. Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 № 481 (ред. от 02.04.2016) «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016 — 2020 годы» URL: http://rulaws.ru/goverment/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-20.05.2015-N-481

23. Отчет о деятельности Фонда «Русский мир» в 2017 году. URL: https://russkiymir.ru/events/docs/report_2017.pdf

24. Помощь России странам Центральной Азии превысила $ 6 млрд. за 10 лет. URL: http://eurasia.expert/pomoshch-rossii-stranam-tsentralnoy-azii-prevysila-6-mlrd/

25. Connecting Europe and Asia: Building Blocks for an EU Strategy. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en

26. Гусев Л. Конкуренция и взаимодействие ЕС и ЕАЭС в Центральной Азии // Информационное агентство Regnum. 19.07.2018. URL: https://regnum.ru/news/2450566.html

27. Китай и Центральная Азия (инфографика). URL: http://caa-network.org/archives/10334

28. An Updated U.S. Strategy for Central Asia, 2018. URL: https://docs.house.gov/meetings/FA/FA14/20180718/108568/HHRG-115-FA14-Wstate-StarrS-20180718.pdf

В.Н. Козулин

Пророссийский вектор в современной западной публицистике как ресурс «мягкой силы» современной России?

В прошлогодней статье (в «Дневнике АШПИ») нами были даны некоторые практические рекомендации по использованию ресурсов «мягкой силы» России [1]. На этот раз мы решили обратить внимание на еще один возможный ресурс — существование и даже определенный рост числа людей на Западе, дружественно настроенных по отношению к современной «путинской» России, в том числе среди журналистов и публицистов, оказывающих влияние на формирование общественного мнения. Этой теме (западных симпатизантов России) тоже была уже посвящена одна наша статья [2]. Но в ней рассматривался аспект миграции, а не «мягкой силы», и затрагивался более широкий круг лиц, нежели представители общественного мнения.

Эпоху Путина часто сравнивают с эпохой Николая I [ср.: 3–6]. Однако Николаю I все же не удавалось приобрести столько поклонников на Западе, сколько Путину. Попытки Николая I улучшить свой имидж

на Западе, как правило, оканчивались провалом: и у него, и у России его времени там было крайне мало искренних сторонников [см.: 7]. Поэтому нужно отдать должное успехам современной российской пропаганды и PR, во многом благодаря действию которых у современной России и ее лидера Путина на Западе существует большое число сторонников. В Германии появился даже такой термин, в связи с этим — Putinversteher («понимающие Путина»). Но пропаганду и средства манипулирования общественным мнением (как элементы информационной войны) было бы, с нашей точки зрения, неверным относить к «мягкой силе». И в настоящей статье мы бы хотели попытаться выявить иные мотивы наличия сторонников у Путина и у современной России — мотивы, которые можно было бы отнести к действию «мягкой силы» России. Мы придерживаемся классического понимания «мягкой силы» Дж. Ная, согласно которому это не навязчивая сила, а, главным образом, естественная привлекательность каких-то ценностей, культурное влияние [1, с. 138].

Примеры авантюрно-романтического тяготения к России, к ее необычной загадочной культуре у западноевропейцев встречались с давних пор, а с рубежа XVIII–XIX вв. (эпохи революций) Россия начинает привлекать еще и наиболее консервативные круги западного общества — как образец и оплот консерватизма. В современной общественно-политической мысли Европы тоже немало таких «русофилов», которые идеализируют в России исключительно традиционное и консервативное начало. Чаще всего симпатизируют «путинской России» именно представители ультраправых, иначе говоря, консервативно-националистических сил в Европе (лидер французских националистов Марин Ле Пен, глава австрийской Партии свободы Хайнц-Христиан Штрахе, лидер ультранационалистической партии Венгрии «Йоббик» Габор Вон и др.) (подробней об этом см.: [2, с. 129]).

Что касается идеологического тренда в пользу нашей страны на Западе, нельзя не вспомнить советский опыт, когда на Западе было немало поклонников СССР. У Советского Союза все-таки была довольно привлекательная (особенно при взгляде из «капиталистического» далека) идеология. И в этой привлекательности была «мягкая сила» Советского Союза, которая притягивала многие не самые худшие умы мира (в диапазоне от Бернарда Шоу до Хемингуэя). На Западе по этому поводу возник специальный термин — «полезные идиоты» (“useful idiots”), авторство которого приписывалось В.И. Ленину. В последнее время этот термин возродился в варианте «полезные идиоты Путина» [8; 9]. Кто эти люди? И каковы их мотивы идеализации «путинской России»? Ведь главного идеологического аргумента, свя-

занного с восхищением строительством в СССР нового общества всеобщего равенства и справедливости, уже нет и в помине.

О некоторых из таких людей, представителях определенного сегмента общественного мнения, упоминается в вышеназванных статьях в западной прессе. Объем доклада не позволяет рассмотреть большое количество примеров, поэтому остановимся только на двух — представляющихся нам наиболее яркими — попытках оправдать и отчасти идеализировать нынешний российский политический режим, который, чего греха таить, даже у многих отечественных интеллектуалов чрезмерного восторга не вызывает.

Первый пример — американский режиссер-документалист Оливер Стоун, автор документального фильма-интервью о Владимире Путине, вышедшего на экраны в прошлом году. Расширенная версия этого интервью была издана в виде книги [10, 11].

Объяснение этому очарованию современной Россией и лично Путиным найти не сложно. Исчерпывающее объяснение мотивам Стоуна (и заодно мотивам, почему именно он получил добро на создание четырехсерийной телеэпопеи о Путине) еще за три года до ее появления дал культуролог Д.В. Суворов — в связи с выходом предыдущей нашумевшей киноленты Стоуна «Нерассказанная история США»: «Прежде всего, нужно помнить, что Оливер Стоун — представитель «новых левых», <…> явный симпатант многих левацких политических режимов Латинской Америки. Стоун классически разыгрывает знакомую функциональную роль интеллигента-бунтаря, борца с мифами, взрывающего самодовольное спокойствие обывательского мира» [12]. Добавить к этому объяснению можно разве лишь то, что очень часто одной из глубинных причин поиска идеала на стороне является недовольство кризисными явлениями в собственном обществе. Случай Стоуна — не исключение.

Совсем иное дело — вышедшая три года тому назад в Швейцарии, два года назад — в русском переводе, а в прошлом году — в английском — книга швейцарского журналиста и общественно-политического деятеля Ги Меттана с длинным заглавием «Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса» [13, 14, 15]. В отличие от стоуновского фильма она пока известна не столь широким кругам, но в будущем, по мысли автора послесловия в ее русском издании, ей, вероятно, суждено стать дискуссионной для нескольких поколений читателей (наподобие книги де Кюстина «Россия в 1839 году»). Примечательно, что довольно хвалебное вступление к этой книге, на первый взгляд, весьма консерва-

тивной (в духе завзятого славянофильства), написал российский журналист Владимир Познер, известный своими либеральными взглядами.

К этой книге мы намерены отнестись со всей серьезностью, так как, возможно, она представляет собой важный залог «мягкой силы» современной России, за который та могла бы ухватиться, как утопающий за соломинку, в условиях крайнего кризиса доверия и репутации. С другой стороны, сама эта точка зрения в известной мере может являться результатом действия «мягкой силы» русской культуры. Благодаря чему автор проникся сочувствием к вечно критикуемой на Западе России, проникся желанием ее понять и опровергнуть расхожие и несправедливые, по его мнению, стереотипы? Не исключено, что это произошло отчасти и благодаря влиянию нашей великой гуманистической культуры «Толстого и Достоевского», носители которой просто не могут быть такими злодеями, какими они зачастую рисуются в общественном мнении Запада.

Впрочем, сам автор отвечает на этот вопрос более конкретно и прагматично: «книга является одновременно результатом многолетнего профессионального опыта и реакцией на украинский кризис 2014 года», — говорит он. Меттан придерживается точки зрения, что Россию несправедливо обвиняют во всем том, что связано с Украиной, в частности в том, что Россия имеет какое-либо отношение к крушению самолета MH17 Малайзийских авиалиний в 2014 г. или к попыткам «захвата Донбасса» [14, с. 13, 44, 101–103].

Стоит заметить, что автор книги, конечно, придерживается иной, чем мы, трактовки понятия «мягкой силы», считая ее американской «концепцией беспрецедентной ударной мощи», активно использующейся всеми «антироссийскими либеральными кругами» Запада, «любимым коньком западных русофобов» [14, с. 42, 337, 345].

Вообще, читая Метана, иногда хочется задать вопрос: а не поддается ли он сам в какой-то мере воздействию российской пропаганды, влияние которой на западное мнение, как нам кажется, уже трудно переоценить. Ведь ратуя за объективность и разоблачая предвзятость и штампы западного общественного мнения, автор иногда сам уходит в противоположный крен, излагая популярные штампы российской госпропаганды и не подвергая их столь же критическому разбору, как западные трафареты.

Главные тезисы г-на Меттана состоят в следующем. По его мнению, распространенная на Западе русофобия уходит корнями «во времена Карла Великого, который 1200 лет назад создал Западную империю и заложил основы того, из чего вышел Великий религиозный раскол в 1054 году». «Что меня поразило, — говорит Ги Меттан на пресс-

конференции в ТАСС, посвященной презентации его книги, — я понял, что в школе мне рассказывали о тех временах совершенно поиному, исторически неправильно. Всегда мне говорили, что раскольники были из восточной церкви, которая и откололась от единой христианской. Но теперь я знаю, что все произошло с точностью до наоборот — откололась-то западная католическая церковь от всеобщей, универсальной церкви. А восточная церковь осталась православной — ортодоксальной. Ортодоксы — это восточная церковь. Так вот, чтобы снять с себя вину за этот раскол, западные богословы, теологи того времени начали кампанию по интеллектуальной обработке и обоснованию той идеи, как переложить вину за раскол на восточную церковь. И уже тогда они начали использовать аргументы, которые вновь и вновь возвращаются в рамках этого противостояния Запада с Россией» [16].

Позднее, когда Россия стала мощной империей, антироссийские настроения получили еще и дополнительную мотивировку в виде угрозы российской агрессии. Поэтому, как справедливо отмечает автор, на Западе была состряпана фальшивка «Завещание Петра Великого», в которой говорилось о том, что Петр I якобы завещал своим преемникам завоевать всю Европу [см.: 17, с. 191–192]. Это завещание — «своего рода предшественник „Протоколов сионских мудрецов“. Такая же фальшивка, только направленная против русского мира» [16]. Психологически боязнь России нетрудно объяснить, — замечает Меттан, — ведь «у европейцев при взгляде на карту возникает ощущение тревоги и обеспокоенности, потому что „такое огромное не может быть не чем иным, как угрозой“… Эта огромность очень удобна для европейских карикатуристов, которые издавна рисуют Россию как гигантского медведя, который нависает над маленькой по отношению к нему Европой» [16].

Следует признать, что в рассуждениях Ги Меттана содержится немало рационального, ставятся проблемы, над которыми стоит задуматься. Его невозможно однозначно причислить к типу «полезных идиотов». Вообще, оба рассмотренных нами примера, и Меттан, и Стоун, безусловно, оригинально мыслящие люди. Что привлекает их в современной России? Конечно, это не идеология, как было во времена СССР, потому что такой идеологии у современной России нет, и «на замену» никакой новой принципиально иной идеологии, отличной от западной и при этом столь же заманчивой и претендующей на прогрессивность, какой была коммунистическая, пока не создано. Скорее всего, в современной России всех подобных мыслителей привлекает исключительно сам факт ее внешнеполитического и популяри-

зируемого в СМИ противостояния Западу. То есть главная причина идеализации современной России, на наш взгляд, кроется в неприятии кризисных явлений, существующих в собственной «западной» цивилизации, в известном разочаровании ею. Об этом «проговаривается» и сам Меттан: «Европейский союз достиг границ, лимитов своего развития и проявились внутренние проблемы самого Евросоюза, а потому это очень удобная ситуация, когда на Россию можно свалить все проблемы» [16]. Очевидно, распространение такого подхода в западной публицистике является ресурсом «мягкой силы» современной России, и чем сильнее будет нарастать противостояние России и Запада, тем больше будет усиливаться этот ресурс.

Важная конструктивная мысль обоих авторов и всех в целом представителей пророссийского сегмента общественного мнения Запада состоит в призыве к отказу от старых замшелых стереотипов в восприятии друг друга, призыве услышать другую сторону и начать реальную перезагрузку взаимоотношений. Меттан в этом вопросе настроен оптимистично. Отвечая на вопрос журналиста «Российской газеты», он заявил, что выход из порочного круга возможен: «Было бы желание с обеих сторон. Подтверждением тому, что такое возможно, служит примирение между Францией и Германией, которые с конца XIX века были заклятыми врагами, <…> но, отбросив предрассудки, смогли прийти к согласию, став еще в начале 50-х годов прошлого столетия локомотивом европейского строительства» [18].

Еще более оптимистичной оценки придерживается автор послесловия к русскому изданию книги Меттана эксперт Совета Европы д.ю.н. А.С. Кожемяков: «Под давлением грядущих неизбежных перемен в глобализирущемся мировом сообществе у нас неизбежно появится со временем новая основа для представлений друг о друге, нежели та, что была унаследована и пестовалась со времен религиозных расколов. Существуют признаки того, что привычная международная повестка претерпит в предстоящие десятилетия существенные изменения… В этой перспективе возникает сомнение, что русофобия благополучно переживет эти переходные времена» [19, с. 462].

Мы вполне солидарны с этими мнениями.

Литература

1. Козулин В.Н. Проблема привлекательности образа страны: рассуждения о возможностях использования «мягкой силы» для оптимизации имиджа России // Дневник АШПИ. №33. Барнаул, 2017. С. 137–142.

2. Козулин В.Н. «Россия — любовь моя!» (о культурном мотиве миграции на примере западноевропейских иммигрантов в Россию) // Дневник АШПИ. №30. Барнаул, 2014. С. 128–134.

3. Gautheret G. Poutine, dans l'ombre de l'impitoyable tsar Nicolas Ier // Le Monde. 12.05.2014. http://www.lemonde.fr/europe/article/2014/05/12/poutine-dans-l-ombre-de-l-impitoyable-tsar-nicolas-ier_4414990_3214.html?xtmc=poutine_dans_l_ombre_de_l_impitoyable_tsar_nicolas_ier&xtcr=2

4. Åslund A. Russia's 19th-Century Approach in Syria // The American Interest. 10.12.2015. URL: https://www.the-american-interest.com/2015/12/10/russias-19th-century-approach-in-syria

5. Interview zu Putins Politik. „Geopolitik wie im zaristischen Russland" (Interview mit dem britischen Historiker O. Figes) // Kölner Stadt Anzeiger. 1.06.16. URL: https://www.ksta.de/politik/russland-sote-auseinandersetzung-tuerkei-23359592-seite2

6. Названы 10 схожих черт Николая I и Владимира Путина // Newsland.com. 5.10.2012. URL: https://newsland.com/user/4297687591/content/nazvany-10-skhozhikh-chert-nikolaia-i-i-vladimira-putina/4400167

7. Козулин В.Н. Николай I и имидж России: к вопросу о роли личности в формировании образа страны // Дневник АШПИ. № 25. Барнаул, 2009. С. 106–111.

8. Milbank D. Putin's Useful Idiots // The Washington Post. 20.02.2018. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/putins-useful-idiots/2018/02/20/c525a192-1677-11e8-b681-2d4d462a1921_story.html?utm_term=.fbdaea433c44

9. Вендик Ю. В Лондоне назвали «полезных идиотов» Путина // Русская служба BBC. 23.11.2016. URL: https://www.bbc.com/russian/news-38080563

10. Stone O. The Putin Interviews. N.Y., 2017.

11. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным. М., 2017.

12. Суворов Д.В. Вера любви или вера ненависти? URL: http://liv.piramidin.com/publ/d_suvorov/2014/vera_liubvi.htm

13. Mettan G. Russie–Occident, une guerre de mille ans : La russophobie de Charlemagne à la crise ukrainienne. Pourquoi nous aimons tant détester la Russie. Gen., 2015.

14. Меттан Г. Запад — Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М., 2016.

15. Mettan G. Creating Russophobia: From the Great Religious Schism to Anti-Putin Hysteria. Atlanta, 2017.

16. «У русофобии глубокие исторические корни» // Правдинформ. 30.05.2016. URL: https://trueinform.ru/modules.php?name=News&sid=45663

17. Козулин В.Н. Первый конфликт Запада и России (еще раз об уроках Крымской войны) // Дневник АШПИ. № 27. Барнаул, 2011. С. 189–195.

18. Прокофьев В. Русофобы и франкофоны. Швейцарский депутат и журналист Ги Меттан — о корнях антирусских настроений на Западе // Российская газета. 11.11.2015. URL: https://rg.ru/2015/11/12/kniga.html

19. Кожемяков А.С. Новый путеводитель по русофобии от Ги Меттана // Меттан Г. Указ. соч. С. 450–462.

О.Ю. Курныкин

Ресурсы и потенциал «мягкой силы» во внешней политике Индии

Тенденции в современной мировой политике, обозначившиеся с середины второго десятилетия XXI в., свидетельствуют об определенной реинкарнации силовой составляющей во внешнеполитической деятельности ведущих глобальных и региональных игроков. Военный потенциал и экономическая мощь («жесткая сила» в наевской терминологии) по-прежнему остаются определяющими факторами для выстраивания иерархии влиятельности в мировом сообществе, тем более в условиях возрастающей мирополитической неопределенности. Возможно, обаяние и эффективность мягкой силы даже несколько померкли на фоне участившихся угроз применения оружия со стороны ряда государственных деятелей. Однако, несмотря на тревожные проявления ренессанса силовых практик в современных международных отношениях, проблематика «мягкой силы» как способа задействования гуманитарных ресурсов для повышения своего статуса в мировом сообществе остается достаточно значимой как в аналитическом, так и практическом плане.

Концептуальные подходы и практика применения «мягкой силы» крупнейшими незападными странами, прежде всего Индией и Китаем, представляется значимыми по ряду причин. Это обусловлено, во-первых, растущими внешнеполитическими амбициями этих азиатских гигантов и неизбежным повышением их удельного веса в мировой экономике и политике. Во-вторых, принадлежностью этих стран к незападному цивилизационному пространству, которое, впрочем, весьма дифференцировано и разделяется на отдельные цивилизационно-культурные комплексы со своими отличительными реакциями на глобальные вызовы. В-третьих, выстраиванием собственных национальных

стратегий использования гуманитарного ресурса, заметно отличающихся от «классического» образца, описанного Дж. Наем-младшим.

Дополнительные возможности гуманитарного ресурса возникли в связи с современными тенденциями и процессами глобализации, среди которых по масштабам и значимости выделяются, во-первых, нарастание миграционных потоков, втягивающих в себя сотни миллионов человек, в результате чего уплотняется сеть межличностных коммуникаций, в том числе между представителей различных цивилизационно-культурных ареалов; и, во-вторых, качественное совершенствование информационно-коммуникационных технологий, благодаря которым на уровне индивидуального и массового сознания расширяются представления и происходит визуализация ценностно-культурного своеобразия отдельных народов и стран.

Современные тренды мировой политики свидетельствуют о том, что гуманитарно-информационный ресурс, с одной стороны, приобретает все большую самоценность в арсенале внешнеполитической деятельности, с другой — он становится востребованным и даже необходимым элементом «сопровождения» силового воздействия на акторов международных отношений. В современных условиях целенаправленно создаваемый образ того или иного государства (позитивный либо негативный) приобретает дополнительную значимость в качестве инструментария для достижения определенных внешнеполитических целей.

По сути, Индия одной из первых попыталась конвертировать свое мощное цивилизационно-культурное наследие в политический капитал, превратив ахимсу (ненасилие) — основополагающий концепт буддизма, индуизма и джайнизма — в весьма эффективное политическое средство давления на метрополию. «Апостол ненасилия» Махатма Ганди, бросивший вызов могущественной Британской империи, стал деятелем всемирного масштаба, встречи с которым добивались самые влиятельные политики, руководители государств, представители мировых СМИ. М.К. Ганди — этому «политику-святому», по выражению Дж. Неру, — видимо, впервые удалось продемонстрировать практичность и обаяние ненасилия, хотя и в рамках индийского религиозно-культурного контекста. В гандистский период индийской истории (1920–1940-е гг.) были заложены основы того морального капитала, который в дальнейшем способствовал не только самоидентификации вновь обретшей международно-правовую субъектность Индии, но и повышению ее статуса как неформального лидера движения неприсоединения в жестко структурированном миропорядке эпохи «холодной войны».

Эволюция внешней политики Республики Индия во второй половине XX — начале XXI в. показательна с точки зрения определения своего места в мировом сообществе и своеобразного опыта поисков баланса силовых и несиловых практик во внешней политике. Изначально добившаяся независимости мирным путем Республика Индия располагала очевидным потенциалом «мягкой силы», связанным с гандистским ненасилием, статусом лидера Движения неприсоединения, выдвижением принципов мирного сосуществования (Панча шила) в условиях глобального военно-политического противостояния двух сверхдержав. Однако в дальнейшем внешнеполитический курс Индии был заметно скорректирован путем наращивания силовой составляющей совокупной ее мощи. Этому способствовали ставшее перманентным противостояние с Пакистаном из-за кашмирской проблемы и геополитического соперничества в Южной Азии, унизительное поражение в пограничной войне с Китаем в 1962 г., надолго травмировавшее индийское общество, сохраняющиеся территориальные споры с КНР.

Своеобразие индийского опыта заключается в том, что если обычно наблюдалась эволюция от абсолютизации военной мощи и экономических ресурсов (жесткой силы) к признанию важности имиджевой составляющей и культурной привлекательности, то Индия проделала, по сути, обратный путь — от упований на мирные формы межгосударственных отношений и урегулирования конфликтов к наращиванию военных мускулов вплоть до приобретения ядерного потенциала.

Современная Индия чувствует себя все увереннее на международной арене; благодаря впечатляющим темпам экономического роста (до 7% в год на протяжении последнего десятилетия), индийское общество переживает эмоциональный подъем. Индийцы убеждены в том, что их страна близка к превращению в полноценную великую державу, способную «играть ключевую роль в великих политических битвах предстоящих десятилетий» [1]. Внешнеполитические амбиции современной Индии простираются далеко за рамки южноазиатского региона. Эта страна — созревающий претендент на мегарегиональное и глобальное лидерство.

Внешнеполитическому курсу Индии свойственно вполне рациональное обращение к инструментарию «гуманитарного влияния» путем адаптации западных концептуальных построений относительно соотношения и взаимодополнения жесткой и мягкой силы для проецирования своей мощи вовне. Индийская политическая элита осознанно и рационально использует несомненное культурное обаяние своей страны. В 2006 г. при министерстве иностранных дел был создан Отдел по вопросам публичной дипломатии. Кроме того, функции инсти-

тутов, использующих культурные связи для интеграции в глобальное сообщество, выполняют модернизированные в течение 2000-х гг. Индийский совет по культурным отношениям и Индийский совет по международным отношениям при МИД Республики Индия.

Индийские аналитики исходят из того, что «Индия может похвастаться удивительным богатством и разнообразием ресурсов «мягкой силы», способной умножить усилия индийской дипломатии» [2]. В Индии довольно адекватно оценивают иерархию компонентов собственной мягкой силы, выдвигая на первый план «брендовые», наиболее узнаваемые среди них: йога, кинематограф, индийские танцы и музыка. Вместе с тем индийская политическая элита в качестве перспективного имиджевого ресурса рассматривает присущие Индии устоявшуюся демократию и плюралистическое общество, в котором нашли защиту последователи различных религиозных течений (евреи, парсы, христиане, мусульмане). Многообразие и толерантность представляются как сущностные характеристики индийской цивилизации.

На протяжении продолжительного времени использование инструментария мягкой силы индийскими властями носило выборочный и ситуативный характер. Системный и стратегический характер приобретает индийская политика «мягкой силы» при правительстве Нарендра Моди, лидера Бхаратия Джаната парти, занявшего пост премьер-министра в мае 2014 года. По оценкам индийских экспертов, именно при нем «впервые предпринимаются последовательные усилия по повышению стоимости бренда Индии за рубежом» [3]. Показательно, что в риторике Нарендра Моди, подчас упрекаемого в приверженности индуистскому национализму, в ходе его визитов в страны исламского ареала подчеркивается выдающееся роль исламского компонента в индийском культурном наследии.

Внешнеполитическому курсу современной Индии свойственна прагматичность в целеполагании и выборе средств для проецирования своего мягкого влияния за пределы национальных границ. При этом первостепенное внимание уделяется странам Южной и Юго-Восточной Азии, издавна испытывающих мощное культурное влияние индийской цивилизации. Дели намерен использовать буддизм для закрепления культурного влияния Индии в странах Юго-Восточной и Восточной Азии (в частности, реализуются проекты по совместному восстановлению буддийских памятников в странах Индокитая). При этом мягкая сила Индии противопоставляется «агрессивной» политике Китая. Вместе с тем, реальность индийско-китайского соперничества за статус азиатского лидера подталкивает Индию к более жесткой модели отстаивания национальных интересов. В этой системе

координат ресурсы мягкой силы, которыми обладает Индия, призваны повысить ее жесткую мощь.

В качестве эффективного проводника индийской мягкой силы рассматривается 28-миллионная индийская диаспора (вторая по величине в мире после китайской и крупнейшая англоговорящая диаспора) [4]. Не случайно в структуре индийского правительства появилось министерство по делам зарубежья. Связи с диаспорой заметно активизировались при нынешнем премьер-министре Н. Моди.

Широкое распространение получили индийские культурные центры, созданные в 35 странах, курируемые министерством культуры Индии и предлагающие традиционный набор услуг для посетителей — от языковых курсов, танцев, йога-классов до индийской косметики и оздоровительных процедур на основе медитации и пранаяма-терапии. Главная их задача — вовлечь в индийское культурное пространство возможно широкие слои населения в странах пребывания. Однако по результативности индийские культурные центры уступают другим подобным структурам (Британскому совету, Альянсу Франсез, институтам Конфуция).

Немалые надежды Индия связывает с созданием современной, хорошо организованной системы высшего образования, способной привлечь множество иностранных студентов. Широкое распространение в Индии английского языка, выполняющего роль современного lingua franca, объективно повышает конкурентоспособность индийской модели «мягкой силы». Далеко не полностью реализован туристический потенциал страны. Индия пытается позиционировать себя как дружественную, энергичную и свободную нацию.

В конкуренции моделей развития Индия пока не может соперничать не только с западными, но и дальневосточными образцами, прежде всего, из-за нерешенной проблемы бедности (более 300 млн человек живут в крайней нищете), кастовой системы, гендерного насилия. Вместе с тем Индия в отличие от Китая не воспринимается как держава, способная создать угрозу на глобальном уровне, что благоприятствует позитивному образу страны. Индийской цивилизации свойственна большая открытость для внешнего мира по сравнению с китаецентристским высокомерием.

Вместе с тем «мягкая сила» без экономического базиса зависает. Четко определяемые цели, прагматизм, институализация и финансовое обеспечение политики «мягкой силы» — слагаемые успеха в современную эпоху постмодернизма. Индии предстоит много сделать для продвижения своих брендов на мировом рынке. Индийские компании имеют хорошие перспективы в фармацевтике, в текстильной промыш-

ленности; страновыми брендами Индии стали компания Micromax — крупный производитель мобильных устройств, компания Tata Moters, специализирующаяся на производстве недорогих автомобилей, крупнейшей индийская IT-компания Infosys с капитализацией почти 40 миллиардов долларов и 173 тысячами постоянных сотрудников. Наиболее успешным технологическим проектом Индии, приобретшим всемирную известность, стала «индийская кремниевая долина» в Бангалоре.

Рассмотрение индийского варианта «мягкой силы» подводит к следующим заключениям.

1. «Мягкая сила» прочно вошла в арсенал внешнеполитических практик многих государств мира. Вместе с тем первоначальный «наевский» концепт «мягкой силы» подвергся заметной адаптации с учетом внешнеполитических целей и стратегий, культурных и исторических традиций, финансовых и организационных ресурсов отдельных стран. Многообразие трактовок и практик «мягкой силы», не всегда укладывающихся в концептуальные положения Дж. Ная-младшего, свидетельствует о некой ее «национализации», о формировании национальных моделей «soft power».

2. Подход к использованию ресурсов «мягкой силы» в политических и экспертных кругах становится более прагматическим. Первоначальная увлеченность новым концептом и даже некоторая его абсолютизация сменились более рациональным отношением к феномену «мягкой силы». Не случайно наевская «soft power» трансформировалась в «smart power». В результате «мягкая сила», как представляется, постепенно утрачивает свою самостоятельную значимость, дополняя и подкрепляя силовые формы внешнеполитической практики. Этот процесс можно охарактеризовать как инструментализацию «мягкой силы», когда из совокупности ненасильственных практик задействуется определенный набор инструментов, исходя из конкретных внешнеполитических целей и адресатов.

3. Опыт Индии свидетельствует о том, что обладание мощной культурной традицией является важным, но недостаточным условием для эффективного мягкого влияния за пределами национальных границ. Необходимы системные организационные усилия, подкрепляемые финансовыми ресурсами, а главное — успешная реализация национальной модели развития — только при этих условиях «мягкая сила» позволит повысить статус и укрепить конкурентоспособность того или иного государства.

Литература

1. Мохан Си Раджа. Индия и политическое равновесие. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/indija_i_politicheskoje_ravnovesije_2007-01-31.htm

2. India's Rising Soft Power. URL: http://www.insightsonindia.com/wp-content/uploads/2017/10/Indias-Rising-Soft-Power.pdf

3. Pant Harsh V. India's Soft-Power Strategy // Outlook. 31 august 2015. URL: https://www.outlookindia.com/website/story/indias-soft-power-strategy/295206

4. Sharma A. and Arora V. Interview: India's Soft Power. An Interview with Professor Daya Kishan Thussu. URL: https://thediplomat.com/2016/06/interview-indias-soft-power.

Ю.В. Ларионова

«Мягкая сила» Европейского союза и миграционный кризис

Формирование современной системы международных отношений, несмотря на новые глобальные тенденции, преодоление поляризующих конфликтов и формирование элементов единого мирового сообщества отнюдь не равнозначны окончательному приходу в мировую политику стабильности. Появились новые дестабилизирующие силы и тенденции, «проснулись» старые, часто в своей основе архаичные, конфликты, родились конфликты «нового поколения». Новыми угрозами в условиях глобализации стали классические проблемы международной безопасности: распространение ядерного оружия и оружия массового поражения, региональные и глобальные конфликты, терроризм. Проблема «войны» в современном мире оказалась в центре внимания целого ряда исследований. Можно было предположить, что в условиях многополярного мира подобная разновидность политического процесса уступит место ненасильственным формам влияния. Однако развитие и усложнение международных политических связей наглядно продемонстрировало обратный процесс. Поэтому исследования роли фактора силы в современных международных отношениях являются актуальной задачей [1, с. 24].

В современных межгосударственных отношениях категория «сила» имеет множество вариативных значений. На протяжении тысячелетий сила традиционно отождествлялась с военной мощью, которая для многих видных политических исследователей (Г. Моргентау, К. Уолц, Р. Арон) была и остается основным показателем престижа государства на международной арене. Однако с середины 1980-х гг.

в теорию международных отношений на смену традиционному (военному) пониманию силы приходит ее новое (невоенное) переосмысление [2, с. 129]. Возникает своего рода столкновение приоритетности соотношения «жесткой» и «мягкой» сил: с одной стороны, «жесткая сила» не теряет ключевого значения в мире, где государства стремятся оградить свою независимость, а негосударственные группы, такие как террористические организации, готовы прибегать к насилию, с другой стороны — тенденции мирового развития свидетельствуют о возрастании значения «мягкой силы» в общем властном балансе любого государства. Это обусловлено тем, что даже самые развитые государства сталкиваются с ограничением возможностей решения внутренних и международных проблем исключительно силовыми средствами. За последние десятилетия различные государства по-разному пытались реализовать потенциал «мягкой силы» во внешней политике, что позволяет говорить о существовании нескольких различных стратегий ее использования. Принято выделять американскую, европейскую, советскую, японскую, российскую и китайскую стратегии использования «мягкой силы» [2, с. 129–130].

Говоря о Европейской (консервативной) стратегии, с точки зрения «мягкой мощи» европейские страны выступают как единый центр глобального значения. Несмотря на отставание в военной и экономической области, Европа конкурирует с США в борьбе за умы и сердца. Европейские языки, восприятие Европы как «оазиса процветания», самые высокие в мире показатели социально-экономического развития, а также французское вино, испанские курорты и швейцарская надежность — все это образы, относящиеся к культурной привлекательности Европы и европейцев. Политические ценности, их «мягкая привлекательность» и (что выгодно отличает Европу от США) ориентация европейских политиков на сотрудничество при решении международных вопросов с привлечением многосторонних институтов, акцент на невоенном решении конфликтов — устойчивые черты европейского имиджа в международном сообществе [2, с. 131].

Российские эксперты предлагают свою трактовку «мягкой силы» Европы, характеризуя ее, прежде всего, как «привлекательную силу» из-за того, что факторами мягкой силы являются также социальные вопросы общественной жизни. Привлекательность этой силы была необходима для расширения ЕС и привлечения бывших стран социалистического лагеря — Центральную и Восточную Европу, а также страны Прибалтики. В качестве объективных показателей «мягкой силы» выделяется государственное управление, культура, информационные технологии, образование. По мнению таких российских иссле-

дователей, как А.И. Подберезкин, О.Е. Родионов и М.В. Харкевич, «мягкую силу» ЕС стоит рассматривать с точки зрения изучения локальных человеческих коммуникаций. В качестве основных основных показателей «мягкой силы» ЕС они выделяют распространение западных ценностей, разделение всеми государствами членами ЕС европейских правил, законов и интересов. Этот тезис на практике реализуется через насаждение западным обществом демократических ценностей тем странам, в которых установлены другие политические режимы [3, с. 28].

Многие аспекты внутренней политики, реализуемой в Европе, привлекают молодую часть населения современных демократических стран. Позиции по вопросу о смертной казни, по контролю над оружием, по изменению климата и по правам представителей нетрадиционной сексуальной ориентации — вот лишь некоторые факторы, укрепляющие «мягкую» силу Европы. Помимо привлекательности своей культуры и внутренней политики Европа черпает «гибкую» силу и в сфере внешней политики, поскольку ее действия часто служат благу всего человечества. По сравнению с американцами, в последние годы европейцы более уверенно стали использовать для достижения своих целей международные организации. Это отчасти обусловлено опытом строительства ЕС, отчасти отражает интерес, заключающийся в создании системы сдержек единственной мировой сверхдержавы, что делает ее политику привлекательной для многих других стран [2, с. 131].

Европейцы направляют значительные средства на развитие своей публичной дипломатии, особенно в области налаживания международных культурных контактов.

В 2016 г. Европейская комиссии обратилась к Европейскому парламенту и Совету ЕС с предложением принятия документа «Направления стратегии ЕС по международным отношениям в сфере культуры». Новый документ направлен на то, чтобы сохранить культурное разнообразие Европы и консолидировать усилия в области содействия разрешению конфликтов. Очерчены основные принципы культурной дипломатии ЕС: продвижение культурного разнообразия и уважение прав человека, развитие взаимного уважения и межкультурного диалога с другими странами, гарантия уважения все культур, взаимодополняемость в принятии решений в сфере культуры, комплексный подход к культурным ценностям. Предлагается рассматривать Европейский культурный потенциал, который ретранслируется вовне, не как потенциал отдельных стран, а как консолидированную силу ЕС. Причиной смены источника культурной дипломатии ЕС с национального уровня

на наднациональный стал провал идеи европейского мультикультурализма и миграционный кризис в Европе [3, с. 31].

Мягкая сила Европейского союза — сила притягательности его образа жизни, благополучия, социального и экономического процветания, воплощенного социального и правового государства, демократического устройства национальной и наднациональной политики, притягивающая в ареал своего влияния все новые страны и регионы через направленную политику расширения и добрососедства, сегодня проходит серьезное испытание на прочность. В первую очередь европейская мягкая сила определялась как сила нормативная (термин З. Лайди), что означало универсальность норм и правил, лежащих в основе успеха союза европейских государств и притяжение в эту орбиту успеха все новых членов, готовых разделить с европейцами их нормы [4, с. 7].

Необходимо заметить, что волны миграции непрерывно проходили по Европе на протяжении всего XX в., нарастая параллельно с процессами глобализации и усилившись в связи с распадом колониальной системы. Ежегодно в Европу прибывало существенное число мигрантов, в Германию с 2006 по 2013 г. ежегодно прибывало в среднем от 400 до 700 тыс. чел. Демографическая ситуация в Европе такова, что растущим экономикам ее стран ежегодно требуется привлечение рабочей силы для восполнения стареющего трудоспособного населения. Страны Западной Европы приветствовали приток экономических мигрантов, особенно с учетом того, что они были весьма выгодны с точки зрения соотношения приносимой прибыли и социальных затрат государства. Сегодня Европа столкнулась с нахлынувшим потоком не столько экономических мигрантов, пустившихся в путь ради работы и лучшей доли, сколько беженцев, спасающихся от ужасов войны и анархии [4, с. 8].

Общеевропейские правила требуют, чтобы беженцы были зарегистрированы в той стране, на территорию которой они попадают первой. И беженцы, таким образом, становятся проблемой страны въезда. Греция и Италия еще до обострения кризиса испытывали серьезную нагрузку, которая сегодня стала неподъемной для испытывающих экономические трудности стран Средиземноморья [4].

Еще одной существенной репутационной издержкой нынешнего кризиса становятся сомнения внутри ЕС о справедливости собственной внешней политики и кризис относительного ценностного консенсуса. Основа любой политической общности (и ее мягкой силы) — единая ценностная матрица — в большей или меньшей степени сформировалась в общеевропейском доме. Согласно опросам общественно-

го мнения, самым популярным представлением (19%) о главном достижении ЕС является важность его экономической, промышленной и торговой мощи. Причем это мнение характерно для стран — старых членов с сильными экономиками. Однако вторая и третья опора почти так же значимы: на втором по популярности месте (17%) оказывается приверженность ЕС ценностям демократии, правам человека и верховенства закона. На хорошие отношения между странами-членами как на значимое достижение ЕС указывает 14%. А вот следующая по значимости ценность — «возможность продвижения Европейским Союзом мира и демократии за пределами своих границ», вероятно, подвергнется серьезному переосмыслению, так как не только в России, но и в самой Европе громко звучат голоса о причинах нынешней трагедии — дестабилизация на Ближнем Востоке, в частности в Ливии и Сирии, ответственность за которую наряду с США в полной мере несут страны ЕС [4, с. 11].

Однозначного представления о том, каковы пути выхода из европейского миграционного кризиса, нет, как нет и понимания, сможет ли ЕС справиться с ним, и неизбежными вызовами своей репутации глобального политического, экономического, социального лидера, носителя “dominant rationality” и аксиологического авторитета. Не исключено, что Европа, принимая потоки беженцев, демонстрирует лидерство в мировой гуманитарной сфере, сможет найти компромисс и инкорпорировать их в свое общество. В значительной мере это будет зависеть и от глобальной экономической конъюнктуры, от ситуации на рынках труда. Очевидно, усилится тренд на усиление позиций Германии как интегратора европейской коллективной ответственности. Качественные изменения в европейской экономической и социальной структуре повлекут за собой политико-институциональные изменения в ЕС. Евросоюз сегодня уже не тот, каким он описан в классических учебниках по европейским исследованиям с его принципами консенсусного принятия решений, поступательной интеграции, франко-германским ядром и однозначностью ключевых ценностных установок. Сегодня перед ним стоят настолько серьезные вызовы, включая перспективы борьбы с Исламским государством, что это потребует еще большей консолидации принятия внутри и внешнеполитических решений под непосредственным руководством Германии. И возможность справиться с нынешним миграционным кризисом — это проверка на прочность прежде всего для Германии как будущего неоспоримого европейского лидера в этой борьбе. Европейский союз должен или поглотить нынешнюю волну миграции или, как считает министр иностранных дел Франции Л. Фабиус, если поток мигрантов станет

неконтролируемым, это приведет к хаосу, распаду европейской системы и радикализации всех процессов в обществе и в умах людей [4, с. 13–14]. Следует отметить, что главным инструментом влияния мусульман в Западной Европе являются иммигрантские организации, точное число которых трудно установить. При этом не все организации представляют собственно политические интересы мусульманских общин. Некоторые из них созданы с целью помочь вновь прибывшим иммигрантам адаптироваться в новых условиях, оказать им возможную материальную поддержку, другие выполняют функции своего рода клубов — мест общения и проведения досуга. В таких странах, как Великобритания, Бельгия, Нидерланды, создание политических мусульманских организаций поддерживается правительствами. Эти страны стремятся таким образом привлечь мусульманское население к общественно-политической жизни и сделать их равными участниками политического процесса [5, с. 90].

С конца XX — начала XXI в. культурная идентичность Европы подверглась серьезной угрозе возможного вытеснения из мирового культурного многообразия. Ошибки мультикультурной политики сыграли свою негативную роль в этом процессе. Для того чтобы не потерять культурное разнообразие, ЕС пришлось взять курс на консолидацию усилий по распространению культурных ценностей и сделать их элементом «мягкой силы».

Литература

1. Шинковский М., Фролова Я. Фактор силы в современной системе международных отношений (Геополитический дискурс). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktor-sily-v-sovremennoy-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy

2. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий. URL: https://cyberleninka.ru/ article/n/myagkaya-sila-v-mezhdunarodnoy-politike-osobennosti-natsionalnyh-strategiy

3. Касаткин П.И. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС (Сравнительная политика и геополитика). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnaya-i-obrazovatelnaya-sostavlyayuschie-myagkoy-sily-es

4. Казаримова Д.Б. Проблема репутационного капитала и мягкой силы ЕС в условиях миграционного кризиса. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-reputatsionnogo-kapitala-i-myagkoy-sily-es-v-usloviyah-evropeyskogo-migratsionnogo-krizisa

5. Касаткин П.И., Хрусталев И.М., Аватков В.А. Евробезопасность, интеграция и «мягкая сила» миграции в XXI в. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evrobezopasnost-integratsiya-i-myagkaya-sila-migratsii-v-xxi-veke

Лу Юй

«Культурная мягкая сила»: китайская перспектива

Американский ученый Джозеф Най предложил не только концепцию «мягкой силы», но и указал на то, что культура, политические ценности и внешняя политика — это три источника мягкой власти [1, с. 11]. Однако около десяти лет дискуссия о мягкой власти является горячей темой в академических и даже в политических кругах. С растущим значением культуры в нынешней национальной стратегии развития именно культурная сила стала самым важным фактором «мягкой власти» страны.

Что же такое ресурсная составляющая культурной «мягкой силы» Китая? Автор считает, все, что может продемонстрировать мягкую сторону китайской культурной «мягкой силы», является ресурсным фактором культурной «мягкой силы» Китая. И как ресурсный фактор, все должно иметь бесконечный запас культурной мягкой силы. Из этих двух условий только китайская традиционная культура, особенно традиционный гуманистический дух, могут продемонстрировать мягкую сторону «мягкой силы» Китая. В то же время у нее бесконечный запас ресурсов. Культурная «мягкая сила» Китая — это «китайский характер», который глубоко укоренен в традиционной китайской культуре. Его основным элементом является традиционный гуманистический дух Китая. Автор признает, что состав ресурсов культурной мягкой силы Китая очень сложный, но основными компонентами должны быть те «китайские элементы», которые могут понравиться его народу.

Во-первых, это акцент на естественных законах и уважении к гуманизму. Ядром традиционной китайской культуры является дух гуманизма, который подчеркивает центральное положение людей во всем мире. Уже во времена династии Чжоу людей считали самыми духовными и самыми драгоценными из всех вещей в китайской классике. Позже Сюнь-цзы подчеркнул, что идея «самого дорогого человека» согласуется с первым. Однако, хотя традиционная китайская культура предполагает «самых дорогих людей», это не означает делать то, что они хотят, то есть никто не меняет вещи исходя из своей субъективной точки зрения. Воля и желание человека не могут трансформироваться в реальность всего на свете. Иными словами, это «принятие

вещей как должного» и «подталкивание импульса природы», чтобы наконец достичь «гармонии между человеком и природой» [2].

Во-вторых, это самоанализ и самосовершенствование. Традиционная китайская культура в основном состоит из конфуцианства, буддизма и даосизма. Важная идея конфуцианства заключается в том, чтобы подчеркнуть, что совершенствование морального характера является основополагающим. Она заключается также в том, что улучшение морального характера является фундаментальным. Правитель должен поместить добродетели в самое важное положение, чтобы молиться о том, чтобы Небо всегда защищало страну. Согласно конфуцианству, совершенствование собственной нравственности — это совершенствование своей нравственности и улучшение ее нравственного характера посредством самоконтроля. Такая ситуация похожа на то, что даосизм выступает за достижение нравственного улучшения посредством внутреннего совершенствования. Буддизм не является родной культурой в Китае. Тем не менее интроспекция, защищенная буддизмом, точно соответствует конфуцианству, поэтому она быстро и хорошо интегрируется в культуру коренных народов Китая и становится одним из традиционных источников китайской культуры.

В-третьих, это «нейтральность и гармония». «Нейтральность» означает, что исполнение наказаний должно быть разумным и беспристрастным. То есть дóлжно строго следовать стандартам, установленным законом, это можно проследить до династии Чжоу. Позднее Конфуций применил «нейтральность» к своей теории этики и выдвинул «Учение о золотой середине», он рассматривает «золотую середину» как ценный моральный и этический критерий. «Гармония» — это единство противоположностей между различными факторами, различными элементами и разными тенденциями в вещах или системах. Имеется в виду гармония между природой, людьми и природой, людьми и людьми, людьми и обществом, людьми и окружающей средой. «Гармония» подразумевает «гармонию, но не единообразие» и является единством разнообразия, это фундаментальная черта и базовая ценностная ориентация традиционной китайской культуры.

В-четвертых, это ритуализм. Обряды занимают первичную и основную позицию в конфуцианской идеологии, и это в основном потому, что Конфуций был склонен к восстановлению ритуальной музыкальной системы из-за гегемонистских войн между князьями, которые привели к краху ритуалов и музыки династии Чжоу. «Самоотречение и этикет» конфуцианства заключается в том, чтобы удержать желание людей подчиняться ритуальной системе или добиться стабильности общественного порядка посредством стандартизации людей. Даосизм

критиковал нормы человеколюбия и обряды, пропагандируемые конфуцианством с его естественным характером [3, с. 50–51]. То, что подчеркивает даосизм, — это естественная природа, которая является неотъемлемым законом развития дел. Хотя у этих двух есть противоречия, все они подчеркивают порядок. Разница в том, что конфуцианские обряды — это порядок, регулируемый социальными правилами, а даосский характер — неотъемлемый закон вещей. Они только уточнили ритуалы китайского гуманистического духа с разных уровней. То есть мы должны следовать правилам социального признания на основе уважения к человеческой природе, это также суть китайского «состояния этикета», и это является высшим выражением «китайского характера». Другим проявлением «государства этикета» является то, что каждый член осознает свою личность, статус, обязанности и на этой основе формирует позитивную и интерактивную симбиотическую среду.

И мудрость Китая постепенно стала мировой мудростью, с ростом Китая и его влияния на мир. В частности, с момента возникновения финансового кризиса «китайские элементы» во всех районах мира увеличиваются, и это принималось все больше и больше людьми в разных странах. Хотя «китайский элемент» во многом зависит от экономической мощи Китая, за экономической силой выступает традиционный культурный фактор, лежащий в основе экономического развития Китая. Это традиционный гуманистический дух, который сделал «китайский элемент» всемирно влиятельным в наше время.

В отличие от Запада функция китайской культурной «мягкой власти» заключается в формировании «нового Китая», чтобы изменить неправильное понимание Китая международным сообществом. С 1990-х гг. рост Китая сопровождался обвинениями международного сообщества в его отношении: появились так называемые «теория коллапса Китая», «теория угроз Китая» и даже популярная «теория ответственности Китая» и «вклада Китая» (в последние годы). С другой стороны, «китайская теория господства» и «теория высокомерия Китая» также подразумевают девальвацию Китая. Все это в значительной степени является неправильным восприятием Китая. Функция китайской культурной «мягкой силы» заключается в формировании «нового Китая», который определяется особенностями традиционной китайской культуры. Поскольку традиционная культура является источником культурной мягкой силы, характеристики традиционной культуры неизбежно окажут решающее влияние на ориентацию функции культурной мягкой силы. Есть много характеристик традиционной китайской культуры. С разных точек зрения можно охарактеризовать раз-

личные аспекты традиционной китайской культуры. Однако с точки зрения ценностей характеристики традиционной китайской культуры суть следующие:

Во-первых, это пропаганда человеческой природы в концепции национального управления и достижения нравственной целостности. Затем мы должны использовать природные ресурсы, обращать внимание на средства к существованию людей и обогащать людей. Это то, что позже Мэн-Цзы назвал «Вандао», даже если некоторые ученые утверждали: «Политика воюющего государства» основана на борьбе за гегемонию [4]. Однако «Политика воюющего государства» также подчеркивает решающую роль «морали», «доброжелательности», «естественного права» и «руководства», культурные особенности «подчеркивания морали и обращения с людьми хорошо» протекали в культурной реке Китая тысячи лет, а для китайского феодального общества династии создали прекрасный период процветания. Что еще более важно, они и сегодня формируют Китай как страну с моральным управлением.

Во-вторых — стремление подчеркнуть «самосовершенствование и счастье людей» в концепции управления. Хотя эта моральная политическая концепция классического канона конфуцианского учения поддерживается базовой этикой, однако «дух всесторонности и рациональности», способствующий этому культурному качеству, означает просить всех, особенно политиков иметь «мудрую личность». Мэн-Цзы однажды сказал, что каждый может быть императором «Яо», «Шунь», это означает, что каждый человек постоянно совершенствуется, саморазвивается и может эффективно помогать другим и даже способствовать развитию всего общества. В долгий период феодализма в Китае беспорядки на дне общества часто вызывали различие в богатствах. Поэтому в начале формирования страны правитель всегда уделял большое внимание «реформированию правительства». Это не только имеет прямую связь с культурой, но и на самом деле выражает характер традиционной культуры. Традиционная культурная черта всегда была основной морали китайских династий. В 60-летней истории правления Коммунистической партии Китая она неоднократно подчеркивала укрепление самодеятельности партии, улучшение ее способности управлять и построение гармоничного общества. Именно в этом и заключается природа традиционной китайской культуры, которая стала конкретным выражением времени.

Третий аспект заключается в том, чтобы подчеркнуть «гармонию и разницу» во внешней концепции. «Гармоничные, но разные» включают в себя единство разнообразия, в том числе различия и противоре-

чия. Они отличаются друг от друга и координируют различия для достижения гармонии. И даосизм, и конфуцианство продолжают гармонию. Хотя даосизм и конфуцианство преследуют различное содержание «гармонии», они в основном подчеркивают стремление к гармонии на основе уважения к разнообразию. Одной из важнейших причин, по которой в истории китайской культуре удалось продолжить развиваться, является то, что китайская культура многообразная.

Функция культурной «мягкой силы» Китая заключается в формировании «нового себя» Китая, это должно помочь построить сегодня благоприятный национальный имидж Китая. В течение долгого времени из-за идеологических предубеждений Запад рассматривал Китай как «другое», в то время как «другое» не только отличается от «нас», но и считается «гетерогенным» в международном сообществе [5]. Поэтому в западном восприятии Китая наблюдается огромное отклонение. Итак, как мы можем исправить искаженный образ Китая? Поскольку «теория коллапса Китая» и «теория угрозы Китая» основаны на признании быстрого роста экономики Китая, то есть быстрого увеличения «жесткой власти», исправление искаженного образа Китая больше не может быть достигнуто за счет усиления его жесткой силы, но путем увеличения его мягкой силы.

Культурная «мягкая сила» Китая — это выражение «китайского стиля» концепции «мягкой силы» Джозефа Ная. Культурная мягкая сила Китая исходит из традиционной культуры Китая, именно из закона природы, гуманизма, саморефлексии, нейтральной мысли и ритуального этикета. В отличие от Запада характеристикой китайской культурной «мягкой силы» является пропаганда человеческой природы, подчеркивание самосовершенствования и счастья людей и подчеркивание «гармонии и разницы» во внешней концепции. Это не только демонстрирует гибкость китайской культурной «мягкой силы», но и обеспечивает постоянный источник импульса для культурной мягкой силы Китая как ресурсного фактора. «Китайские элементы» в новых исторических условиях интегрируют ценность китайского общества, чтобы достичь цели формирования нового образа Китая. Эти идеи были подняты в традиционной китайской культуре и будут широко признаны международным сообществом после новой интерпретации образа сегодняшнего Китая.

Литература

1. 约瑟夫•奈. 软力量:世界政坛成功之道. //钱程吴晓辉, 东方出版社. 2005 [Най Дж. Мягкая сила: успех мировой политики / пер. Цянь Чэн，У Сяохуй. Пекин, 2005].

2. 淮南子•修务训. 2015 [Древняя книга «Хуай Наньци», написана во времена династии Западной Хань, около 100 г. до н.э.]. URL: https://www.gushiwen.org/GuShiWen_3a9011d1cb.aspx

3. 楼宇烈. 中国的品格: 南海出版公司. 2009 [Лу Юйре. Характер Китая. Шанхай，2009].

4. 阎学通. < 战国策>的霸权思想及其启示. 国际政治科学(4).2008 [Ян Щуетун. Гегемонистская идеология «военной стратегии» и ее вдохновения // Международная политическая наука. 2008. №4].

5. 王立新. 在龙的映衬下:对中国的想象与美国国家身份的建构. 中国社会科学. 2008 [Ван Лисинь. На фоне дракона: воображение Китая и построение национальной идентичности США // Китайские общественные науки. 2008. № 3].

В.В. Миронов

«Мягкая сила» и «жесткая реальность»: некоторые проблемы применения концепции Дж. Ная в США и России

Концепция «мягкой силы» получила широкий резонанс среди политиков, нашла отклик и понимание среди экспертного сообщества и отдельных ученых. При этом трактовка «мягкой силы», выступая определенным руководством к действию, при первом опыте практического применения мало напоминает изначально сформулированную авторскую концепцию. Возможно, это выступает следствием того, что само представление о «мягкой силе» у Дж. Ная изменялось и эволюционировало со временем. Кроме того, восприятие концепции экспертным и политическим сообществом опосредуется определенным набором внешнеполитических идей и, имеющимися в распоряжении конкретных стран, механизмами. На некоторых из этих проблемных аспектов применения «мягкой силы» хотелось бы остановиться подробнее.

При анализе термина необходимо учитывать, что понятие не было строго формализованным и претерпело определенную эволюцию у самого Дж. Ная с 1990 по 2011 г. Наряду с термином «мягкая сила» уже в 2004 г. ученый использовал термин «гибкая сила», который стал развивать в дальнейшем [1]. В центре вышедшей в 2011 г. работы находится уже «гибкая сила», хотя «мягкая сила» продолжает оставаться центральным элементом политически востребованной концепции [2]. «Гибкая сила» предоставляет возможность использования как мягких, так и жестких силовых методов. Таким образом, ученый утверждает необходимость дифференцированного применения элементов своего подхода.

В журнале «Форин Полиси», как и в своих ежемесячных публикациях на сайте «Проджект синдикат», Най неоднократно предостерегал против гипотезы упадка силы современной Америки» [3]. В этой связи его идеи близки тезису Ф. Заккария — в современном мире имеет место не провал лидерства США, но «подъем других» [4, с. 25–28]. «Проблема американской силы в XXI веке — это не вопрос упадка роли страны, а выбор модели поведения в свете осознания того, что даже крупнейшая страна не способна достичь желаемого результата без помощи других» [5, с. 14].

В практическом отношении центральными компонентами продвижения «мягкой силы» для Ная были культура, политический курс и ценностные установки» [6]. Но эти три концептуальных основания трактуются сторонниками применения «мягкой силы» предельно широко. Так, в Соединенных Штатах в период пребывания у власти администрации Б. Обамы (2008–2016) «мягкая сила» оказалась политически востребованной и стала основой разработки системы практических мер в сфере «публичной дипломатии». При этом четко просматривалось четыре направления работы по реализации данного подхода:

— международная информационная политика;

— развитие международных образовательных программ и системы академических обменов;

— проекты гуманитарного сотрудничества;

— экспертная дипломатия [7, с. 27].

Основными акторами в реализации этих направлений, за исключением первого, выступали неправительственные организации и фонды, которые, как известно, в США имеют давнюю историю деятельности и собственные источники финансирования. Это вовсе не исключает финансовую поддержку со стороны государства, но показывает, почему в иных условиях применение подобного опыта не всегда способно дать аналогичные результаты. Так или иначе, но система мер «публич-

ной дипломатии», сконцентрированной на данных направлениях стала частью политического курса страны.

В ценностном отношении США активно использовали идеи прав и свобод человека, продвижения демократических институтов, активного взаимодействия гражданского общества и власти, рассматривая все эти механизмы в качестве универсальной моральной основы современного мира. В западном экспертном сообществе права человека сегодня все чаще рассматриваются даже не в качестве значимых общественных ценностей и ориентиров, в чем нет сомнений, но как фундаментальный институт в международных отношениях, вытесняющий баланс сил, ядерное сдерживание и даже суверенитет. Для ряда экспертов права человека в виде идей «хорошего международного гражданства» становятся основой международного сотрудничества [8, p. 847–870].

Нельзя не отметить, что ситуация ни в международном праве, начиная с международных пактов 1966 г., ни, тем более, в международной политике в целом, не позволяет говорить о выработке единого понимания прав человека. Их значение по-прежнему можно определить лишь в контексте определенной культуры, страны, региона. Но нельзя не признать, что использование национальных и международных правозащитных организаций позволяет закреплять доминирование отельных стран путем составления различного рода рейтингов. В силу этого указанные ценности остаются значимыми компонентами «мягкой силы».

Нечто подобное можно сказать и о третьем элементе «мягкой силы» — культуре. Массовая культура современного мира остается в значительной степени если не американизированной, то вестернизированной, что позволяет задавать стандарты публичной дипломатии США. В немалой степени этому способствует и система сложившихся «глобальных» СМИ, формирующаяся система «цифровой дипломатии», которая отражает технологический уровень развития современных государств.

Российская практика реализации «мягкой силы» начала формироваться почти в то же время и была инициирована президентом В.В. Путиным. Выступая перед российскими послами в июле 2012 г., он впервые заговорил о необходимости использования «мягкой силы» в интересах страны [9]. В дальнейшем задачи развития этого вида внешнеполитической деятельности нашли отражение в концепциях внешней политики страны 2013, 2016 гг. Сравнительному анализу трактовок «мягкой силы» в российском политическом дискурсе и концепциях внешней политики уже уделялось внимание в политологиче-

ской литературе [10]. Важно, что в России применение «мягкой силы» в политике было инициировано «сверху» и не связывается напрямую с концепцией Дж. Ная. Мягкая сила должна была стать руководством к действию, а ее слагаемые трактуются иначе.

Политический курс часто интерпретируется как внешнеполитический и сводится к пропаганде определенного набора идей, озвучиваемых различными властными структурами. Внутренняя политика по-прежнему трактуется сферой действия норм суверенитета и аксиологически утверждается недопустимость его нарушения в качестве универсальной основы взаимодействия государств. Квинтэссенцией такого понимания «мягкой силы» стало утверждение «публичной дипломатии», как особого вида внешнеполитической деятельности по настойчивому разъяснению позиции своей страны. Как следствие, от дипломатов стали требовать большей активности, работы не только с органами внешних сношений, но и с различными общественными структурами. Комменты, блоги, сообщения в социальных сетях, разъяснения через официальные сайты стали повседневной частью работы.

В результате, именно «цифровая дипломатия» трактуется отечественными практиками синонимом «мягкой силы». Этому способствовал целый комплекс обстоятельств. Во-первых, в России только возникают негосударственные организации, ориентирующиеся на продвижение внешнеполитических интересов. РСМД, РИСИ, Фонд Горчакова, СВОП — не так давно возникшие организации, не образующие единую систему. В ряде случаев государство напрямую выступает учредителем или заказчиком работы подобных структур в силу того, что бизнес не выражает заинтересованность в софинансировании долгосрочных политических проектов.

Примеры участия бизнес-сообщества в подобных проектах имеются и в России, но они редки. Как правило, подобную деятельность осуществляют крупные структуры с серьезной долей государственного участия, заинтересованные в развитии долгосрочных отношений в стране пребывания, либо, напротив, компании, реализующие краткосрочные проекты, рассчитанные на рекламу и снижение политических рисков. Здесь ощущается проблема диссонанса целей: для бизнеса цель участия в подобных проектах — реклама, минимизация затрат, а таргетинговая группа «публичной дипломатии» — политическая элита.

Во-вторых, не приветствуется в России деятельность зарубежных НКО. И хотя в этой части российское законодательство идет параллельно с развитием законодательной и правоприменительной практики в других странах, где имеются подобные нормативно-правовые акты

(США, страны ЕС), все же снижаются возможности привлечения иностранного финансирования при организации образовательных программ, создании негосударственных экспертных площадок, реализации международных проектов, способных продвигать «мягкую силу» в более широком формате, нежели контрпропаганда.

В-третьих, развитие культурного и образовательного компонента «мягкой силы» рассчитано в основном на так называемый «русский мир», или «постсоветское пространство». В основном это контакты по линии гуманитарного характера, развития связей с соотечественниками. Безусловно, это важный элемент культурного влияния страны. Особенно, если учитывать, что за рубежами России проживает до 20 млн человек, знающих русский язык. Однако в современных условиях культурное влияние, общественная поддержка и «публичная дипломатия» не выступают синонимами. Общественная поддержка и культурная привлекательность не трансформируются в сближение политических позиций. Публичная дипломатия рассчитана на достижение политических результатов.

В-четвертых, сдерживающим фактором развития иного понимания «мягкой силы» в российском политическом контексте выступает отсутствие привлекательной идеологии, способной если не претендовать на универсальность, то хотя бы консолидировать значительное число политического класса зарубежных стран вокруг определенных идей. Ценностные ориентации и культурные установки, продвигаемые Россией, не представляют альтернативу стандартизированной массовой культуре современного мира. Поэтому Российская Федерация, бесспорно, располагает важными ресурсами влияния, но ее рейтинг мягкой силы в международной базе Портленд за 2016 г. остается невысоким (27-е место из 30 стран рейтинга) [11, p. 37].

Нельзя не сказать и о двух общих проблемах, которые просматриваются сквозь опыт первого применения «мягкой силы» на примерах России и США.

1. Это использование исторических традиций для решения современных политических задач. Представляется, что возможности применения мягкой силы, основанные на исторической традиции и прецедентах, имеют свои пределы. Данный тезис важен в контексте заявлений о том, что «мягкая сила» и «публичная дипломатия» — вовсе не современные изобретения. «Священный Союз» обеспечивал легитимность действий России в борьбе с революциями XIX в., а Франция XVII в. — с помощью французского языка, культуры и дипломатии обеспечивала европейскую гегемонию.

Привлекательность образа страны как основа применения «мягкой силы» ограничена во времени, темпоральна. Советский Союз через Коминтерн мог парализовать работу парламентов, или организовать массовую забастовку в 1920-е гг., но возродить эту практику сегодня вряд ли возможно. Поскольку в основе мягкой силы лежат культурные установки и ценности, то думается, что исторические возможности ее применения могут ограничиваться действующими ценностями международной системы, влиянием конкретных участников, практикой работы межгосударственных институтов, трендами политической культуры эпохи.

2. Необходимость дифференцированного применения «мягкой силы». По существу это вопрос о пределах использования этого инструмента. Этот вопрос имеет и практические аспекты. Нельзя рассчитывать на успех публичной дипломатии там, где в основе политической идеологии страны лежит ксенофобия, или национальная исключительность. Антиамериканизм слишком развит в Латинской Америке, чтобы его преодолеть с помощью публичной дипломатии [12]. В ряде современных восточноевропейских государств внешнеполитическая идентичность строится на основе русофобии и мягкой силой этого не остановить. Практика ее применения здесь будет довольно затратной. Нельзя сказать, что применение мягкой силы здесь будет бесперспективным, но необходима четкая постановка целей, разработка стратегий, анализ условий и понимание пределов использования данных инструментов. Концепт «гибкой силы» Дж. Ная подчеркивает подобные перемены лишний раз. Цифровая дипломатия значима в определенном сегменте «потребителей», пользующихся смартфонами и владеющими иностранным языком.

Таким образом, внутри первых попыток применения «мягкой силы» во внешней политике отдельных государств обнаруживается вполне самостоятельный комплекс практических проблем. Российский опыт выглядит менее систематизированным, а американский — не дифференцированным, что влечет за собой значительные финансовые издержки. Степень вмешательства государства при проведении «публичной дипломатии», как и трактовки данного понятия политиками, также представляются различными и опосредуются институциональными особенностями политических систем, различным представлением о целях и возможностях использования этого инструмента.

Литература

1. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

2. Nye J.S. Jr. The Future of Power. N.Y., 2011.

3. Nye J.S. Jr. Has Economic Power Replaced Military Might? URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/nye95/English

4. Закария Ф. Постамериканский мир. М., 2009.

5. Най (мл.) Дж. Будущее американской власти // Россия в глобальной политике. 2010. № 6 (ноябрь/декабрь). URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Buduschee-amerikanskoi-vlasti-15053

6. Nye J.S. Should China Be “Contained”? URL: http://www.project-syndicate.org/commentary/nye96/English

7. Курс общественного дипломата. Учеб.-метод. материалы №4/2017 / Н.В. Бурлинова, Российский совет по международным делам (РСМД). М., 2017.

8. Wheeler N.J., Dunne T. Good Citezenship: A Third Way for British Foreign Policy // International Affairs. 1998. 74(4). p.847–870.

9. Выступление Владимира Путина на совещании послов и постоянных представителей России, 9 июля 2012 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902

10. Бурлинова Н.В. Концепция внешней политики 2016 и «мягкая сила» России. URL: http://www.picreadi.ru/koncepciya-vneshney-politiki-2016-i-myagkaya

11. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2016. L., 2017. URL: http://www.iberglobal.com/files/2016-2/soft_power_portland.pdf

12. «Нам надо больше внимания уделять позитивным проектам, в рамках которых мы можем работать». Интервью А.В. Фененко «Креативной дипломатии» 11.10.2016. URL: http://www.picreadi.ru/intervyu-s-alekseem-fenenko

К.А. Пахалюк
«Мягкая сила» и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения

В общественно-политический дискурс России понятие «мягкой силы» стало активно входить после августовских событий 2008 г., когда победа российских войск была сильно сглажена поражением на глобальном медийном поле. Это заставило трансформировать существовавшую систему информационной политики, ориентированную на зарубежную аудиторию. Реформы сопровождались попытками сменить концептуальный словарь. Однако многие политики и эксперты фактически использовали «мягкую силу» как эвфемизм менее респектабельной, но более привычной пропаганды. Причем сама проблема-

тика по-прежнему концептуализировалась в рамках когнитивной метафоры «войны»: существует глобальный информационный фронт, на котором Россия различными методами должна отстаивать свои позиции. Подобное понимание «мягкой силы», преобладающее за пределами научного дискурса, сильно контрастирует с воззрениями автора этого термина американского политолога Дж. Ная, который в начале 1990-х гг. пытался обозначить несиловые методы сохранения США доминирующего положения в мире. «Пальма первенства» была отдана идее лидерства, основанной на моральном приоритете и умении предложить всем остальным странам определенную модель развития [1]. Безусловно, речь идет о более сложных вещах, нежели об информационно-идеологическом воздействии и убеждении других в собственной правоте. Ирония заключается еще и в том, что феномены, которые осмысляются теоретиками «мягкой силы», являются неновыми в международных отношениях [2], равным образом и само понятие в научном дискурсе де факто было эвфемизмом, призванным оправдать гегемонию США в мировой системе. Безусловно, Дж. Най оказался далеко не первым, кто поставил вопрос о соотношения принуждения и убеждения на мировой арене (см.: [3]).

Понимание российскими официальными структурами «мягкой силы» как более искусной пропаганды обусловило и восприятие тематики исторической памяти. Примерно с 2014 г. наша дипломатия начинает уделять ей все большее внимание. Лишь частично это можно связать с активизацией исторических дискуссий внутри страны. Стоит сказать больше: Россия не выделяется из общего тренда стран Северной Америки и Европы, в которых начиная с 1980-х гг. проблемам истории придается все большее значение (см.: [4, 5]). Как отмечала А. Ассман, необходимо говорить о серьезном темпоральном сдвиге, связанном с утратой четкого образа будущего и разрастанием настоящего, что привело к росту общественного интереса к прошлому. Историческая память играет все большую роль в формировании идентичностей (см., напр.: [6, 7]).

Постепенному вхождению исторической тематики в мирополитическую повестку дня способствуют процессы глобализации, а именно: ослабление национальных суверенитетов, становление глобального информационного медийного пространства, интенсификация культурных контактов между разными странами, нарастание политической, социально-экономической взаимозависимости. Более того, в 1990-е гг. при содействии наднациональных органов Европейского Союза начинает формироваться то, что называется общеевропейской культурой памяти. В ее центре — проблематика Холокоста, обращение к которой

нацелено на осмысление ответственности всех европейских народов за эту трагедию, обоснование особой этики ответственности и подтверждение верности общеевропейским ценностям (см.: [8, 9]). Несомненно, речь идет об ослаблении национально-ориентированных нарративов во имя общеевропейской идеи. В начале 2000-х гг. определенные успехи, сделанные на этом пути, заставили некоторых авторов говорить о движении к космополитичной, или глобальной, памяти [10]. Впрочем, насколько активно она сегодня формируется — вопрос спорный (см., напр.: [11]). Сложности возникли и у ЕС, поскольку присоединившиеся в середине 2000-х гг. страны Восточной Европы не особо хотели говорить о собственной ответственности за соучастие в нацистских преступлениях, представляя себя в качестве жертв аналогичных «советских репрессий» [12]. Это уравнивание (как своих трагедий с Холокостом, так и СССР с гитлеровской Германией) вызвало резкую реакцию Москвы и одновременно нанесло удар по этической системе, лежащей в основании общеевропейской культуры памяти.

Безусловно, обращение к прошлому на международной арене может служить разным целям. Среди них:

— легитимация международных интеграционных проектов (описанный выше случай ЕС);

— экономические императивы (развитие исторического туризма или, наоборот, подкрепление требований компенсаций от другой страны за преступления прошлого);

— обоснование территориальных претензий или существующих границ;

— поддержка или дезавуирование существующих международных институтов (например, активность Веймарской республики по борьбе против условий Версальского мира 1919 г. проявлялась и в финансировании исследований, отрицавших вину кайзеровской Германии в развязывании Первой мировой) [13, с. 173–188];

— развитие гуманитарного сотрудничества (историческое прошлое как фактор становления транснациональных научных, культурных и пр. сетей);

— эстетическая функция (во время официальных визитов обращение к славным страницам совместного прошлого призвано задать нужный эмоциональный тон переговорам и сформировать позитивный образ в средствах массовой информации).

Особое внимание мы хотим обратить на связь между исторической памятью и ценностями, а именно когда отсылки к прошлому призваны морально обосновать проводимую внешнеполитическую линию. Так, многие европейские политики обращаются к памяти о Холокосте для

того, чтобы подтвердить верность универсальным ценностям прав человека. Здесь мы сталкиваемся с действием этики абсолютных принципов, которые иллюстрируются партикулярными историческими примерами. В России же доминирует этика добродетелей, в центре которой стоит фигура Героя, воплощающая добродетельное поведение [14, с. 269–277]. Именно она и восприятие глобального информационного пространства как пространства войны определяют то, как историческое прошлое встраивается во внешнеполитическую линию и видится из Москвы.

Не будет преувеличением сказать, что обращение к прошлому является сегодня ключевым способом морального обоснования места России на международной арене как великой державы. Наиболее отчетливо эти идеи прозвучали в торжественной речи президента В.В. Путина на Параде Победы 2012 г.: «Россия последовательно проводит политику по укреплению безопасности в мире. И у нас есть великое моральное право — принципиально и настойчиво отстаивать свои позиции, потому что именно наша страна приняла на себя главный удар нацизма, встретила его героическим сопротивлением, прошла через тяжелейшие испытания, определила сам исход той войны, сокрушила врага и принесла освобождение народам всего мира» [15]. В этой цитате значение имеет связка между отсылкой к прошлому, указанием на особое положение в мире и следованием такой «внешнеполитической добродетели», как «укрепление безопасности».

Несомненно, что центральное место занимает история Великой Отечественной войны: Россия, как правопреемница СССР, позиционирует себя как главный спаситель мира от зла нацизма. На постсоветском пространстве память о Победе используется как ресурс совместного прошлого, призванного морально обосновывать необходимость выстраивания особых отношений. В последние годы на европейском направлении Россия активно обращается к теме Холокоста, стремясь подчеркнуть роль Красной армии в спасении евреев от геноцида. В качестве показательного примера можно привести фильм К. Хабенского «Собибор», который посвящен единственному успешному восстанию в нацистском лагере смерти, поднятому советским лейтенантом А.А. Печерским. Первый показ состоялся во время визита в Москву премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху в январе 2018 г., а мировая премьера прошла в Варшаве за день до премьеры в России.

Однако актуализируются и другие страницы истории. Обращение к памяти о Ю. Гагарине призвано подчеркнуть технологическое развитие России, память о Первой мировой использовалась в 2014–2015 гг. для того, чтобы обозначить роль России как надежного союзника

и партнера по коалиции, внесшего серьезный вклад в победу. Характерна здесь и проводимая «мемориальная политика», а именно расставленные акценты: в 2011–2018 гг. на территории Франции появилось в общей сложности шесть памятников, посвященных Русскому экспедиционному корпусу, символизирующего российско-французский союз. В Сербии напротив президентского дворца в 2014 г. появился памятник Николаю II: именно он во время «июльского кризиса» заступился за Сербию. Список при желании можно продолжить.

Связь между историческим прошлым и моральным авторитетом объясняет болезненную реакцию официальной Москвы на любые попытки элит других стран зафиксировать интерпретации, которые бы отвергали успехи России или принижали ее роль. Так, на заседании РОК «Победа» в марте 2015 г. В.В. Путин напрямую связал очернение истории Великой Отечественной войны с подрывом морального авторитета страны [16]. И на наш взгляд, это не просто риторика: историческое прошлое осознанно используется для морального обоснования проводимой внешнеполитической линии и претензий на ведущий статус на мировой арене. Хотя восприятие «мягкой силы» как особого набора преимущественно информационных методов приводит к тому, что акцент делается на простом донесении определенных исторических сведений, что порою затрудняет более гибкое поведение, например, ориентированное на построение пространств совместной памяти. Не всегда просчитывается, действительно ли зарубежная аудитория желаемым образом воспринимает предлагаемые интерпретации (а не рассматривает, например, акцент на военных победах как проявление милитаризма?).

Отметим, что в последние годы в контексте российской внешней политики расширяется репертуар способов обращения к прошлому. Их мы делим на две группы: символические жесты и создание мест памяти. В первом случае речь идет об ограниченных по времени и кругу участников обращениях к прошлому, которые позволяют наиболее четко зафиксировать желаемые смыслы (проведение торжественных церемоний; поддержка различных конференций; официальные заявления на историческую тематику; организация передвижных выставок). Особо стоит отметить использование площадок различных международных организаций для принятия совместных заявлений на историческую тематику. Так, ежегодно в декабре на заседании Генассамблеи ООН по инициативе России принимается резолюция «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости». В 70-летний

юбилей Победы ряд резолюций, заявлений и деклараций был принят в рамках различных исполнительных структур СНГ (октябрь 2014), ОБСЕ (декабрь 2014), Совета Европы (март 2015), ООН, ШОС (май 2015) и ОДКБ (сентябрь 2015).

Места памяти более долговечны и устойчивы, однако их символическое значение, если его не поддерживать, может трансформироваться со временем или даже быть вообще утраченным. Здесь мы говорим о следующих видах деятельности:

— установка памятников (в 2012–2017 гг. различные памятники, мемориалы, памятные доски, бюсты открывались практически во всех странах Европы, а также в Южной Корее, Индии, Китае, Армении, Уругвае, Казахстане, Египте, Монголии и других странах);

— формирование музеев (в 2012 в. в словацкой Ришневце открылся дом-музей М.И. Кутузова; в 2013 г. в Пинске появился музей истории 85-го гвардейского Смоленско-Берлинского Краснознаменного ракетного полка РВСН; в 2014 г. в Словении создали музей на месте концлагеря Морибор);

— обустройство воинских и гражданских захоронений (например, по данным начальника военно-мемориального отдела Управления Минобороны по увековечению памяти погибших при защите Отечества А.В. Фомичева, с 2008 по начало 2013 г. были паспортизированы 725 выявленных захоронений, отремонтировано совместно с дипломатическими представителями 326 захоронений. Всего же на постоянной основе на начало 2013 г. представители Минобороны работали в шести государствах: Венгрия, Германия, Польша, Румыния, Чехия и Китай) [17];

— переименование топонимических объектов (так, в 2012 г. в сербском городе Чачак появилась улица Красной Армии);

— публикация в рамках работы совместных комиссий историков книг по «сложным вопросам» (прежде всего, стоит выделить российско-польские и российско-японские издания) [18, 19] и совместных учебников (в 2018 г. презентовано российско-польское учебное пособие по истории).

В последние годы ведется весьма активная работа в области политики памяти, причем речь идет о сложном гетерогенном процессе, в который включены многочисленные государственные и общественные организации. К сожалению, эта деятельность еще плохо изучена и требует как комплексных исследований, так и разработки теоретико-методологического аппарата, позволяющего уловить многочисленные нюансы и не сводить все к «пропаганде», пусть и названной «мягкой силой».

Литература

1. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в мировой системе // Международные процессы. 2006. Т. 4. №12. С. 5–15.

2. Пименова Е.В. Закат «мягкой силы»? Эволюция теории и практики soft power // Вестник МГИМО-Университета. 2017. №1. С. 57–66.

3. Андресон П. Перипетии гегемонии. М., 2018.

4. Хмелевская Ю.Ю. Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. № 1. С. 162–173.

5. Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. № 2. С. 7–13.

6. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017.

7. Леонтьева О.Б. Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 31–46.

8. Kucia M. The Europeanization of Holocaust Memory and Eastern Europe // East European Politics and Societies and Cultures. 2016. Vol. 30. No.1. P. 97–119.

9. Bottici C., Challand B. Imagining Europe. Myth, Memory, and Identity. Camb., 2013.

10. Levy D., Sznaider N. The Holocaust and the Formation of Cosmopolitan Memory // European Journal of Social Theory. 2002. Vol. 5. No 1. P. 87–106.

11. Ассман А. Существует ли глобальная память о Холокосте? Расширение и границы нового сообщества памяти // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 9–30.

12. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Полития. 2016. № 1. С. 111–121.

13. Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015.

14. Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011. С. 269–277.

15. Военный парад в честь 67-й годовщины Великой Победы // Президент России [Офиц. сайт]. 9.05.2012. URL: http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/15271

16. Заседание Российского оргкомитета «Победа» // Президент России [Офиц. сайт]. 17.03.2015. URL: http://kremlin.ru/catalog/keywords/117/events/47867

17. Фомичев А.В. Российские воинские захоронения за рубежом и проблемы их сохранения // Острова нашей памяти. Судьбы русских некрополей на чужбине. М., 2013. С. 15–20.

18. Белые пятна — черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда. М., 2010.

19. Российско-японские отношения в формате параллельной истории / под общ. ред. А.В. Торкунова и М. Иокибэ. М., 2015.

Д.С. Плотников

«Мягкая сила» Китая и России в Центральной Азии в сфере образования

«Мягкая сила» с позиции автора термина Дж. Ная — «форма политической власти, способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение против воли [1]. По его мнению, желаемых результатов во многих случаях можно добиться при помощи таких факторов, как духовная и материальная культура, общественные и политические принципы, качество проводимой внешней и внутренней политики и т.д. Эти дополнительные факторы в идеальном исполнении безотказно работают на повышение привлекательности имиджа страны, формируют особый ресурс, определяемый как «мягкая сила» [2]. Таким образом, согласно Дж. Наю, ««мягкая сила» государства основана на привлекательности его культуры, ценностей, политических и социальных программ. Она связана с культивированием чувства симпатии, с притягательности идеала и позитивного примера…. По сути, «мягкая сила» является следствием позитивного образа государства, сформировавшегося у других государств, в том числе, благодаря целенаправленному информационному воздействию на них» [3, с. 39].

В данной статье «мягкая сила» рассматривается сквозь призму воздействия Китая и России на образовательную систему стран Центральной Азии в сравнительном ключе.

«Мягкая сила» будет рассмотрена на примере деятельности указанных государств в области образовательной политики. Образование является одним из ключевых факторов, влияющих на мировоззрение человека. В этой связи создание социальной группы, имеющей схожую систему ценностей, является одной из приоритетных задач государственной политики в области продвижения своих интересов в регионе через согласие, а не принуждение.

«Мягкая сил» КНР в Центральной Азии

Рост экономического веса КНР определяет необходимость расширения доступа к энергоресурсам Центральной Азии. Регион Центральной Азии рассматривается в Пекине не только как источник сырья, но и как рынок сбыта китайской продукции и транзитный маршрут доставки китайских грузов в Европу.

Расширение экономического присутствия Китая в Центральной Азии способно вызвать рост китаефобии, что создаст сложности на пути реализации китайских интересов в регионе. Во избежание подобного сценария китайское руководство стремится расширить культурно-гуманитарные связи в Центральной Азии с целью создать благоприятный имидж своей страны в этом постсоветском регионе. «Мягкая сила официально была «принята на вооружение» китайскими стратегами из внешнеполитического планирования. Это значит, что в ближайшее время (10–15 лет) мы столкнемся с резким увеличением «Китая» и всего «китайского» в несколько раз. Плюс, свои плоды принесут многотысячные студенты и школьники, получившие образования в КНР» [4]. Продвижение китайских культурных проектов в Центральной Азии, с целью формирования положительного образа страны в глазах местного населения, предполагается посредством создания сети центров, в том числе и благодаря распространению на страны Центральной Азии опыта работы филиалов «Институтов Конфуция», действующего по всему миру.

В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане действуют 10 Институтов Конфуция и открыты 12 Классов Конфуция… В них обучаются около 23 тыс. студентов [5]. В 2010 г. в городе Урумчи открылась база государственной категории по распространению китайского языка в Центральной Азии, главные задачи которой заключаются в оказании помощи в создании институтов Конфуция прежде всего в странах-членах ШОС [5].

В 2015 г. наблюдался рост числа школ Конфуция в Кыргызстане [6–7]. В Казахстане действует 4 института Конфуция. Институты Конфуция созданы при КазНУ им. аль-Фараби (Алматы), ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Астана), Актюбинском государственном пединституте (Актобе) и КарГТУ (Караганда) [8]. Открываются институты Конфуция и в Узбекистане. Первый был открыт в 2005 г. в Ташкенте, второй — в Самарканде летом 2014 г. [9].

Таким образом, налицо усиливающаяся культурная экспансия Китая в регионе Центральной Азии. Нет сомнений в том, что она носит комплексный и долгосрочный характер. Открывающиеся китайские центры в долгосрочном плане призваны обеспечить беспрепятственное

проникновение китайской экономической мощи в Центральную Азию, вследствие чего регион будет «привязан» к Пекину сетью экономических и культурных нитей. Все это создаст принципиально иную платформу для продвижения китайских интересов в этом регионе. Нацеленность Пекина на улучшение имиджа Китая в Центральной Азии свидетельствует о росте потребностей Поднебесной к доступу на рынки стран этого региона. Вместе с тем несопоставимый дисбаланс экономических и демографических ресурсов Поднебесной со странами Центральной Азии может привести к кардинальным трансформациям региона.

«Мягкая сила» России в Центральной Азии

Для России Центральная Азия это не только рынок дешевой рабочей силы, но и «мягкое подбрюшье». Россия заинтересована в сохранении влияния русской культуры и притягательного образа своей страны в Центральной Азии. Страны Центральной Азии долгий исторический период входили в состав Российской империи, а затем СССР. За это время Россия воспринималась населением региона, в том числе, и как модернизирующая Центральную Азию сила. «Через русский язык и русскую культуру центральноазиатские народы приобщились к европейской цивилизации. Это отмечают такие выдающиеся представители интеллигенции данного региона, как, например, Чингиз Айтматов» [10, с. 122].

Население крупных городов Казахстана, Кыргызстана по большей части до сих пор русскоязычно. В меньшей степени русский язык распространен в городской среде Узбекистана, Таджикистана и, особенно, Туркменистана. Распространенность русского языка позволяет российским СМИ находить в регионе существенную аудиторию, через которую транслируется российское восприятие политических процессов, как в России, так и за ее пределами. Донесение российской точки зрения через СМИ до населения стран Центральной Азии показательно на примере восприятия позиции России в российско-украинском кризисе 2014 г. населением Казахстана. Согласно исследованию казахстанского социолога Г. Илеуловой: «Позицию России в этом вопросе одобряют 62 процента опрошенных на тему об осложнении российско-украинских отношений, еще 15 процентов считают действия соседа неправильными. Позицию Украины при этом поддерживают 5 процентов респондентов, не одобряют 68 процентов, а остальные 27 процентов не знали, что сказать» [11]. По данным общественного фонда «Центр социальных и политических исследований „Стратегия“», Россию в украинском кризисе поддержали 64% населения жителей страны

(Казахстана — прим. авт.). Причем среди тех, кто предпочитает российские СМИ казахстанским, поддержка составила 80%» [12].

Потоки трудовых мигрантов в Россию также стимулируют интерес населения к русскому языку, что создает запрос на сохранение и формирование русского образовательного сегмента в странах некоторых Центральной Азии. Несмотря на кратное сокращение доли русских в странах Центральной Азии после распада СССР, в настоящее время популярность русских школ в регионе возрастает, наблюдается большой конкурс [13]. Российские общественные организации, такие как «Фонд Русский мир», стремятся поддержать русскую культуру в регионе посредством проведения исследований [14] и создания центров [15]. Есть в Центральной Азии филиалы российских вузов и совместные университеты. В Казахстане существует 7 филиалов российских вузов [16], в Кыргызстане — 8, в Таджикистане — 2 и Узбекистане — 1 [17]. Если в Казахстане российско-казахстанский университет был закрыт в 2014 г. [18], то в Кыргызстане аналогичное учебное заведение под названием «Кыргызо-славянский университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» действует до настоящего времени [19]. Притягательными для населения стран Центральной Азии остается обучение в России.

Таким образом, Россия располагает рядом уникальных преимуществ в Центральной Азии в сравнении с другими международными акторами. Во-первых, Россию и страны региона роднит общее историческое прошлое, которое воспринимается неоднозначно политическими элитами Центральной Азии. Во-вторых, во многих городах Центральной Азии до настоящего времени широко распространен русский язык и его популярность растет среди школьников и их родителей. В-третьих, Россия населением стран ОДКБ Центральной Азии воспринимается как гарант безопасности и стабильности. В-четвертых, Россия позиционируется как регион эмиграции для значительной части активного населения Центральной Азии (не только с целью заработка, но и обучения). Указанные ресурсы позволяют России успешно использовать механизмы «мягкой силы» в Центральной Азии как по линии учебных заведений, так и российских СМИ.

В настоящее время между указанными державами разворачивается борьба за влияние и создание притягательных образов своей культуры в Центральной Азии. Существенная роль в этой борьбе отводится образовательному сегменту. Возрастающая роль Китая в мире обусловливает пробуждение интереса Пекина к Центральной Азии и реализации там широкого перечня культурных проектов. Усиливается и вни-

мание России к этому региону, в том числе, по причине провалов на «европейском» направлении.

Литература

1. Бондаренко А.В. «Мягкая сила» и «управляемый хаос» как инструменты современный мировой политики. URL: http://www.hse.ru/data/2014/10/20/1099151960/Тема%202%20Мягкая%20сила.pdf

2. Бобыло А.М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-v-mezhdunarodnoy-politike-osobennosti-natsionalnyh-strategiy

3. Казанцев А.А., Меркушев В.Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 200. № 2. С. 39.

4. Материалы круглого стола: «Китайская политика мягкой силы реальность и перспективы». URL: http://journal.zakon.kz/4708335-naselenie-kazakhstana-vse-eshhe-sklonno.html

5. Международное сотрудничество в сфере образования формирует интеллектуальную опору для развития Экономического пояса Шелкового пути. URL: http://russian.news.cn/culture/2014-02/28/c_133150954.htm

6. В бишкекской школе-гимназии открыли класс Конфуция. URL: http://www.vb.kg/doc/313113_v_bishkekskoy_shkole_gimnazii_otkryli_klass_konfyciia.html

7. В Кыргызстане открылся Центр китайского образования и культуры. URL: http://russian.people.com.cn/n/2015/1202/c31516-8984605.html

8. Акижанов С. 4 Института Конфуция в Казахстане обучают китайскому языку. URL: http://www.inform.kz/rus/article/2724590

9. В Узбекистане откроется второй институт Конфуция. URL: http://e-center.asia/ru/news/view?id=4598

10. Казанцев А.А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М. С. 122. URL: http://www.milpol.ru/data/2009/09_01/Bolshaya_igra_2008.12.23.pdf

11. Есенкулова Р. Мнение казахстанцев об российско-украинских отношений изучили социологи. URL: http://thenews.kz/2014/04/22/1554023.html

12. Казахстан поддерживает Россию в борьбе с Западом. URL: http://maxpark.com/community/politic/content/3073503

13. Список филиалов российских ВУЗов в странах СНГ. URL: http://www.russia.edu.ru/obruch/sng/1115

14. Старчак М.В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать. URL: http://www.russkiymir.ru/publications/190915

15. В Узбекистане откроется второй институт Конфуция. URL: http://e-center.asia/ru/news/view?id=4598

16. Озмитель М. Равшан Джеенбеков и Кубатбек Байболов теперь вместе. URL: http://www.vesti.kg/index.php?id=22945&Itemid=83&option=com_k2&view=item

17. Список филиалов российских ВУЗов в странах СНГ. URL: http://www.russia.edu.ru/obruch/sng/1115

18. Казахстан поддерживает Россию в борьбе с Западом. URL: http://maxpark.com/community/politic/content/3073503

19. Казахстанско-Российский университет закрыли в Астане. URL: http://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kazahstansko-rossiyskiy-universitet-zakryili-v-astane-258073

Т. Рокки
Имидж современных европейских сепаратистских, автономных и региональных партий и движений: политика «мягкой силы»

Десятки легальных и нелегальных сепаратистских, автономных и региональных партий и движений* существуют в современной Европе, особенно в западноевропейских странах. Широкое мировое внимание привлекали референдумы о независимости в Шотландии в 2014 г. и в Каталонии в 2017 г. Брекзит-референдум в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии в 2016 г. о выходе из Европейского союза был своеобразной декларацией независимости от Евросоюза. Переговоры между Объединенным Королевством и Евросоюзом уже начались с условной датой выхода страны из Евросоюза в марте 2019 г. Второй референдум о независимости готовится в Шотландии, где большинство избирателей голосовали против Брекзита**.

---

* В понимании автора, сепаратистские партии выступают за независимость, автономные партии — за автономию, региональные — за независимость или за автономию регионов.

** Германский юрист, специалист по конституционному праву Вольфрам Нордзик создал большой сайт «Партии и выборы в Европе», который дает обширные списки партий в парламентах европейских стран и регионов с описанием их идеологий. Партии с характеристиками «сепаратизм», «интересы меньшинства» и «регионализм» преобла-

Заметим, что сепаратистские, автономные и региональные партии и движения в Российской Федерации являются нелегальными. Статья 280, раздел 1 российского Уголовного кодекса запрещает публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации [3]. Однако легальность сепаратистских партий не гарантирует успешного достижения их мечтаний о независимости. Современные европейские государства обычно сочетают унитаризм и федерализм в государственном правлении. Автономия регионов часто допускается, но конституции обычно не предусматривают положения по отделению регионов от государства и формированию новых независимых государств [4].

Этот доклад исследует политику «мягкой силы», проводимой сепаратистскими, автономными и региональными партиями и движениями в странах Евросоюза. По определению американского политолога Джозефа Ная, «мягкая сила» — один из вариантов правительственной политики в достижении своих целей. «Мягкая сила» полагается на убеждение вместо принуждения и демонстрирует привлекательный имидж страны правительствам и обществам в других странах [5, p. 95–96].

Такие негосударственные акторы, как политические партии, также уделяют внимание своему имиджу и используют политику мягкой силы. Проведение курса «мягкой силы» особенно важно для сепаратистских, автономных и региональных партий во время выборов и референдумов. Они должны убеждать избирателей и правительства, что их требования справедливы и не представляют угрозы для стабильности Евросоюза и стран-членов. Требования к перестройке Европы по принципу самоопределения народов часто ассоциируются с «балканизацией». Балканизация — дробление Европы на мелкие, нестабильные, этнические государства. Распад больших государств уже дважды происходил в Европе в течение XX в. — после Первой мировой войны и в 1988–1991 гг., с падением Советского Союза и других бывших коммунистических государств.

Рассмотрим главные источники для понимания политики «мягкой силы» этих партий. Главные сайты этих движений включают:

1. Европейский Свободный Альянс (http://www.e-f-a.org/home) — самая большая европартия сепаратистских, автономных и региональных партий. Европартии — общеевропейские федерации национальных и региональных партий по идеологическим течениям, которые

дают в западноевропейских странах — Испании, Франции, Италии и Великобритании [1]. Бесплатная электронная энциклопедия Википедия дает списки сепаратистских, автономных и региональных партий в Европе [2].

избираются в Европарламент каждые пять лет. В европартии входят партии из стран-членов Европейского Союза и других стран. Избиратели в странах Евросоюза голосуют за кандидатов от европартий. Европартии организуют политические группы в Европарламенте. Многие сепаратистские, автономные и региональные партии составляются членами других европартий.

2. Федералистский союз европейских национальностей (http://www.fuen.org) объединяет десятки ассоциаций этнических меньшинств, которые не классифицируются как политические партии. Эти ассоциации обычно представляют интересы меньшинств в отношениях с государствами.

3. Сайт «Национaлия» (http://www.nationalia.info), спонсируемый автономным правительством Каталонии. Составители сайта ликуют по каждому факту сепаратизма в Европе и пытаются создать впечатление, что Европа на пороге «весны народов» масштаба революций 1848–1849 гг.

Европейский Свободный Альянс/European Free Alliance (ECA/EFA), включающий 45 партий-членов, провозглашает лозунг «за другую Европу, за Европу народов!». Его лидеры заявляют, что альянс — организация «прогрессивных националистических, автономных и региональных партий» Евросоюза, представляющая нации без государств, регионы и традиционные автохтонные (коренные) меньшинства в Европе [6]. Среди главных партий-членов — Левые республиканцы Каталонии и Шотландская национальная партия [7]. Выбор описания “прогрессивный” для партии ECA не случаен, потому что лидеры желают, чтобы избиратели и правительства не ассоциировали национализм партий альянса с национализмом крайне правых партий, таких, как Lega Nord (Северная Лига) в Италии и Vlaams Belang (Фламандский интерес) в Бельгии, и, прежде всего, с национал-фашизмом, национал-социализмом и родственными им идеологиями.

Альянс подчеркивает свою приверженность демократическим ценностям Евросоюза, но призывает к радикальной перестройке стран союза путем предоставления независимости, широкой автономии народам и регионам и признания Евросоюзом и странами-членами языков и культур всех европейских коренных народов. В манифесте к избирателям накануне выборов в Европарламент в 2014 году Альянс называет процесс перестройки Европы «внутренним расширением» стран Евросоюза [8, p. 4]. Превращение Евросоюза в союз свободных народов и регионов дает каждому народу возможность участвовать в решении экономических, общественных и политических проблем в Европе и мире. Централизация и унитаризм европейских государств

и националистическая изоляция отдельных стран препятствуют решению проблем (например, Альянс призывал руководство Евросоюза защищать права каталонских сепаратистов после непризнания испанского правительства результатов референдума о каталонской независимости в 2017 г. [9, p. 14]). Альянс, конечно, осуждает всякое нарушение правительствами прав народов на независимость, автономию и признание языков и культур и призывает руководство Евросоюза защищать эти права в странах-членах [10].

Итак, Европейский свободный альянс проводит политику мягкой силы в попытках убедить правительства и общества, что перестройка Европы по принципу самоопределения народов не представляет угрозы стабильности. Результаты этой политики неравноценны. Некоторые партии-члены имеют определенные успехи в выборах в отдельных странах, но Альянс имеет довольно слабое присутствие в Европарламенте. Альянс имеет только семь депутатских мест и составляет небольшую часть политической группы Европейских зеленых и ECA, которая состоит из 50 депутатов [11].

Федералистский союз европейский национальностей/Federal Union of European Nationalities (ФСЕН/FUEN) проводит свою политику мягкой силы в более умеренных тонах, чем Свободный альянс Европы. Основанный в Париже в 1949 г., Союз объединяет 90 ассоциаций коренных европейских этнических меньшинств, которые не классифицируются как политические партии. Эти ассоциации обычно представляют интересы меньшинств в отношениях с государствами [12].

Союз в своей хартии дает свое определение автохтонных (коренных) европейских меньшинств и приводит список основных необходимых политических, языковых, культурных и общечеловеческих прав для этих меньшинств. ФСЕН требует предоставления коренным меньшинствам права участия в управлении на всех уровнях европейских государств, в Евросоюзе и в Совете Европы [13, p. 6–9]. Заметим, что Союз, как и все европейские правительства и политические партии, не признает иммигрантских меньшинств коренными меньшинствами, несмотря на продолжительность их проживания в Европе. Также Союз считает, что миллионы европейских цыган составляют особенное меньшинство с собственными проблемами. Союз предполагает, что автохтонные меньшинства могут сотрудничать с цыганами в решениях проблем интеграции в Европе [14].

В своих документах ФСЕН не выступает за формирование новых государств, потому что в него не входят сепаратистские партии. Союз выступает за предоставление всем коренным народам расширения их участия на всех уровнях государственной жизни [15]. В своих требо-

ваниях Союз проводит политику мягкой силы в более умеренных тонах, чем ЕСА.

Сайт «Националия», спонсируемый автономным правительством Каталонии, проводит свою политику мягкой силы в более агрессивном тоне. Националия выступает за самое широкое предоставление права самоопределения народам и регионам в Европе и мире. Сайт, написанный на каталанском и английском языках, включает в себя еженедельные обзоры новостей, аналитику, интервью, профили народов без государств [16]. При чтении сайта создается впечатление, что сепаратистские, автономные и региональные партии проводят мощный поход мирового масштаба за правое дело независимости и автономии против несправедливых централизованных и унитарных государств.

Профили народов без государств стран бывшего Советского Союза включают в себя материалы по Абхазии, Нагорному Карабаху, Гагаузии, Ингушетии, Осетии, крымским татарам, Татарстану, Приднестровью и Чечне. К сожалению, все профили, даже по Каталонии и Шотландии, обновляются не регулярно [17]. Еженедельные обзоры новостей уделяют наибольшее внимание событиям в Испании, Франции, Италии, Великобритании, Германии и других западноевропейских странах [18]. Как и Европейский Свободный Альянс, Националия считает Западную Европу главным полем борьбы за независимость и автономию народов без государств, считая себя главным оплотом сопротивления правительствам в этой борьбе.

В заключение скажем, что современные европейские сепаратистские, автономные и региональные партии и движения, как и их конкуренты, уделяют большое внимание выстраиванию положительного имиджа и проведению политики мягкой силы. Эти партии стараются создать имидж разумности и убедить избирателей и правительства, что их требования и цели не представляют угрозы стабильности Евросоюза и стран-членов. Однако их требования перестройки Европы по принципу самоопределения народов и регионов могут вызывать опасения бесконечной балканизации Европы. Кроме того, раздробленность сепаратистских, автономных и региональных партий наносит урон их имиджу объединенного фронта народов без государств.

Литература

1. Parties and Elections in Europe. URL: http://www.parties-and-elections.eu/countries.html

2. List of Active Separatist Movements in Europe. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_active_separatist_movements_in_Europe

3. Уголовный кодекс РФ. URL: http://www.uk-rf.com/glava29.html

4. Constitute: the World's Constitutions to Read, Search, Explore. URL: https://www.constituteproject.org

5. Nye J.S., Jr. Public Diplomacy and Soft Power. The Annals of the American Academy of Political and Social Sciences. Vol. 616. Public Diplomacy in a Changing World (March, 2008).

6. What's EFA and History. What is the European Free Alliance? // European Free Alliance. URL: http://www.e-f-a.org/about-us/whats-efa-and-history

7. Member Parties // European Free Alliance. URL: http://www.e-f-a.org/whos-who/member-parties

8. EFA Manifesto. Elections. European Parliament. 22-25 May 2014 // European Free Alliance. URL: http://www.e-f-a.org/fileadmin/user_upload/documents/EFA_3263_manifesto_ENG_230114.pdf

9. EFA Manifesto. Elections. European Parliament. 22-25 May 2014 // European Free Alliance. URL: http://www.e-f-a.org/fileadmin/user_upload/documents/EFA_3263_manifesto_ENG_230114.pdf

10. No Democracy or Justice in Spain — EU Must Act. EFA Calls on EU Council Summit to Intervene on Catalonia // European Free Alliance. URL: http://www.e-f-a.org/news/news/?no_cache=1&tx_ttnews%5Btt_news%5D=1123&cHash=6f43179842f59fd5be4c35686b7f2d9e

11. The Greens/European Free Alliance in the European Parliament: Up-to-date list of the MEPs for the New Legislative Period. URL: https://www.greens-efa.eu/en/article/up-to-date-list-of-the-meps-for-the-new-legislative-period

12. European Minorities. FUEN Members. URL: https://www.fuen.org/european-minorities/members/list

13. Charter for the Autochtonous National Minorities in Europa (sic). URL: https://www.fuen.org/fileadmin/user_upload/downloads/Charter.pdf

14. Solidarity with the Roma-Minorities Helping Minorities. URL: https://www.fuen.org/fileadmin/user_upload/Dokumente/2013.07_Projektkonzeption_Roma_EN.pdf

15. The Right to Political Participation for the Autochtonous, National Minorities of Europe. URL: https://www.fuen.org/fileadmin/user_upload/downloads/The_Right_to_Political_Participation.pdf

16. Nationalia: Online News about Stateless Nations and Peoples. URL: http://www.nationalia.info

17. Nationalia-Profiles // Nationalia: Online News about Stateless Nations and Peoples. URL: https://www.nationalia.info/profiles

18. Nationalia Weekly Roundup // Nationalia: Online News about Stateless Nations and Peoples. URL: https://www.nationalia.info/news/recull-setmanal

А.В. Сковородников
Россия и Сербия: исторические стереотипы и «мягкая сила»

Реалии международных отношений начала XXI в. поставили перед руководством России новые задачи на мировой арене. Во внешней политике Россия провозгласила концепцию многополярного мира. С точки зрения российских официальных лиц, основополагающим фактором многополюсности является признание необходимости всестороннего межгосударственного диалога и взаимозависимости между всеми государствами мира перед лицом общих глобальных угроз. С другой стороны, после событий 2014 г. произошло стремительное обострение взаимоотношений со странами Запада. Во многом именно это обусловило необходимость поиска, в том числе, альтернативных невоенных методов достижения поставленных целей и реализации собственных интересов в различных регионах мира.

В сложившейся напряженной обстановке информационного противоборства и усиления геополитического противостояния, в которой сейчас пребывают Запад и Россия, комплекс приемов «мягкой силы» является одним из возможных инструментов воздействия на общественность других стран с целью углубления своего влияния. Именно этот подход зафиксирован в Концепции внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.): «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов „мягкой силы“, прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1]. Данная формулировка носит, очевидно, достаточно обтекаемый характер и требует уточнений в каждом конкретном случае ее применения на практике. Одним из наиболее значимых регионов реализации методов и инструментов «мягкой силы» России следует признать Юго-Восточную Европу, в частности Балканы.

На протяжении более двух столетий Сербия является одним из главных партнеров и стратегических союзников России на Балканском полуострове. В основе этого лежат тесные этнические и конфессиональные связи между народами двух государств, идеи православ-

ного братства и славянской солидарности, общие духовные и морально-нравственные ориентиры. В течение всего этого времени формировались устойчивые исторические стереотипы и клише, дающие, в известной степени, лишь упрощенное и схематичное представление о структуре и особенностях данных взаимоотношений. Нередко подобные идеи приобретают форму своеобразной мифологии. Наиболее полно они выражены в такой формуле как «русские и сербы — братья навек» (Руси и Срби браћа заувек). Во многом именно наличие исторических мифов, основанных на столетиях совместного военного и политического сотрудничества, а также духовной близости, способствует поддержанию позитивного образа России в сознании сербов. Вот очередное клише этой темы в поддержку подобного восприятия реальности: «Нас с русскими — 300 миллионов, а без русских — полгрузовика» (Нас и Руса 300 милиона, нас без Руса пола камиона).

В Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Республикой Сербия, подписанной в июне 2013 г. в Сочи, прямо указано, что обе стороны «опираются на глубокие взаимные чувства дружбы, многовековую историю отношений, традиции языковой, духовной и культурной близости братских народов двух стран…» [2]. Это позволяет сделать вывод, что лидеры государств, скорее, склоняются делать ссылки на общее историческое прошлое и традиционную взаимную привязанность и уважение между двумя народами, нежели искать новые векторы сотрудничества, учитывая вызовы современного мира. При этом вполне обоснованным выглядит вопрос: что еще связывает два государства помимо сформировавших и в определенной степени устаревших стереотипов, попыток зацепиться за прошлое? Есть ли еще иные точки соприкосновения для дальнейшей продуктивной и последовательной работы? Груз прошлого обременяет и тянет назад, или это бесценный опыт и багаж знаний, на основе которых можно конструировать модель совместного развития в будущем?

В национальном сознании сербов русские всегда воспринимались, как защитники. В Сербии даже существует поговорка: «Кроме сербов еще русские сербы». Под этим понимается принадлежность к православной вере, так как понятие «серб» является синонимом понятия «православный». Социальная память народов, нравственно-психологические особенности сербского и российского общества, религиозные и национальные чувства тесно переплетаются с национальной самобытностью и находят отражение в большинстве сфер бытия и общественного сознания. Но насколько на сегодняшний момент актуальны такие понятия как «Небесная Сербия» и «Святая Русь»? Каким обра-

зом духовные скрепы соотносятся с прагматизмом принятия внешнеполитических решений без использования силовых военных методов или даже без угрозы их применения?

Практических шагов со стороны России, направленных на активное продвижение достижений русской культуры и образа жизни, поддержание благоприятного имиджа и позитивного к себе отношения, сделано непростительно мало. Приведем мнение в подтверждение данного тезиса: «При огромном, все еще подавляющем большинстве населения (Сербии), симпатизирующего России, Москва не создала ни одной (!) неправительственной организации, постоянно и планомерно работающей в стране. Россия как будто нарочно отказывается от бесценного опыта Сербии и в том, что касается гражданской войны, и в том, что касается санкций, и в том, что касается схем, которые были отработаны на Югославии для последующего применения к России. Изумительная беспомощность российской «мягкой силы» заключена в том, что Россия своими действиями не расширяет горизонты, не рисует другим народам перспектив — а как бы самоизолируется, предоставляя изумленным партнерам дивиться силе нашего духа и готовности к упрямому сопротивлению» [3].

Популяризация собственной культуры, повышение притягательности и привлекательности функционирования общества — вот те ориентиры, которые должны лежать в основе взвешенной и последовательной внешней политики государства, претендующего на роль одного из лидеров на мировой арене. Следует признать, что на сегодняшний момент четкого плана реализации заявленных целей не существует. Сербия является одной из очень немногих стран, население которой в большинстве своем действительно уважает и ценит вклад России в становление государственности, экономической помощи и поддержки в вопросе непризнания суверенитета Косова и иных международных проблемах. С другой стороны, концепция расширения границ «русского мира» должна базироваться не только и не столько на популярности отдельных российских политиков, например В.В. Путина, или выступлениях в Совете Безопасности ООН. Немаловажное, а иногда и определяющее значение, должна иметь гуманистическая общекультурная составляющая усиления собственного влияния. Работа с общественным мнением, увеличение российского присутствия в информационном поле сербских СМИ — вот одни из наиболее актуальных и приоритетных задач России в данном регионе. А с этим имеются серьезные трудности. Приходится констатировать отсутствие какой-либо стратегии поведения, с точки зрения использования приемов «мягкой силы». Показательным в этом плане является точка зрения,

высказанная послом Сербии в России С. Терзичем: «Мне кажется, что Россия тоже должна подумать, как она может присутствовать, может быть, более организованно, особенно в культурном, научном смысле, на Балканах, — приводит агентство ТАСС слова Терзича. — Русской „мягкой силы“ на Балканах почти нет». Сербский дипломат также добавил, что сейчас в регионе сильно влияние американских медиакорпораций [4].

На сегодняшний момент практически все информационное пространство Сербии поглощено влиянием американской и европейской пропаганды. При этом методы варьируются от достаточно агрессивного навязывания западной шкалы ценностей, до более тонких, но не менее эффективных способов обоснования необходимости духовной и внешнеполитической переориентации. Нужно признать, что несколько десятилетий фактического отсутствия России в регионе привели к тому, что данная ниша была занята другими заинтересованным участниками.

Сербское общество балансирует с одной стороны между прозападной, во многом антироссийской направленностью выступлений в СМИ, деятельности НКО и иных организаций, а с другой стороны — стереотипы, подчеркивающие, что единственным защитником Сербии является «матушка Россия». Вопрос в том, насколько прочным окажется ресурс исторических связей, в сравнении с массированной попыткой изменения представлений сербского общества, подкрепленной огромными финансовыми вливаниями.

Отсутствие разработанной последовательной программы, содержащей практические шаги применения рычагов «мягкой силы» в Сербии, еще раз подтвердило интервью министра иностранных дел РФ С. Лаврова. Вот лишь некоторые показательные моменты: «Россия никогда в истории Балкан не привносила в регион конфронтацию, а всегда старалась ее ликвидировать и помочь балканским народам отстаивать интересы своей государственности, предков, своих духовных, религиозных, культурных, цивилизационных корней… Мы заинтересованы в сохранения наших исторических, духовных, культурных связей с балканскими друзьями… Мы заинтересованы присутствовать в информационном пространстве дружественных нам стран, с которыми нас связывают в целом ряде случаев столетия отношений» [5]. Во многом это общие фразы, не подкрепленные конкретными действиями или хотя бы реальными инициативами. Помощь в реконструкции Храма Святого Саввы и функционирование гуманитарного центра в г. Ниша — явно недостаточные меры для продвижения российских интересов в Сербии.

Таким образом, в ближайшее время «битва за Сербию» может быть проиграна. В быстро меняющемся мире опоры на общность исторического прошлого и постоянное воспроизводство исторических стереотипов явно недостаточно. Культурное, конфессиональное, этническое единство требует постоянной подпитки. Отсутствие понимания возможностей практического применения инструментов и ресурсов «мягкой силы» в обозримой перспективе неминуемо приведет к потере одного из наиболее значимых союзников в регионе. Нужно констатировать, что времени для кардинального изменения ситуации в пользу России остается крайне мало.

Литература

1. Концепция внешней политики РФ // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
2. Басова Д. Россия–Сербия: к новой парадигме отношений. URL: https://sinatistis.wordpress.com/2016/06/08/rstnpr
3. Сокрушительное фиаско России в Сербии. История ничему не учит? // Regnum.ru. URL: https://regnum.ru/news/2087978.html
4. Федякина А. Посол Сербии призвал укрепить российскую «мягкую силу» на Балканах. URL: https://rg.ru/2016/11/21/posol-serbii-prizval-ukrepit-rossijskuiu-miagkuiu-silu-na-balkanah.html
5. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова сербскому информагентству «БЕТА», Москва, 19 февраля 2018 года // МИД РФ [официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/posledniye_dobavlnenniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3084489

Обсуждение в Интернете

Пахалюк Константин Александрович
9 апреля 2018, 14:40

Статья вроде бы и верная в том плане, что не делается все, что хотелось, но слишком критичная и, безусловно, обидная для тех, кто работал или работает на этом направлении.

Во-первых, в Сербии действует наш РЦНК как основная “база” нашей мягкой силы http://srb.rs.gov.ru/ru

Во-вторых, активная работа идет в области сохранения общего исторического прошлого, причем не только ВОВ (1944 г. освобождение), но и другие периоды (Первая мировая, русская эмиграция). Так, к 100-летию ПМВ наши отреставрировали основной некрополь, установили памятник Николаю II напротив президентского двора, а другой памят-

ник на территории главного туристического объекта Калемегдан. Был и другие проекты (тут кратко я об этом писал https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=846919)

В-третьих, достаточно тесно взаимодействую РПЦ и Сербская православная церкви.

В-четвертых, в книжных магазинах лежат книги Старикова и Нарочницкой, что тоже «мягкая сила».

В-пятых, активно ведется работа и с сербами в БиГ.

Так что «несмотря на определенные успехи», сделать действительно предстоит еще немало.

Сковородников Александр Васильевич
9 апреля 2018, 17:24

Спасибо за развернутый и обстоятельный отзыв. Речь в статье идет скорее об отсутствии общегосударственного понимания возможностей применения инструментов мягкой силы. Впрочем, это вовсе не исключает конкретных примеров, приведенных Вами.

К.М. Табаринцева-Романова
Движение «Слоу фуд» как успешный актор эногастродипломатии

Сегодня на европейском пространстве концептуально вырабатываются и распространяются новые «хорошо забытые» старые формы публичной дипломатии, например: гастродипломатия (она же — кулинарная дипломатия, эногастродипломатия — если речь идет также и о вине). Целью гастродипломатии является укрепление национального имиджа страны на мировом уровне. Данный вид дипломатии является ответвлением культурной и публичной дипломатии. Она оказывает влияние и на общество: через использование тех или иных продуктов питания можно влиять на межкультурное взаимопонимание и взаимодействие. Как отмечает В. Джековец, кулинарная дипломатия «сопровождает» публичную дипломатию… переговоры — это все те обеды на высшем уровне, за которыми обсуждаются важные политические вопросы» [1]. Или, как образно пишет С. Чеппл-Сокол, «искусство развлечения иностранных дипломатов» [2, с. 162]. В качестве иллюстрации можно вспомнить тот факт, что когда бывший премьер-министр Италии М. Ренци отправился с визитом в Белый дом в октябре 2016 г., на официальном обеде подавали от картофельных равиолей с маслом и шалфеем до салата из тыквы с пекорино-салатом, яблочный пирог и мороженое, а когда с визитом приехал французский лидер Ф. Олланд — ему подавали стейк.

В то же время в литературе можно встретить разграничение кулинарной и гастрономической дипломатии. Последняя рассматривается как обмен культурой питания на бытовом повседневном уровне [1]. Мы сомневаемся в целесообразности такого разделения гастродипломатии, это скорее уровни воздействия и влияния дипломатии, а не ее виды. С этой точки зрения эногастродипломатия прекрасно вписывается в выделенные Американским институтом мира треки дипломатии. Напомним, что традиционно термин «дипломатия» относится к взаимодействию между национальными государствами. Однако в последнее время ученые определили несколько уровней дипломатии [8]:

— Трек 1. Официальные обсуждения, в которых обычно участвуют высокопоставленные политические и военные лидеры, и они сосредоточены на прекращении огня, мирных переговорах, договорах и других соглашениях.

— Трек 2. Неофициальный диалог и деятельность по решению проблем, направленная на построение взаимоотношений и развитие межкультурного диалога. В мероприятиях 2-го направления обычно участвуют влиятельные академические, религиозные и неправительственные лидеры и другие субъекты гражданского общества, которые могут взаимодействовать более свободно, чем высокопоставленные должностные лица. Некоторые аналитики используют термин «путь 1.5» для обозначения ситуации, когда официальные и неофициальные участники работают вместе для разрешения конфликтов.

— Трек 3. «Народная дипломатия», проводимая отдельными лицами и частными группами для поощрения взаимодействия и взаимопонимания между враждебными общинами и привлечения внимания и расширения прав и возможностей в этих общинах. Обычно этот уровень дипломатии связан с организацией встреч и конференций, созданием средств массовой информации и политической и правовой защитой для маргинализованных людей и общин. Трек 3 дипломатии, в отличие от треков 1 и 2, не направлен конкретно на разрешение масштабного конфликта, а фокусируется на концепциях установления контакта и развития толерантности. Так, «кулинарный» конфликт во Франции против халяля можно было бы урегулировать как раз с помощью гастродипломатии (напомним, что в 2012 г. Н. Саркози выступал за ведение культурной войны — как войны за самосознание, общие ценности и французскую идентичность, предлагая противостоять «культуре халяля во Франции (борьба против Франции — Халяль)» [4]).

Если говорить о третьем треке и эно- и гастродипломатии в частности, то в рамках европейского пространства она используется уже

целым рядом государств, имеющих, в первую очередь, собственную глубокую и насыщенную историю культуры еды и виноделия. Пионерами в продвижении данного концепта в европейской риторике, естественно, стали французы, которые стали использовать еду, кухню, культуру вина (энология) как своеобразные инструменты внешней политики и экономической дипломатии. Достаточно вспомнить слова Талейрана: «Дайте мне хорошего повара, я заключу хороший договор!» или Черчилля, который сказал: «Мы не боремся только за Францию, мы также боремся за шампанское». Дипломатия всегда смотрела на кулинарное искусство как способ вести переговоры. Как отметил в 2014 г. на встрече с участием знаменитых поваров А. Дюкасса, Г. Мартина и Г. Савойя на тот момент действующий министр иностранных дел Л. Фабиус: «Мы собираемся создать новую специальность: гастродипломатию» [7]. Наиболее явными адептами эногастродипломатии стали итальянцы, которые стали также воспринимать ее как инструмент «мягкой силы» Италии. В конце ноября 2016 г. состоялась первая Неделя итальянской кухни в мире по образцу аналогичных инициатив, которые другие страны проводят в течение нескольких лет. Как отметил А. Гольштейн, управляющий директор Общества экономических исследований «Номизма», «мы должны быть Кавурами за столом и Ришелье — в пищевой промышленности» [6]. Проведение Недели итальянской кухни направлено на решение следующих задач: знакомство с агропродовольственным и винодельческим секторами итальянской промышленности; распространение знаний о средиземноморской диете (которая с 2010 г. находится под защитой ЮНЕСКО); усиление присутствия за пределами Италии через открытие новых ресторанов и работу итальянских поваров; продвижение «гастрономических» маршрутов для туристов.

Напомним, что эногастродипломатия имеет две основных функции: развитие экономических и торговых возможностей страны и формирование внешнеполитического имиджа страны. Еда, кухня, эногастрономическая культура наряду с архитектурой, литературой, кино или модой выражают собой национальные интересы государства и являются мощными инструментами публичной дипломатии. Кухня является одним из базовых компонентом итальянской идентичности и влияет на формирование внешнеполитического образа Италии. Несмотря на то, что Италия являет собой образ страны хорошей кухни и сладкой жизни, она является четвертой страной в мире по количеству ресторанов, отмеченных звездой Michelin, уступая Японии, Франции и США. С 2016 г. неделя итальянской кухни активно проводится и в России.

В то же время, в определенном смысле, Италия стала родиной оппонирующего в концептуальном смысле американским традициям питания. В ответ на доминирующий тренд в американской гастрономической экспансии — фастфуд, или «быстрая еда», на Аппенинском полуострове зародилось движение «Слоу фуд». Моментом его основания считается 1986 год, когда его вдохновитель Карло Петрини организовал акции протеста против открытия в центре Рима, на площади Испании, ресторана «Макдональдс». Примечательно, что протест был вызван не только самим фактом открытия ресторана быстрого питания, но еще и тем, что в одном из самых красивых мест в мире людей лишали возможности неспешно насладиться атмосферой города, почувствовать вкус местных продуктов и приобщиться к культуре страны. Как утверждал К. Петрини, «традиционные продукты являются важнейшим фактором сохранения нашего культурного наследия и чувства принадлежности к нации» [5].

К настоящему моменту организация представлена в 150 странах, в ней насчитывается 100000 членов, существует собственное издательство, открыт Университет гастрономических наук и несколько аспирантур по кулинарии и виноделию, и ежегодно в Турине проводится конференция «Терра Мадре» (в переводе «мать-земля»), а сам Карло Петрини в 2004 г. получил титул «Человек года в Европе» по версии журнала «Тайм», газета “The Guardian” внесла его в список «50 людей, которые могут спасти планету», а в 2013 г. он получил премию «Защитник Земли» от Фонда окружающей среды ООН.

Данное движение провозглашает: «еда — это культура, самобытность и богатство». Помимо защиты нематериального кулинарного наследия, одной из основных своих задач эта организация считает защиту и сохранение биоразнообразия (под риском исчезновения находятся не только дикие виды растений, но и, прежде всего, виды, одомашненные для производства пищи; на сегодняшний день 75% видов сельскохозяйственных культур уже потеряны), изменение отношения к пище: «региональное потребление должно стать разумной альтернативой глобализированному «фастфуду» и залогом сохранения культуры и традиций, социальной стабильности и защиты природы.

Также «Слоу фуд» известен своими образовательными проектами, в рамках которых рассказывается о местных особенностях и гастрономических традициях разных регионов, уже много лет подряд в Турине проводится Салон вкуса и фестиваль еды «День Терра Мадре», выставки «Slow cheese» и «Slow fish» по всему миру конвивиумы «Слоу фуд» сотрудничают со школами и детскими садами, в 2013 г. был создан Университет гастрономических наук в Полленцо.

Движение может быть рассмотрено как актор «мягкой силы», функционирующий в рамках реализации эногастродипломатии; как структура, способствующая защите нематериального культурного наследия (как известно, средиземноморская диета и пицца являются памятниками нематериальной культуры, находящимися под охраной ЮНЕСКО); институт, работающий на обеспечение культурной безопасности.

Таким образом, мы видим, как движение, зародившееся из персонального протеста против агрессивной системы быстрого питания, выросло в полноценного участника итальянской «мягкой силы». Его нельзя назвать локальным или узконаправленным, учитывая его географию, учебные программы и собственный университет. Кроме того, благодаря этому движению, итальянская кухня и ее имидж активно транслируется в большинство стран мира, и эта работа отмечена не только на уровне ее участников, но и на уровне крупнейших международных институтов, включая различные подразделения ООН.

Литература

1. Gecowets V. Culinary Diplomacy vs. Gastrodiplomacy. URL: http://www.conflictcuisine.com/culinary-diplomacy-vs-gastrodiplomacy

2. Chapple-Sokol S. Culinary Diplomacy: Breaking Bread to Win Hearts and Minds // The Hague Journal of Diplomacy. 8 (2013). P. 161–183. URL: https://culinarydiplomacy.files.wordpress.com/2013/06/hjd-off-print.pdf

3. Martel F. Comment Nicolas Sarkozy va lancer sa candidature // L'Express. 5.02.2012. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/comment-nicolas-sarkozy-va-lancer-sa-candidature_1079171.html

4. Il manifesto dello Slow-food // Slow-food [Sito ufficiale]. URL: http://www.slowfood.it/chi-siamo/che-cose-slow-food

5. Cozella E. La gastro-diplomazia e la promozione dell'Italia // La repubblica. 5.12.2016. URL: http://www.repubblica.it/sapori/2016/12/05/news/la_gastro-diplomazia_e_la_promozione_dell_italia_nel_mondo-153526675

6. Litzler J.-B. Laurent Fabius lance la «gastrono-diplomatie» // Le Figaro. 24.10.2014. URL: http://www.lefigaro.fr/conjoncture/2014/10/24/20002-20141024ARTFIG00005-laurent-fabius-lance-la-gastrono-diplomatie.php

7. Tracks of Diplomacy // United States Institute of Peace. URL: https://www.usip.org/glossary/tracks-diplomacy

М.Н. Тажиева

Национальные проекты Казахстана как инструмент «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе страны

Одним из важнейших достижений для внутренней и внешней политики Республики Казахстан стало эффективное использование «мягкой силы» для упрочения своего положения на мировой арене. Сегодня Казахстан — это страна со стремительно развивающейся экономикой, государство, отказавшееся от ядерного оружия, площадка для проведения международных переговоров для разрешения вооруженных конфликтов, место для ведения диалога мировых и традиционных религий, активный участник многих международных организаций, территория, где живут в мире и согласии представители разных национальностей, конфессий и культур.

За короткий срок Казахстан приобрел серьезный международный авторитет и превратился в одного из ведущих игроков в среднеазиатском регионе. Основоположник современного внешнеполитического курса Казахсатана Н.А. Назарбаев, Лидер нации, Первый Президент государства, который, согласно Конституции, представляет страну в международных отношениях. Особенность и сила внешнеполитического курса республики заключаются в последовательности, предсказуемости и многовекторном характере его политики [1].

Институционально, на сегодняшний день в Казахстане можно указать несколько действующих институтов «мягкой силы» и публичной дипломатии: руководство Казахстана, МИД, казахские диаспоры и ирреденты, ряд международных казахстанских организаций, отдельные НПО, институты гражданского общества, «фабрики мысли», отдельные международные СМИ, ведущие университеты Казахстана [2].

Национальные проекты, проведенные Казахстаном за годы независимости, ярко демонстрируют, что руководство Казахстана приняло и использовало в своей внутренней и внешней политике современную позитивную интерпретацию понятия «мягкая сила». Все имиджевые мероприятия стали эффективными инструментами не только для интеграции государства в мировое сообщество, но и для превращения Казахстана в полноценного актора мировой политики и международных экономических, культурных, гуманитарных отношений.

После обретения независимости и определения внешнеполитического курса Казахстаном было предложено и реализовано несколько инициатив международного масштаба. В реализации многих из них Казахстан стал первым и единственным из постсоветских государств. К национальным проектам, которые имеют «мягкую силу» воздействия на укрепление межгосударственного и межкультурного диалога

и формирование национального бренда Казахстана, можно отнести мероприятия, которые относятся ко всем сферам общественной жизни.

В сфере политики следует отметить председательство Казахстана в ОИС и ШОС, организацию и проведение Саммита ОБСЕ в Астане, инициативу создания СВМДА.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) является международным форумом по укреплению сотрудничества, направленного на обеспечение мира, безопасности и стабильности в Азии. Идея о созыве СВМДА была впервые озвучена Президентом Республики Казахстан Н. Назарбаевым на 47-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 5 октября 1992 г. Движущей силой этой инициативы стало стремление создать эффективную и приемлемую структуру по обеспечению мира и безопасности в Азии. В отличие от других регионов мира, в тот момент в Азии еще не существовало подобной структуры, а более ранние попытки ее создания не увенчались успехом. Данная инициатива получила поддержку со стороны ряда азиатских государств, которые убедились, что именно такая структура является велением времени.

Процесс реализации мер доверия в рамках СВМДА уже начался. Двенадцать государств-членов добровольно выступают как страны-координаторы или со-координаторы по имплементации определенных проектов по мерам доверия в гуманитарном измерении; в области новых вызовов и угроз (терроризм, управление пограничным контролем, торговля людьми и транснациональная преступность); по развитию безопасных и эффективных систем транспортных коридоров; борьбе с наркотиками; управлению национальными катастрофами; информационным технологиям; энергетической безопасности; развитию малых и средних предприятий; и туризму. Были приняты концепции и/или планы действий в гуманитарном измерении, сфере новых вызовов и угроз и борьбе с незаконным оборотом наркотиков, также рассматриваются концепции в других областях [3].

В 2010 г. Казахстан стал председателем в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Главное итоговое событие председательства — Астанинский Саммит ОБСЕ, который прошел 1–2 декабря 2010 г. Казахстан стал первой страной на постсоветском пространстве, которая председательствовала в Организации.

Девизом председательства Казахстана в ОБСЕ стали четыре латинские буквы «Т»: доверие (trust), традиция (tradition), прозрачность (transparency) и терпимость (tolerance). Доверие — это ключевой ресурс международных отношений необходимый всем странам, оно не может быть чем-то само собой разумеющимся во время столь зна-

чительных исторических изменений. Традиция подчеркивает приверженность Казахстана фундаментальным принципам и ценностями ОБСЕ. Прозрачность означает предельную открытость, отсутствие «двойных стандартов» и «разделительных линий», а также концентрацию внимания на конструктивном сотрудничестве в области безопасности. Терпимость — это осознание возрастающей важности межкультурного и межцивилизационного диалога.

Астанинский Саммит стал ярким выражением политической воли глав государств-членов ОБСЕ по преодолению наметившихся кризисных явлений и взаимного отчуждения между странами-участницами Организации. Кроме этого, Саммит прошел в сердце Евразии, в тысячах километров от географических границ Европы, что стало отражением изменившейся современной парадигмы европейской безопасности. Основными темами Саммита стали вопросы устойчивой безопасности на Евроатлантическом и Евразийском пространствах, проблема Афганистана, решение «замороженных» конфликтов.

Президент Казахстана заявил о переходе к новому уровню безопасности и сотрудничества в более широких координатах — «от океана до океана». В частности, речь шла о формировании единого пространства безопасности в границах четырех океанов — от Атлантического до Тихого и от Северного Ледовитого до Индийского. Таким образом, Саммит ОБСЕ в Астане дал старт формированию Евро-Атлантического и Евразийского сообщества единой и неделимой безопасности [4].

28–30 июня 2011 г. в Астане прошла 38-я сессия Совета министров иностранных дел Организации исламской конференции (ОИК). С этого момента Казахстан приступил к председательству в этой международной организации. Данную встречу можно назвать исторической, поскольку на ней было принято решение о переименовании ОИК в Организацию Исламского Сотрудничества, была учреждена Постоянная комиссия по правам человека. Впервые был принят План действий ОИС по сотрудничеству с Центральной Азией.

Казахстан последовательно реализовал намеченные приоритеты, отраженные в Концепции и программе Председательства в СМИД ОИС на 2011–2012 гг. Кроме того, совместно со странами-членами, Генеральным секретариатом и институтами ОИС проведена работа по реализации казахстанских инициатив, выдвинутых в 2011 г. на VII Всемирном Исламском экономическом форуме и 38-м СМИД ОИС, по созданию системы продовольственной взаимопомощи, механизма поддержки среднего и малого бизнеса, обеспечению участия представителей ОИС в саммитах G20 и других.

Кроме того, три глобальные инициативы Главы Казахстана получили одобрение в ООН: объявление 29 августа Международным днем действий против ядерных испытаний и вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, противодействие незаконному обороту наркотиков из Афганистана, а также укрепление взаимодействия между ОИС и влиятельными региональными организациями [5].

Председательство Республики Казахстан в ШОС в 2016–2017 гг. уже стало яркой страницей истории организации. За период председательства проведено свыше 300 мероприятий различного уровня и формата, разработано и принято более 180 решений по дальнейшему развитию и совершенствованию сотрудничества в рамках организации, голос ШОС прозвучал на 100 международных конференциях, форумах и площадках в Азии, Европе и Америке [6].

По результатам итогового саммита организации принято 11 документов, среди которых: Астанинская декларация глав государств-членов ШОС, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму, Заявление глав государств-членов ШОС совместном противодействии международному терроризму, в рамках заседания СГГ ШОС подписаны План совместных действий по реализации Программы сотрудничества государств-членов ШОС в сфере туризма на 2017–2018 гг., Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ШОС и Международным Комитетом Красного Креста, а также семь решений Совета глав государств. Подчеркнуто историческое значение расширения объединения и соответствующими решениями Совета глав государств-членов ШОС Индии и Пакистану предоставлено полноправное членство в Организации. Главы государств выступили за дальнейшее углубление разнопланового взаимовыгодного сотрудничества с государствами-наблюдателями и партнерами по диалогу ШОС [7].

Как видно из изложенного, Казахстан ведет межгосударственные сношения, активно используя «soft power» в своей внешнеполитической деятельности. Отказ от поддержки жесткой силы, используемой некоторыми акторами международной политики и применение потенциала мягкой силы дипломатии в полной мере, превращает республику в активного игрока на мировой арене. Отказ от политики принуждения, агрессии, закрытости и конфронтации в пользу усиления участия и повышения привлекательности для внешнего мира — основополагающие принципы, по которым Казахстан интегрируется в мировое сообщество.

Литература

1. «„Мягкая сила“ дипломатии» (Интервью с послом по особым поручениям МИД РК А. Арыстанбековой) // Казахстанская правда. URL: http://www.m.kazpravda.kz/interviews/view/myagkaya-sila-diplomatii

2. Сыдыкназаров М.-А. А была ли мягкая сила? // Zebra Today. 3.11.2017. URL: https://zebra.today/i501

3. О СВМДА // Секретариат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. URL: http://www.s-cica.org/page.php?page_id=65&lang=2

4. Саммит ОБСЕ: история и достижения // Секретариат Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии // Bnews.kz. 2.12.2012. URL: https://bnews.kz/ru/news/politika/vneshnyaya_politika/sammit_obse_istoriya_i_dostizheniya

5. Председательство Казахстана в ОИС // Официальный сайт Президента Республики Казахстан URL: http://www.akorda.kz/ru/national_projects/predsedatelstvo-kazahstana-v-ois

6. «Саммит ШОС В Астане носит исторический характер» (Интервью с Р. Алимовым, генеральным секретарем ШОС) // Казахстанская правда. URL: http://www.m.kazpravda.kz/interviews/view/sammit-shos-v-astane-nosit-istoricheskii-harakter

7. Подведены итоги заседания совета глав-государств ШОС // Мой город. 9.06.2017. URL: http://mygorod.kz/?p=19348

Х.М. Турьинская

«Мягкая сила» и страновые национализмы: противоречия региональной политической интеграции в Восточной Африке

Система множества государств-наций демонстрирует стабильность, несмотря на эрозию принципа суверенитета и глобализацию. Региональные объединительные процессы идут с переменным успехом, их участники взвешивают экономические и политические выгоды и издержки интеграции. При этом присутствие фактора «мягкой силы» — в классическом ее понимании, как привлекательного образа [1, с. 5] страны-субъекта объединения — представляется хотя и не основным, но важным аспектом межгосударственных отношений. «Мягкая сила» может оказывать двоякое, противоречивое воздействие на динамику интеграции либо служить индикатором состояния дел внутри региональных группировок. Насколько релевантны отсылки к концепту «мягкой силы» в анализе проблем региональной интеграции,

рассмотрим применительно к вопросу о перспективах создания Восточноафриканской федерации (ВАФ).

В течение века в Восточной Африке предпринимаются попытки образовать союз государств, перейти от экономических форм сотрудничества к политической федерации. С начала 2000-х гг. воссозданное Восточноафриканское сообщество (ВАС) включало страны-«первоосновательницы» — Кению, Танзанию и Уганду — а также Руанду и Бурунди и присоединившийся позднее Южный Судан. Вступление Сомали в состав группировки откладывается; возможное членство Эфиопии, ДРК, Малави и Замбии в ВАС — дело неопределенного будущего.

Рассуждая о происходящем в современной Восточной Африке, аналитики расширительно понимают «мягкую силу», подразумевая не только успехи конкретной страны в публичной дипломатии, образовании, культуре, но и экономические и политические параметры, «работающие» на улучшение имиджа страны. Однако на «мягкую силу», способствующую объединению, находится другая — тормозящая интеграцию — «мягкая сила», за которой кроются разнообразные интересы игроков и страновые национализмы. Исследуя причины неудач в деле создания региональных группировок, речь ведут и об идеях национальной исключительности, которые имеют причиной «головокружение от успехов» в экономике или проистекают из славных событий прошлого и представлений об особом историческом пути конкретной страны.

Новая мощная сила в регионе — Эфиопия, чья идея национальной исключительности базируется на позиционировании в качестве центра древнейшей независимой государственности в Африке. В последние годы эфиопоцентризм подпитывается уже не только гордостью по поводу того, что стране удалось избежать превращения в колонию, в то время как остальные африканские территории испытали колониальное порабощение со стороны европейских держав [2]. ФДРЭ — потенциальный член ВАС, активный участник торговых и инфраструктурных проектов в регионе — становится лидером Большой Восточной Африки по темпам экономического роста, обгоняя Кению, впрочем, не только в этом отношении, но и по уровню напряженности во внутренних делах: поддержание и развитие developmental state оборачивается значительными издержками в социальной и политической сфере.

Кения — наиболее развитая и наиболее капиталистическая экономика региона, также «национально исключительная» [3]. «Мягкая сила» Кении, выступающей в качестве «локомотива» интеграции, вступает в противоречие с «исторически нагруженным» образом страны,

вокруг которой строились еще колониального времени попытки федерирования Восточной Африки по дизайну, разработанному британской администрацией в интересах местных белых колонистов. «Мягкую силу» убеждения использует также угандийский президент Й. Мусевени в деле собирания восточноафриканцев в единое политическое сообщество — в противовес «мягкой силе» Китая, ведущего внешнего экономического игрока в регионе. Мусевени видит в ВАФ способ защитить африканцев от «прихотей» супердержав, таких как Китай, Индия и Великобритания [4].

Формально Танзания, которая также претендует на звание самой политически стабильной и единой нации в регионе, всегда была сторонницей интеграции. Однако «мягкая сила» выдвигаемых ею экономических аргументов превратила ОРТ в «антигероя» внутрирегиональных объединительных процессов. Танзанию, которая после обретения независимости встала на социалистический путь развития и лишь в последние десятилетия перешла на либеральный курс, уже с начала 1960-х гг. обвиняли в «непреднамеренном федеративном саботаже», в оказании сопротивления объединительным процессам в Восточной Африке [5]. Именно в период председательства действующего танзанийского президента Дж. Магуфули в ВАС на саммите Сообщества в 2017 г. одобрен документ, по которому промежуточной, переходной целью провозглашено создание политической конфедерации. Тогда как изначально заявленная конечная цель объединения — федерация — фактически отодвинута на неопределенный срок [6].

Вековая динамика «топтания на месте» в деле политического федерирования в Восточной Африке подтверждает известное изречение: нет ничего более постоянного, чем временное. Но и в отсутствие в регионе очевидного и безоговорочного лидера с однозначно благоприятным имиджем функционирование группировки сталкивается с принципиальными обстоятельствами и системными проблемами. Это и территориальные диспропорции, и неравный вес участвующих в Сообществе экономик, межстрановые противоречия, разные «скорости сближения», и недостаток политической воли к объединению, и стремление правящих классов отдельных государств к сохранению суверенитета своих стран и удержанию собственных позиций, и потребность в удовлетворении материальных запросов элит. «Мягкая сила» становится вторичной, первична же логика капитализма и ее политическое и идеологическое оформление.

Попытки углубления интеграции — а для этого необходимо предпринять дальнейшие действия с целью политического объединения — натыкаются на страновые национализмы и императивы рынка и капи-

тала. Вполне объяснимо, что двигаясь по пути к межгосударственному союзу, главы стран-партнеров по ВАС «согласились не соглашаться» по поводу федерации [7]. Восточноафриканцы остановились на более свободной и менее обязывающей политической конфигурации — на идее конфедерации, на что даже не «замахиваются» участники региональных группировок в Западной, Южной, Центральной Африке, на текущий момент находящиеся в статусе экономических сообществ (ср. также процессы дез/интеграции стран Европы, с их идеями национальной исключительности и представлениями о примате нации-государства).

Более того, как на примере ЭКОВАС рассуждает отечественный исследователь А.Й. Элез, «развивающиеся» страны, вовлеченные в региональную интеграцию, «*когда имеют возможность*, критикуют эту интеграцию собственными реальными действиями, объективно предпринимаемыми с позиций государственного интереса, с которым *идеалам сообщества* позволено лишь совпадать». И «капиталистическая региональная интеграция требует не менее принципиальной исторической критики, чем та, которой уже подвергались прочие вполне последовательные исторические формы международного неравноправия — колониализм, неоколониализм и глобализация» [8, с. 212].

Восточноафриканский кейс может также служить иллюстрацией идеи, высказанной американской исследовательницей Э.М. Вуд: «Глобальный капитал обслуживается не глобальным государством, но глобальный системой множества территориальных государств… Глобальный капитал разными путями извлекает прибыль из неравномерности национальных экономик и из контроля за мобильностью труда. Данные обстоятельства лишь укрепляют позиции территориальных государств…». Глобальный капитал нуждается во фрагментации политического пространства. Пересмотр существующих территориальных границ, сопровождающийся, с одной стороны, регионализацией, а с другой — локализацией, вполне возможен. Однако сложно помыслить какую-либо реальную или потенциальную форму глобального управления, способного предоставить тот уровень порядка и предсказуемости, который нужен капиталу [9, с. 166, 179] и который может дать именно национальное государство.

Мировое хозяйство, согласно Э.М. Вуд, формируют региональные блоки, состоящие из неравномерно развитых и иерархически организованных национальных экономик и национальных государств, силами которых и запускаются центробежные тенденции внутри сообществ. Так, в Европе реальная политическая интеграция, даже если бы она действительно была возможна, могла лишь привести к созданию еще

одного, только более крупного, государства (ЕС), которому так или иначе пришлось бы конкурировать на мировой арене с другими экономиками и государствами, в особенности с супердержавой в лице США [10, p. 26].

Политическое объединение нескольких стран в федерацию подразумевает образование нового (супер)государства и фактически означает утерю суверенитета участниками объединения, с чем африканские, как и всякие другие, правящие круги мириться не готовы. А столкновение центростремительных и центробежных тенденций, противоречия между кооперацией и соперничеством в процессе региональной интеграции объясняются не столько разнонаправленным эффектом «мягких сил», сколько тем фактом, что сохранение сложившейся системы множества отдельных формально независимых государств соответствует интересам глобального капитализма и его акторов.

Литература

1. Чернышов Ю.Г. Многозначность понятий «мягкая сила» и «имидж страны»: к итогам дискуссии // Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях). Барнаул, 2017.

2. Цыпкин Г.В. Эфиопоцентризм и эфиопское общество // Евроцентризм и афроцентризм накануне XXI века: африканистика в мировом контексте. Материалы конференции, Москва, 2000. М., 2001. URL: http://www.africana.ru/biblio/afrocentrism/06_Tsypkin.htm

3. What Others Say: Is Kenya Really Exceptional in E.Africa? // The Citizen. 14.07.2016. URL: http://www.thecitizen.co.tz/oped/WHAT-OTHERS-SAY–Is-Kenya-really-exceptional-in-E-Africa-/1840568-3294366-bk5y4o/index.html

4. Uganda’s Museveni Wants to Create an East African Superstate // Newsweek. 2.10.16. URL: http://www.newsweek.com/ugandas-museveni-wants-create-east-african-superstate-424975

5. Mazrui A.A. Tanzania versus East Africa: A Case of Unwitting Federal Sabotage // Journal of Commonwealth Poitical Studies. 1965. Vol. 3. No 3.

6. Joint Communiqué: 18th Ordinary Summit of Heads of State of the East African Community // East African Community. URL: https://www.eac.int/communique/847-jointcommuniqu%C3%A9-18th-ordinary-summit-of-heads-of-state-of-the-east-african-community

7. Finally, EA Nations Agree to Disagree on Federation // The Citizen. 30.11.2016. URL: http://www.thecitizen.co.tz/magazine/politicalreforms/Fi-

nally–EA-nations-agree-to-disagree-on-federation/1843776-3470014-llosg2/index.html

8. Элез А.Й. К вопросу о взаимоотношении интеграции и государственного суверенитета в ЭКОВАС // ЭКОВАС. Проблемы региональной интеграции. Сб. ст. М., 2016.

9. Вуд Э.М. Логики власти: Дискуссия с Дэвидом Харви // Прогнозис. 2008. № 2.

10. Wood E.M. Global Capital, National States // Historical Materialism and Globalisation. L., 2002.

Б.А. Умитчинова

«Мягкая сила» как фактор обеспечения экономической безопасности в рамках ЕАЭС

Формирование в мировом пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС) — одного из крупнейших интеграционных образований — основывается на исторически сложившихся экономических, социокультурных связях между государствами-участниками. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [1].

Но одной политической воли для сохранения интеграционного объединения, как показывает мировой опыт, недостаточно: именно экономика, экономические связи, экономические эффекты, общие экономические интересы — важнейшие составляющие жизнеспособности любого интеграционного объединения. Таким образом, обеспечение экономической безопасности интеграционного объединения служит важнейшим базовым интересом любого интеграционного объединения [2, с. 169].

Вопросы выработки путей и механизмов обеспечения экономической безопасности в рамках ЕАЭС, в силу разнородности ее членов в части социально-экономического развития, являются на данный момент сложными. Вместе с этим историческая общность государств-членов, входящих в состав данного регионального объединения (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика и Российская Федерация), обусловила и общность их проблем, и специфику их разрешения.

Общие угрозы национальной экономической безопасности государств-участников ЕАЭС включают следующие компоненты: модель национальной экономики, характерная для развивающихся стран; низкая конкурентоспособность; технологическая отсталость; неустойчи-

вость финансовой системы; масштабная теневая экономика и коррупция; энергетическая зависимость; неблагополучная экология и нерациональное использование природных ресурсов; проблемы миграции разной степени; недостаточное внедрение передовых информационно-коммуникационных технологий и слабая защищенность информационных инфраструктур [3, с. 56].

Одной из важнейших функций ЕАЭС является разработка общих механизмов нейтрализации выявленных экономических угроз, в то же время экономическая безопасность всего интеграционного объединения должна учитывать экономические интересы и потребности каждого из его участников.

Весь спектр возможных влияний в международных отношениях гарвардский политолог Джозеф Най разделял на «жесткую» ("hard power") и «мягкую» ("soft power") силы [4, с. 13]. «Жесткая сила» подразумевает, прежде всего, использование инструментов экономической экспансии, такие как торговля, инвестиции, кредиты и гуманитарная помощь. Немаловажным элементом жесткой силы государства является его военная мощь.

Говоря о механизмах обеспечения мягкого влияния, Най указывает: «Чтобы добиться сотрудничества посредством мягкого влияния, нужно обладать иным (по сравнению с жесткой силой) типом ресурсов, не мощью и деньгами, но приверженностью объекта воздействия одинаковым с субъектом воздействия ценностям и пониманием объектом необходимости реализации этих ценностей на практике» [5].

Характеристика угроз и индикаторов национальной экономической безопасности стран-участников ЕАЭС свидетельствует одновременно об их сходстве и национальной специфике. В этой связи актуальна проблема соотношения национальных интересов и интеграционного взаимодействия в аспекте национальной экономической безопасности. Такая позиция закреплена также в Договоре о ЕАЭС: подписавшие его пять стран выразили убежденность, что дальнейшее развитие интеграции соответствует их национальным интересам. Поэтому для снижения риска нанесения ущерба интеграционными действиями национальным интересам государств-участников ЕАЭС целесообразно использовать инструменты «мягкой силы». Цель ЕАЭС — развитие национальных экономик государств-членов — может быть достигнута благодаря совместным усилиям, координации действий, проведению согласованных, скоординированных, единых политик, кооперации в различных отраслях и секторах экономики.

Рассматривая опыт различных интеграционных объединений, таких как Европейский союз (ЕС), Карибское сообщество (КАРИКОМ),

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) и др., можно проследить, что общеэкономические цели стран-участниц достигаются различными средствами, в том числе разработкой и реализацией экономических программ для всего интеграционного объединения в целом, что является одним из средств «мягкой силы».

В 2000 г. была принята рассчитанная на 10 лет Лиссабонская стратегия ЕС. Финансовый кризис и его последствия заставили страны ЕС переживать глубокий экономический спад, что поставило перед Евросоюзом задачу подготовки новой экономической стратегии, которая была бы более адекватна достигнутой стадии интеграции и изменившейся роли ЕС в мире [6]. В результате в 2010 году была разработана и утверждена новая стратегия развития ЕС «Европа-2020».

Указанная стратегическая программа европейского интеграционного объединения характеризуется следующими особенностями:

1) она включает в себя определенный набор задач, которые необходимо решить, и внятно сформулированные направления деятельности;

2) предоставляет странам-участницам поддержку в выработке собственных планов развития [7].

Наличие данных особенностей придает некую гибкость системе Европейского союза, ведь она «мягко подталкивает» страны объединения к сближению их национальных стремлений с общеевропейскими, предоставляя возможность отстаивать собственные интересы, а не требуя беспрекословного подчинения. Конечно, существует «политика предупреждения» против тех, кто не выполняет предложенные планом инициативы, но на практике ее применение крайне редко.

Стратегический план для Карибского сообщества на 2015–2019 гг. является ответом КАРИКОМ на явления и угрозы глобальной экономики, такие как слабое послекризисное восстановление развитых стран и замедление роста развивающихся стран. Главная цель стратегии — укрепление социально-экономической, технологической и экологической устойчивости стран Карибского бассейна [8].

Важным моментом здесь является то, что коллективные устремления, указанные в Стратегическом плане до 2019 г., основаны на национальных стратегических планах, например, План развития Тринидада и Тобаго до 2020 г. (2002 г.), План развития Ямайки до 2030 г. (2009 г.) и Стратегический план развития Барбадоса на 2005–2025 гг. — все они разделяют общее стремление к социально-экономическому развитию, безопасности, устойчивости к экологическим бедствиям, а также развитию НТИ для повышения уровня жизни [9].

На основе опыта успешных интеграционных объединений, национальных стратегий и планов развития государств-членов, текущей региональной и мировой ситуации Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. № 28 утверждены Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза (ОНЭР ЕАЭС). Документ носит рекомендательный характер и определяет перспективные направления социально-экономического развития, к реализации которых стремятся государства-члены ЕАЭС за счет использования интеграционного потенциала Союза и конкурентных преимуществ государств-членов в целях получения каждым государством-членом дополнительного экономического эффекта [10]. ОНЭР формируют основу для координации действий участников ЕАЭС, реализации интеграционных мер по направлениям, влияющим на конкурентоспособность экономик государств-членов.

Основные направления разработаны до 2030 г., его особенности исходят из самого определения данного документа.

Во-первых, речь идет о рекомендательном характере документа. ОНЭР, с одной стороны, отражают вопросы экономической политики государств-членов, с другой стороны, его рекомендательность предопределила применение принципа «мягкой» координации экономической политики по выбранным направлениям. «Мягкая» координация экономических политик не только выполняет стабилизирующую функцию, но и создает ключевые условия для проявления интеграционных эффектов (выравнивание уровня развития государств-членов; адаптация к встраиванию в глобальную экономику; повышение конкурентоспособности экономик и др.) [11].

Во-вторых, документ, согласно определению, включает перспективные направления социально-экономического развития участников ЕАЭС, которые являются «универсальными» для целей развития любой сферы интеграции в рамках Союза.

В-третьих, основная идея стратегического документа состоит в обеспечении взаимодействия национальных экономик (ресурсов) для получения дополнительного, более существенного эффекта. В этой связи в основу формирования общих для всех участников целей и задач экономического развития ЕАЭС был положен принцип учета национальных интересов, то есть тех целей и задач, которые государства-члены ставят перед собой и регламентируют в национальных программах развития, а различия в структуре экономик и экономической политике государств-членов позволили рассмотреть их в качестве факторов взаимодополняемости [12].

Таким образом, Основные направления экономического развития ЕАЭС являются основой для разработки и применения системы средств и методик, позволяющих оценивать интеграционный потенциал в сферах экономики государств-членов и объединения в целом. Эти данные могут использоваться в качестве основы для обсуждения государствами-членами перспективных сфер сотрудничества и согласования совместных мер их развития. В результате проведения анализа реализации Основных направлений могут быть сформулированы выводы и разработаны предложения в части необходимых интеграционных мер для решения выявленных проблем и новых вызовов экономического развития ЕАЭС, что является необходимым фактором для укрепления экономик и обеспечения экономической безопасности стран-участниц.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года. URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1400000240

2. Ганеева М.В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Том 25. № 2. С. 168–177.

3. Красавина Л.Н., Лукьянович Н.В. Интеграционное взаимодействие государств-участников Евразийского экономического союза как фактор обеспечения их национальной экономической безопасности // Мировая экономика. 2017. № 4. С. 55–62.

4. Самохин А.А. «Мягкая сила» в контексте проблематики обеспечения национальной безопасности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 4/1. С. 13–18.

5. Nye J.S. The Paradox of American Power. Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone. URL: http://bookre.org/reader?file=1265203

6. Бордяшов Е.С. Перспективы реализации новой стратегии развития Европейского союза — «Европа-2020» // Вестник МГИМО Университета. 2012. С. 108–112. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-realizatsii-novoy-strategii-razvitiya-evropeyskogo-soyuza-evropa-2020

7. European Semester Thematic Fiche. Employment Rate. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/themes/2015/ employment_rate_20151126

8. Strategic Plan for the Caribbean Community 2015-2019: Repositioning CARICOM. URL: https://www.caricom.org/documents.

9. Рамкиссун Х., Кахва И.А. Доклад ЮНЕСКО по науке. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/usr15_caricom_ru.pdf

10. Основные направления экономического развития Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Pages/default.aspx

11. Основные направления экономического развития ЕАЭС до 2030 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/брошюра_ОНЭР (финал 05.05.2016).pdf

12. Подходы к разработке и принципы основных направлений экономического развития ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_makroec_pol/seminar/Documents/брошюра_ОНЭР (финал 05.05.2016).pdf

Ю.Н. Цыряпкина

Языковая политика Казахстана в 2010-е годы в условиях внешних вызовов

Казахстан — одно из самых стабильных быстроразвивающихся национальных государств постсоветской Центральной Азии. В момент распада СССР он имел сложную этнодемографическую/этносоциальную и этнополитическую структуру, но при этом избежал конфликтов на этнической и религиозной основе. С одной стороны, правительство сделало все, чтобы воплотить в жизнь и реализовать формулу толерантности, развития этнокультурных центров в рамках Ассамблеи народа Казахстана (до 2007 г. Ассамблея народов Казахстана), русский язык получил статус языка межнационального общения и его использование в обществе законодательно не ограничивается. Благодаря деятельности Ассамблеи народа Казахстана в республике сформировалась уникальная модель межэтнического и межконфессионального согласия и взаимопонимания, опыт которой, безусловно, берется на заметку в соседних республиках региона [1, с. 153].

Вместе с тем был взят курс на формирование нового мировоззрения казахстанцев через языковую политику. После провозглашения суверенитета в государственных программах, стратегических документах, посланиях Президента к народу Казахстана особое внимание уделялось вопросам нациестроительства, основанным на принципах «единый этнос — единая территория — единый язык», в рамках которого подразумевается приоритетное развитие казахского языка. В стратегии «Казахстан-2050» отмечается: «Наш суверенитет, наша

независимость наконец-то обретет то, что скрепляет нацию, цементирует ее, — это родной язык» [2]. К настоящему времени в среде казахской молодежи прослеживается ориентация на формирование идентичности на основе совпадения этнической принадлежности и родного языка. В советское время превалировал другой вид связи, но не с этнической принадлежностью, а с единым государством — Советским Союзом, и единым языком всех союзных республик — русским [3, с. 85]. То есть государственная политика сформировала в целом изменения в мировоззрении населения республики и постепенно в казахстанском обществе был повышен статус государственного языка. При этом стоит отметить, что большая часть русских, особенно в приграничных к России регионах по-прежнему остается инертной в деле освоения государственного языка [4, с. 184].

Взвешенный и продуманный курс руководства Республики Казахстан, который официально продолжает реализовываться и сейчас, стал трансформироваться после 2014 г. Его изменения не противоречат общей концепции национальной политики правительства Н.А. Назарбаева, в основном нововведения касаются реформ в системе школьного и высшего образования и языковой политики в целом. Из наиболее масштабных мероприятий, проведенных в последние годы в сфере языковой политики, необходимо отметить введение программы трехъязычия в системе школьного образования. Ориентация на трехъязычие была заявлена президентом Н.А. Назарбаевым в ежегодном Послании народу Казахстана в 2007 г., в котором предлагалось начать поэтапную реализацию культурного проекта «Триединства языков»: казахский язык — государственный, русский — язык межнационального общения и английский — язык успешной интеграции в глобальную экономику.

Масштабная реализация проекта трехъязычия началась в 2016 г., когда Министерство образования и науки Казахстана в рамках реализации проекта о переходе на трехъязычие в стране разработало «Дорожную карту развития трехъязычного образования на 2015–2020 годы». Программа подразумевала внедрение трехъязычного обучения на всех уровнях образования в Республике Казахстан, в рамках которого в старших классах предметы естественно-математического цикла (информатики, физики, химии, биологии) планируется преподавать на английском языке. Историю Казахстана и географию — на казахском языке, Всемирную историю — на русском языке вне зависимости от языка обучения. В отдельных регионах практически в том же году стали вводить программу трехъязычия в систему школьного образования фактически с начальной школы. По отзывам респондентов-роди-

телей школьников в начальных классов в г. Семей практика трехъязычия сводится к заучиванию одного и того же слова на разных языках без глубокого усвоения грамматики. При этом сократилось количество часов на изучение русского языка в неделю в русских классах.

Проведенные историко-социологические исследования в Восточно-Казахстанской области в 2016–2017 гг. зафиксировали обеспокоенность населения качеством реализуемых преобразований в системе школьного образования. В частности, респонденты отмечали, что препятствием для введения трехъязычия являются отсутствие квалифицированных педагогических кадров, отсутствие материально-технической оснащенности школ, особенно сельских, отсутствие единой методологической базы трехъязычия, отсутствие финансирования на обучение педагогов. До 2016 г. трехъязычие практиковалось в вузах, и преподаватели, разрабатывающие дисциплины на английском языке, вынуждены были за свой счет отплачивать языковые курсы, чтобы освоить или повысить собственный уровень английского языка. Основной скепсис опрошенных респондентов в Восточно-Казахстанской области выражался в том, что сроки введения программы были ускоренными. Качественная подготовка будущих педагогов, а также практикующих учителей в сфере начального, среднего и высшего образования невозможна в такой короткий период, обозначенный программой [3, с. 85].

Не успела система образования приспособиться к введению трехъязычия, как в апреле 2017 г. президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев заявил о переводе графики казахского языка с кириллицы на латиницу. Планируется осуществить поэтапный переход до 2025 г. В первой половине 2018 г. президентом был утвержден окончательный вариант алфавита казахского языка на латинице. Сам факт перехода графики казахского алфавита с кириллицы на латиницу вызвал дискуссии в российском экспертном сообществе, которое усматривает в этом удар по позициям русского языка в Казахстане. В Казахстане реформа графики алфавита объясняется тем, что латинский алфавит для казахского языка более современный. Хотя отчетливо прорисовываются и другие мотивы данного решения: дистанцироваться от России и советского наследия [5]. Реформа касается только казахского языка, но при этом сработала обеспокоенность населения по поводу развития дальнейшей национальной стратегии, особенно у наиболее уязвимой русской/русскоязычной групп населения.

Все вышеобозначенные тенденции в языковой политике приводят к усилению миграции казахстанцев на постоянное место жительства за пределы Казахстана. Если рассматривать этническую статистику

за последнее десятилетие, то доля русского населения в Казахстане в масштабах страны постепенно снижается, и представленные темпы снижения связаны далеко и не только с естественной убылью. Согласно материалам переписи 2009 г., русских проживало 3793764, или 23%, в составе населения. По последним доступным данным, на 1 января 2018 г. доля русских снизилась до 3588686 (около 19%) [6].

По некоторым данным, в Россию переезжают 70% от решивших покинуть Казахстан. В 2017 г. по информации МВД разрешительные документы на миграцию оформили 37725 человек, за первые 5 месяцев 2018 г. — 39891. Эксперты прогнозируют, что в 2018 г. доля выезжающих на постоянное местожительство казахстанцев возрастет примерно вдвое по сравнению с 2017 г. [7]. Скорее всего, Казахстан покидают русские/русскоязычные жители в трудоспособном возрасте, обеспокоенные реформами в системе образования и опасающиеся за дальнейшие перспективы получения качественного образования для детей на русском языке. К тому же усиливается миграция абитуриентов, поступающих в российские вузы. Это преимущественно выпускники русскоязычных казахстанских школ.

Одним из побудительных факторов к миграции являются скандалы, которые в последние годы устраиваются национал-патриотами. В Казахстане набирает силу национал-патриотизм, который не пресекается правоохранительными органами, а иногда даже имеет покровителей в среде государственных чиновников. Национал-патриотизм связан с архаизацией патриархального сознания, вычленяется из примитивной морали и подается поборниками традиционных ценностей как морализаторский инструмент влияния. Участники этой группы наиболее известны как уятмены («уят» в переводе с казахского означает «стыд»). Классическим примером является деятельность блогера Жанибека Иманмазира в Алматы, который организовал «полицию нравов» и снимал на камеру свои рейды по городу, в рамках которых обличал и стыдил интернациональные пары (казашка и не казах). Основной посыл блогера — «Казашки только для казахов» [8]. Примечательно, что деятельность уятмена получила одобрение в социальных сетях, а сотрудники правоохранительных органов никак не отреагировали на нарушение прав человека в Казахстане, хотя в данном случае косвенно возбуждается национальная рознь.

Движение национал-патриотов и в целом усиление влияния консервативной националистической части казахского общества, равно как и реформы в сфере образования и латинизацию казахского алфавита можно рассматривать как ответную реакцию правительства Респуб-

лики Казахстан на российские инициативы в рамках проекта «Русский мир» в 2014 г.

Проект/концепция «Русский мир» в воззрениях отдельных экспертов является важной частью стратегии российской внешней политики после событий 2014 г. и в то же время является фактором, осложняющим двустороннее сотрудничество России с соседними национализирующимися государствами. Хотя в общем понимании наследие «Русского мира» составляют русский язык и русская культура, в том числе и за пределами России в бывших советских республиках. На сайте фонда «Русский мир», созданного указом президента В.В. Путина в 2007 г., одним из приоритетных направлений деятельности указана поддержка «деятельности российских диаспор за рубежом по сохранению их культурной идентичности и русского языка как средства межнационального общения, содействие установлению климата межнационального уважения и мира». Ставка на идеи приоритетной поддержки и развития русского языка и культуры, по всей видимости, рассматривается российскими политиками как инструмент «мягкой силы» в постсоветских странах. В свою очередь этот факт, по мнению отдельных экспертов, затрудняет причисление России к числу национальных государств (nation-state). В обзорной заметке о переосмыслении стратегии проекта «Русский мир» И. Торбаков, старший научный сотрудник Уппсальского университета (Швеция), отмечает, что данная концепция, инициированная российскими властями, вызывает напряжение у российских соседей после украинских событий, в первую очередь у Казахстана [9]. На примере Казахстана было показано, как казахстанские политические круги, не изменяя кардинально принципам национальной политики, стремятся минимизировать влияние русского языка как основного инструмента возможной внешнеполитической активности России.

Литература

1. Сулейменова М.Ж., Макалаков Т.Ж., Карибаев А.Е. Роль Ассамблеи народа Казахстана в формировании единства и толерантности в Республике Казахстан // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. №5-1. С. 150–153.

2. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н.А. Назарбаева Народу Казахстана «Стратегия „Казахстан-2050“: Новый политический курс состоявшегося государства». Астана, 14 декабря 2012 г. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc

3. Молдагазинова Ж.М. Динамика языковых процессов на территории Восточного Казахстана в XX — начале XXI вв.: магистерская

диссертация по направлению 44.04.01 Педагогическое образование: Историческое образование; науч. рук. Ю. Н. Цыряпкина; Алтайский государственный педагогический университет, исторический факультет. Барнаул, 2017. URL: http://library.altspu.ru/vkr/2017moldagazinova-zhuldyzmaratovna.pdf

4. Цыряпкина Ю.Н. Проблемы адаптации русского населения приграничных регионов Казахстана (на примере полевых исследований в г. Семей в 2014 г.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: материалы X международной научно-практической конференции / под ред. М.А. Демина, Т.К. Щегловой. Барнаул, 2015. С. 181–185.

5. Российский политолог Аркадий Дубнов — о переходе казахского языка на латиницу // The Village (Казахстан). 21.02.2018. URL: https://www.the-village.kz/village/city/situation-comment/1425-rossijskij-politolog-arkadiy-dubnov-o-perehode-kazahskogo-yazyka-na-latinicu

6. Население Казахстана // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Казахстана

7. Шибутов М. Число эмигрантов из Казахстана выросло вдвое: в чем причины? // ЦентрАзия. 3.07.2018. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1530566280

8. «Казашки только для казахов: новые грани уят-революции» // ЦентрАзия. 16.02.2018. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1518729060

9. Torbakov I. Rethinking the “Russian World” Concept // Eurasianet.org. 7.06.2018. URL: https://eurasianet.org/s/perspectives-rethinking-the-russian-world-concept

С.А. Шпагин

Лингвострановедческий аспект «мягкой силы»

Утверждение «Вначале было слово» — это не пустой звук, это признание важности всех аспектов речевой деятельности человека в историческом времени и пространстве.

В данном случае речь идет об использовании слова как терминологического инструментария, придающего нужный смысл в конкурентной борьбе на мировой арене.

Междисциплинарный инструментарий лингвистики давно играет прикладную роль в политике. Не удивительно, что сегодня манипулирование массовым сознанием населения своих, недружественных и нейтральных стран и обществ активно используется как важная составляющая «мягкой силы».

В контексте поставленной проблемы анализируется один, но важный аспект использования лингвострановедческой терминологии для формирования нужного образа страны, с помощью географических, исторических и связанных с ними терминов, придающих совершенно иной смысл ключевым понятиям, меняющим имидж страны, политического режима, общества и граждан.

Лингвострановедческая составляющая инструментария «мягкой силы» приобретает такое значение именно сейчас, поскольку в мире произошли изменения, делающие возможным использование заложенного в библейской методологии принципа взаимозаменяемости слова и дела. Более того, цифровой формат описания Творения в условиях «оцифровки» современного мира прямо «рекомендует» использование семиотики и лингвистической составляющей мягкой силы для влияния на «homo digitalis». Цифровое описание раз сотворенного мира, это в некотором смысле пошаговая инструкция его дальнейшего переформатирования.

Ускоряющаяся смена поколений сопровождается сменой лингвострановедческих терминов в условиях распада некоторых государств, миграций и смены смыслового наполнения геостратегических понятий.

Вместе с крахом Ялтинской системы международных отношений безвозвратно ушел принцип биполярности, основанный на реальной или воображаемой альтернативности для субъектов международных отношений.

Альтернативность биполярной системы международных отношений декларативно основывалась на идеологии, которая предполагала известную склонность к эволюции и конвергенции, что сформировало третью группу акторов — Неприсоединившихся и Нейтральных стран (группа НН).

Блоковое многообразие, контролируемое двумя сверхдержавами, даже в рамках доктрины «ограниченного суверенитета» оставляло государствам шанс на его сохранение, но придавало блоковый окрас названиям некоторых стран мировой системы социализма.

Преобладание гуманитарного фактора в идеологии социальной утопии все же не носило на позднем этапе Ялтинской системы фатального характера, а преобладание идеологии над экономикой укрепляло предположение о ее неизбежном крахе.

Соответственно, альтернативная модель по ту сторону идеологического «железного» занавеса, вне зависимости от того, в каких терминах она описывалась и чем была в реальности, представлялась как запретный и сладкий плод, завышая этим восприятие названия страны.

Практика «холодной» войны в рамках Ялтинской системы международных отношений в реальности представляла собой инструмент сдерживания ступеней риска реальной мировой войны. Декларирование идеологической альтернативности двух сверхдержав и их формальных блоков и сфер влияния сдерживало конфликтность экономической конкуренции. Наличие «серой зоны» в системе идеологической биполярности (группа НН, еврокоммунизм, голлизм и только формировавшиеся внесистемные акторы) еще больше снижали реальный рост угрозы глобального экономического передела мира. Карибский («Ракетный») кризис и последующая корректировка отношений между сверхдержавами еще больше снизили реальность мирового военного конфликта между сверхдержавами и их союзниками.

Поскольку в основе регулирования системы лежал контроль уровня идеологических, а не экономических противоречий, риторика «холодной» войны использовала в большей мере идеологические штампы. Даже при наличии уже тогда понятия и практик идеологической и психологической войны была ориентация на смену или смягчение политического режима, а не на уничтожение государственности и обретение контроля над его ресурсами. Соответственно, лингвострановедческая составляющая этой идеологической войны находилась в тени идеологических лингвистических манипуляций.

Риторика самой «холодной» войны и практик сводилась к отождествлению страны, носительницы альтернативной идеологии, реально не угрожавшей экономическому процветанию США, к заменам понятия «страна/государство» идеологическими категориями — «советы», «рука Москвы/Кремля», а понятие «русские» не несло в себе реальной этнической нагрузки. Апофеоз такой боевой лингвистической единицы — «Империя зла», относящаяся в большей степени к идеологическому режиму, который нужно сломать, и лишь затем переходить к установлению контроля над ресурсами страны, проигравшей «холодную» войну.

В рамках такой системы основное бремя поддержки статус-кво тяжелым бременем ложилось в основном на две сверхдержавы. Ядерный зонтик США над союзниками и финансирование социалистической утопии по всему миру подрывали основу стабильности Ялтинской системы межгосударственных отношений. Объективное развитие мировой экономики подрывало основу биполярной системы. В ее основе лежал затратный статус США и СССР как сверхдержав, для которых бремя идеологического лидерства стало непосильным, а его экономическая рентабельность стремилась к нулю.

Объективно глобализация усложнила блоковую структуру международных отношений, ослабленную к моменту ее краха появлением

акторов, чьи интересы выходили за рамки жесткой идеологической биполярности. Это региональная экономическая интеграция в Европе (Общий рынок как мягкая форма нейтралитета в идеологической борьбе), осознание роли углеводородных ресурсов как экономического оружия и формирование региональных центров, генерирующих собственные конфликты и свою риторику. И как итог — смена «классовых» конфликтов этническими и религиозными. А в целом — деидеологизация конфликтов и риторики.

Эти процессы — глобализация, смена формата конфликтов, «усталость» двух сверхдержав и появление у них общих врагов и выход из-под контроля или потеря союзников — привели к демонтажу Ялтинской системы международных отношений. Послевоенная система миропорядка, базировавшаяся на евроатлантических (то есть протестантских) ценностях и риторике, столкнулась с экономическими, а не идеологическими вызовами со стороны внесистемных акторов.

Появление и жизнеспособность негосударственных акторов привели к параллельности международных — межгосударственных отношений и мировой политики — сферы активного участия негосударственных акторов. Вначале это были международные организации, включавшие признаки государственности — НАТО, ЕЭС, ОПЕК и другие. Затем — группы давления, влияния, носящие транстерриториальный характер. В частности, это уже окрепшие группы религиозных радикалов и этнических националистов, не традиционные, но мощные транснациональные лобби, представляющие интересы нетрадиционных групп населения: «наркобаронов» и пиратов, сексуальных, культурных, тематических и прочих меньшинств. Различные группировки радикалов, фанатиков, романтиков и утопистов, киберпреступников.

Многополярная система межгосударственных отношений не утвердилась после биполярности. Речь скорее идет о фрагментарности мировой политики, в которой участвуют, наряду с государствами, квазигосударствами, непризнанными государствами, различные транснациональные экономические и финансовые институты, автономные группы интересов, связанные с экономическими интересами отмеченных выше акторов. Появление в их руках новых и автономных денежных потоков и попытки легализации финансов, конвертация в статусность на мировых рынках требуют внедрения ключевых понятий и терминов. Пример — принятие ООН термина «гомофобия» и его использование в качестве средства давления на суверенные государства.

Использование названий государств и территорий в условиях распада слабых государств, изменение роли суверенитета, феномен «государство-пространство» превращают лингвистическую проблему

идентификации страны/государства в эффективный инструмент стратегии «мягкой силы». Примеры, затрагивающие интересы России: конфликт вокруг наименования государства Македония, кризис государственности применительно к Сирии, Ираку, Йемену. Навязывание терминов, содержащих скрытый потенциал отхода от связей с Россией в ходе поддержки оппозиций в сопредельных странах с ограниченным суверенитетом, навязывание российскому обществу смысловых ловушек для описания прошлого и настоящего с целью формирования нужного смыслового поля — далеко не полный список методики мягкой силы.

Смысл в том, что после распада прежней системы миропорядка, основанной на доминировании государства и идеологий, европоцентристских постхристианских ценностях и памяти о двух мировых войнах, мир стал более фрагментарным, менее управляемым и менее европейским.

Изменение роли суверенитета, государства, доступность для негосударственных акторов соответствующих цифровой эпохе видов «оружия массового поражения», делают слово, средства коммуникаций более эффективным средством достижения цели. Понятно, что влиятельные акторы новой мировой политики не просто используют лингвистическую составляющую «мягкой силы», а сместили акценты с идеологических штампов в сторону манипулирования лингвострановедческими категориями, поскольку важно сломить самоидентификацию общества, ослабить или уничтожить государственный суверенитет. Это делает основной целью мягкой силы категории государства, страны. Подмена терминов, понятий, смыслов ослабляет связь общества с историческим пространством и государственностью. Простая смена идентификации региона, игра названиями страны, подмена понятия «страна» понятием «режим» упрощает манипулирование прошлым государства и народа.

Сегодня бунт уже не совсем русский и не совсем бессмысленный по своим последствиям для основных бенефициариев процессов «управляемого хаоса», к которому применимы как раз методы «мягкой силы».

Соответственно, меняется риторика как составная часть стратегии «мягкой силы». Иная целевая аудитория, иное смысловое поле и иные методы.

Риторика «холодной» войны носила характер не летального оружия. В системе инструментария «мягкой силы» семиотика и лингвострановедческая риторика превращается в действенное оружие, не ограниченное идеологическими сдержками и противовесами. Фактически

оно летально для государства, общества, ключевых лиц в структуре государства.

В практике использования географических, этнических, религиозных, страновых терминов и категорий нет новации. Простой пример: самоназвание с завышением статуса своей страны, и уничижительное название врагов или просто соседей. Пример — формула обращения Римской империи к городу и миру. Отзвуки претензий на такую роль и сознательное игнорирование завышенного смысла в названии государства — Соединенные Штаты Америки и официальное использование в Российской империи, затем в СССР собственной формы названия страны — СевероАмериканские Соединенные Штаты. Визуализация такой позиции — отсутствие на почтовых марках Великобритании названия страны — лишь портрет очередного монарха.

Серьезная проблема для мировой политики второй половины XX в. — смена названий освободившихся в ходе деколонизации стран и их новые наименования. Это и отказ от навязанных колонизаторами наименований, и самоназвания с акцентом на «чистоту» этноконфессионального характера государства. Пример — Пакистан и Государство Израиль.

Новый этап в использовании наименований государств в арсенале мягкой силы начался после краха Ялтинской системы международных отношений и ее неизбежных составляющих — распада СССР и системы социалистических государств. Соответственно, определился и вектор использования — Россия.

Изменения риторики в сфере использования терминов, описывающих локацию страны, ее принадлежность к бывшему союзнику и лидеру, начинаются в среде интеллигенции и неформальных политических лидеров в тогдашних еще социалистических странах Восточной Европы.

Возможно, лидером в смене формата первой выступила университетская интеллигенция Польши. Вначале тип страны «социалистическая» сменился пространственным — «восточноевропейская» [1, с. 7–15]. Затем социалистические страны Европы отнесли к искусственному понятию «Центрально-Восточная Европа» [2].

Распад СССР привел к принятию новой терминологии в локации его субъектов и целых регионов. Среднюю Азию, Северный Кавказ и Закавказье стали идентифицировать как Центральная Азия и Южный Кавказ, часто объединяя их. Политика Соседства ЕС активно использует «интегрирующую» лексику в отношении названий стран, группируя их в еврорегионы.

Использование географических терминов со скрытым, но понятным политическим подтекстом, широко применялось и в период Холодной войны: понятия «Запад», «страны Запада» в риторике СССР включали Японию, а «Евроатлантическое пространство» вбирало в себя характеристику политического курса. Аналогичный пример — увод в географический формат («Западная Азия») политизированного понятия «Ближний Восток».

Важно то, что использующие эти понятия не скрывают цель — с помощью нового пространственного понятия и отказа от «советского прошлого», оторвать от России ее бывших союзников, ставших «новыми европейцами».

Наглядный пример использования метода «мягкой силы» в контексте своеобразного использования названия России — статьи на сайте ЦРУ США.

Сайт дает емкое и профессиональное описание 267 субъектов мира. При этом выделен специальный раздел, поясняющий важность языковой проблемы для деятельности ЦРУ: «Способность говорить, переводить и интерпретировать иностранные языки в дополнение к пониманию культурных различий имеет жизненно важное значение для миссии Центрального разведывательного управления. Поскольку приоритеты разведки могут меняться, а страны и языки могут быстро увеличиваться, ЦРУ должно иметь сотрудников с языковыми навыками для обработки как текущих требований национальной безопасности, так и потенциальных новых миссий» [3]. Такое же требование к знанию языка противника присутствует в материалах британской секретной службы SIS [4].

В статье, посвященной России, даются правильные ее названия. Тонкость в том, что своеобразно указано ее местоположение — «Северная Азия, граничащая с Северным Ледовитым океаном, простирается от Европы (часть к западу от Урала) до северной части Тихого океана» [5]. Логично, что большая азиатская страна объективно выглядит не привлекательно: «…самая большая страна в мире по площади, но неблагоприятно расположена по отношению к основным морским коридорам мира; несмотря на его размеры, в значительной части страны отсутствуют надлежащие почвы и климат (слишком холодный или слишком сухой) для сельского хозяйства» [5].

Беларусь, Украина, Молдова, страны Балтии (Прибалтики) отнесены к Европе (без уточнения ее части). Соответственно, бывшие среднеазиатские республики — к Азии.

Но интересно сравнение исторического описания России и Украины. Азиатская Россия ведет свою государственность с основанного

в XII в. Княжества Московия. Оно смогло освободиться от 200-летнего господства монголов (XIII–XV вв.) и формировалось в результате завоеваний и поглощений соседей [5].

А вот «Украина была центром первого восточнославянского государства, Киевской Руси, которая в течение X и XI веков была крупнейшим и самым могущественным государством в Европе». Далее украинское государство сталкивалось с внутренними и внешними проблемами, основным из которых было «постоянное давление московитов», закончившееся ее поглощением в XVIII в. Российской империей. А в XX в. Украина «выдержала жестокую советскую власть, которая спровоцировала два насильственных голода … Во Второй мировой войне немецкие и советские войска ответственны за 7–8 миллионов смертей» [6].

Пример ответных мер России — присвоение 11 российским воинским частям почетных наименований в честь городов Украины, Белоруссии и Польши [7].

Таким образом, простая замена географических терминов, сопровождаемая наполнением новыми смыслами, оказалась эффективным инструментом «мягкой силы». Она приводит к формированию объективного, а не идеологического (субъективного, навязанного «советской оккупацией») отрыва субъектов бывшего СССР и его союзников в Восточной Европе, и по существу в других частях света, от России.

Смена наименования регионов, локаций России, привычных для исторической общности народов, ведет к формированию конфликтного прошлого народов, формированию ложной истории ее взаимоотношений со всеми народами, странами и государствами.

В целом, это закрепляет с помощью цифровых и информационных технологий в сознании новых поколений чувство вины у одних, виктимности в отношениях с Россией у других и делает ее более удобным объектом для применения всего арсенала «мягкой силы».

Литература

1. Kieniewicz J. Inteligencja polska wobec Europy wschodniej // Университеты Юга России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 15 февраля 2011 г.). Ростов н/Д, 2011.

2. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: монографическое исследование в трех томах / ред. кол.: акад. А.Д. Некипелов (гл. ред.), д.э.н. С.П. Глинкина, д.э.н. Р.С. Гринберг, д.э.н. Р.Н. Евстигнеев, д.и.н. И.И. Орлик, к.э.н. Э.Я. Шейнин, д.и.н. Б.А. Шмелев. Т. 1–3. М., 2000–2002.

3. Language Positions // Central Intelligence Agency. 23.02.2018. URL: https://www.cia.gov/careers/opportunities/foreign-languages

4. Our History // Secret Intelligence Service. 20.04.2018. URL: https://www.sis.gov.uk/our-history.html

5. Russia. The World Factbook // Central Intelligence Agency. 24.02.2018. URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/rs.html

6. Ukraine. The World Factbook // Central Intelligence Agency. 18.02.2018. URL: https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/up.html

7. Указ Президента Российской Федерации от 30.06.2018 №391 «О присвоении 381 артиллерийскому полку почетного наименования». 02.07.2018. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201807020003

И.М. Юн

Противостояние на Корейском полуострове: специфика использования «мягкой силы»

После восстановления единства Германии в 1990 г. ситуация, сложившаяся на Корейском полуострове, по-своему уникальна. Параллель между Кореей и Германией очевидна: обе страны были разделены внешними силами после окончания Второй мировой войны; возникшие после расчленения государственного единства субъекты международного права строились на принципиально разных идеологических, социально-политических и экономических основаниях. Однако применение «мягкой силы» в противостоянии двух корейских государств имеет несомненную специфику.

Автор доктрины «мягкой силы» Дж. Най полагал, что язык и культура — это и есть главные составляющие «мягкой» силы, которая играет ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику и деловые связи. Соответственно, использование «мягкой силы» в противостоянии двух государств-наций Корейского полуострова, стремящихся к объединению в силу общности языка, культурной традиции и исторической памяти, особенно эффективно, так как население и политические элиты Южной и Северной Кореи оказываются особенно восприимчивыми к аргументам идеологических конкурентов.

Стержень доктрины «мягкой силы» состоит, по мнению ее автора, в способности привлечь на свою сторону оппонента посредством ценностного содержания внешней и внутренней политики и отказа от использования силовых рычагов давления. Очевидно, что каждая из про-

тивоборствующих сторон мобилизует те идеологические аргументы, которые позволяют говорить о ее несомненных преимуществах. В этом смысле Южная Корея, прибегая к политике «мягкой силы», делает акцент на богатстве страны, динамичном развитии ее экономики, материальном благополучии граждан и демократическом устройстве политической системы. Северная Корея акцентирует внимание на военной мощи, реальном государственном суверенитете и социальном равенстве социалистической страны. Таким образом, РК предстает как богатая и экономически развитая страна, прежде всего благодаря политическому и экономическому (разумеется, совсем не бескорыстному!) покровительству США. КНДР, в свою очередь, предстает как страна с сильно деформированной (но отнюдь не слабой!) экономикой и находящаяся под санкциями со стороны ООН, но способная обеспечить свой суверенитет и независимость своей внутренней и внешней политики.

Несмотря на существующие противоречия между двумя Кореями, политическая система которых основана на противоположных идеологических платформах, обе стороны конфликта не оставляют идею создания единой корейской нации. Северная Корея предлагает объединиться на равноправной основе путем создания конфедеративной республики, при этом каждая из стран должна сохранить свой уклад и идеологию. Республика Корея, напротив, планирует объединение посредством поглощения КНДР. В результате каждая из сторон искренне желает воссоединиться, но исключительно под своим руководством.

Все больше корейцев, проживающих по разные стороны государственной границы, задумываются о том, что объединение корейских государств-наций возможно в границах первоначально конфедеративного, затем федеративного, а при определенном стечении обстоятельств и унитарного государства (подробнее о подобных консолидационных процессах см.: [1, с. 23–38]). Это позволит воссоздать единое корейское государство, которое сможет гармонично соединить преимущества ныне существующих на Корейском полуострове субъектов международного права. Таким образом, политика «мягкой силы», реализуемая РК и КНДР, объективно способствует формированию «третьей корейской нации», которая консолидирует корейцев вне зависимости от страны проживания. Эта политика увеличивает число носителей неразделенной корейской идентичности, стремящихся к объединению всех корейцев, несмотря на существенные различия в их политической культуре и ментальности (о проблеме развития государств-наций и изучении траекторий их динамики в XX–XXI вв. см.: [2]). В этом контексте важно отметить, что политика США, направленная

на шантаж и запугивание, а возможно и на раскол политического класса Северной Кореи, скорее всего, приведет к обратному эффекту. Эта дезинтеграционная по своей сути политика не только будет иметь своим следствием консолидацию северокорейского социума, но и увеличит число лояльных по отношению к северянам граждан РК, увеличивая, таким образом, численность «третьей корейской нации». Рукопожатие лидеров двух корейских государств свидетельствует о том, что эта тенденция становится все более очевидной и игнорировать ее уже не могут политические элиты как с той, так и с другой стороны.

«Мягкую силу» нельзя путать и отождествлять с пропагандой, поскольку пропаганда — это, прежде всего, давление. Основополагающим моментом концепции Дж. Ная является понятие привлекательности для других тех или иных положений, феноменов, образов действий и проч. [3]. Именно привлекательность он противопоставляет методам принуждения, силового давления, шантажа. В этом состоит главное отличие «мягкой силы» от пропаганды или иных аналогичных способов воздействия, включая обман, подмену фактов и т.п. [4, с. 212–223.]. Любая пропаганда вызывает психологическое отторжение. Так, с 1953 по 2004 г. с помощью громкоговорителей, установленных на границе между двумя корейскими государствами, велись пропагандистские кампании как с той, так и с другой стороны. В 2004 г. лидеры РК и КНДР подписали соглашение о взаимном отказе от подобной пропаганды. Однако с приходом к власти президента Ли Мен Бака в 2008 г. психологическая война против КНДР вновь возобновилась. На территорию КНДР перебрасывались листовки, в которых содержалась критика правящего режима КНДР, а также информация о ситуации в зарубежных странах. В свою очередь, с 2013 г. КНДР также начала распространять с помощью воздушных шаров у границ с Южной Кореей листовки с резкой критикой южнокорейского правительства. В пропагандистских материалах содержались угрозы и говорилось о том, что Корейская народная армия готова нанести удар по северо-западным островам Южной Кореи. Такая пропаганда не работает на сближение позиций оппонентов, а вызывает лишь взаимное неприятие.

Внешние силы способствуют разжиганию конфликта между двумя корейскими государствами. Как отметил директор Института Восточной Азии при Венском университете Рюдигер Франк, «многие политические акторы не заинтересованы в разрешении этого конфликта, так как извлекают из него выгоду. Американцы могут обосновать свое военное присутствие в Восточной Азии и на Корейском полуострове тем, что существует угроза со стороны Северной Кореи. Япония может

продолжать вооружать свою армию. Это позволяет взять Китай в кольцо и заявлять, что с самим Китаем это вообще никак не связано, а направлено исключительно на КНДР. Разумеется, об этом никто не говорит, но именно поэтому до сих пор не было найдено никакого решения, что неудивительно» [5].

Параллельное существование двух корейских государств воспринимается носителями корейской идентичности как нечто противоестественное, а потому ограничено во времени. Объединение этих субъектов международного права исторически неизбежно. Образование единого государства и единой нации «отражает сокровенное желание корейцев и базируется на фундаментальной культурно-цивилизационной основе (единый язык, общие традиции, верования, обычаи, теснейшие семейно-родственные связи между северянами и южанами и пр.)» [6]. Но объединение Юга и Севера может стать результатом применения исключительно «мягкой силы», а не силового давления извне или поглощения одного суверена другим военным путем. Оно будет основываться на компромиссе, достигнутом возрожденной корейской нацией, а не на прагматичном интересе «великих» держав.

Литература

1. Филиппов В.Р. Этнополитические парадоксы и кризис Российского федерализма // Федерализм и региональная политика в полиэтничных государствах. М., 2001.

2. Культурная сложность современных наций / ред.: В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016.

3. Nye J.S. The Paradox of American Power: Why the World’s Only Superpower Can’t Go It Alone. Oxford, 2002.

4. Лебедева М.М. Мягкая сила: понятия и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. 3(54). URL: https://cyberleninka.ru/article/v/myagkaya-sila-ponyatie-i-podhody

5. Франк Р. Сценарии военного конфликта США и КНДР. URL: http://interpolit.ru/blog/scenarii_voennogo_konflikta_ssha_i_kndr/2017-04-18-7590.

6. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. URL: http://modernlib.ru/books/li_vladimir/koreyskiy_poluostrov_metamorfozi_poslevoennoy_istorii/read

3. МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ

А.А. Бикетова

Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы»

В эпоху глобализации и информационного общества культурная дипломатия является важным инструментом взаимодействия в международных отношениях. Она находится на стороне «мягкой силы», а также уравнивает между собой «жесткую» и «мягкую» силы, поскольку она функционирует на основе притяжения, а не принуждения.

Патриция Гофф, доцент кафедры политических наук в Университете Уилфрида Лорье, выявила две основные предпосылки, способствующие формированию культурной дипломатии. Во-первых, благодатной почвой для формирования хороших отношений являются понимание и уважение. Во-вторых, искусство, язык и образование являются одними из наиболее значительных точек входа в культуру [1, p. 419]. То есть культурная дипломатия — это вид публичной дипломатии, в которую входит обмен идеями, информацией, произведениями искусства, языком и другими аспектами культуры между государствами и населяющими их народами, чтобы стимулировать взаимопонимание [2, p. 1]. Именно к такому выводу пришел американский политолог Милтон Каммингс.

Но термин «культурная дипломатия» не всегда использовался в его позитивной интерпретации. Например, при зарождении этого термина в 1930-х гг. он имел ярко выраженный пропагандистский оттенок и характеризовал собой политику СССР [3, p. 39]. В этот период советским руководством приглашалось множество зарубежных общественных и культурных деятелей, с целью создания положительного имиджа государства на Западе, а встречи со всеми этими гостями проводились под жестким контролем. Уже немного позже с подачи западных исследователей этот термин стал подаваться с позитивной точки зрения.

Стоит отметить, что в отечественной литературе наряду с термином «культурная дипломатия» как синоним часто употребляется понятие «внешняя культурная политика». МИД РФ в программном документе «Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей с зарубежными странами» дает следующее определение: внешняя культурная политика — это специфический инструмент достижения внешнеполитических целей государства посредством развития международного культурного сотрудничества [4]. Хотя очень

часто культурную дипломатию относят именно к народной дипломатии, но участие в ней лишь акторов гражданского общества не обеспечивает такой активности должную эффективность без координирующего участия государства. Это одна из причин, почему страны имеют свои представительства за рубежом, которые отвечают за координацию внешней культурной политики. Зачастую такие организации лишь косвенно контролируются государством, не являясь госучреждениями или подведомственными структурами в строгом смысле слова, как, например, Британский совет или Гете-Институт. Но контроль над такими учреждениями со стороны государства несомненен.

Британский исследователь Марк Леонард в работе «Дипломатия другими средствами» выделил важнейшие цели публичной дипломатии в XXI в. Все они связаны с развитием культурной политики:

— повышение осведомленности о стране;

— формирование позитивных представлений о стране и ее ценностях, обеспечение понимания идей и взглядов;

— привлечение людей в страну для туризма и учебы, продвижение за рубежом ее товаров;

— привлечение иностранных инвестиций и политических союзников [5, p. 48–56].

Во многих из этих целей все еще прослеживается пропагандистский оттенок, но все же все они способствуют обеспечению взаимопонимания между странами, поэтому актуальны оба подхода к анализу этих целей: как с точки зрения пропаганды, так и с точки зрения повышения осведомленности о стране. Говорить о том, что есть только один верный способ оперирования культурной дипломатией, было бы неразумно. Но можно выделить некоторые основные направления, в которых нужно работать, чтобы претендовать на успешный результат:

Для начала — связь. Хороший дипломат всегда будет искать точки соприкосновения, а культура может этому хорошо поспособствовать. Но и здесь нет никакой гарантии, ведь не исключено, что жест доброй воли может и не увенчаться успехом. Чтобы повысить свои шансы на тот самый успех, нужно хорошо знать о происходящем в обеих странах-участницах и подмечать возможности для взаимодействия.

Бывший посол Республики Чили, побывавший в Южной Африке, рассказал историю о своей встрече с гражданами ЮАР, которые знали о Чили совсем немного. Чтобы выстроить с ними взаимопонимание, он организовал мероприятие, в центре которого был чилийский писатель Ариэль Дорфман [6]. Многие из южноафриканцев знали этого писателя, но даже не подозревали о его чилийских корнях. Это мероприятие помогло понять и раскрыть то, в чем чилийцы и южноафриканцы по-

хожи. Это наглядный пример того, как полезно в сфере международных отношений владеть навыком культурной дипломатии.

Постоянство. Многие расценивают культурную дипломатию как особенно полезную в случаях, когда не получается наладить официальный контакт. И действительно, культурная дипломатия может заполнить некую пустоту даже при натянутых отношениях между странами. Но не всегда поддержка этой самой культурной дипломатии постоянна. В большинстве своем она активируется как крайнее средство в налаживании отношений. Можно предположить, что стоит поддерживать культурные связи на протяжении всего времени, чтобы активировать уже сложившиеся и налаженные отношения в период кризиса, а не в экстренных случаях, когда такие отношения находятся лишь на стадии разработки.

В 2008 г. отношения между Соединенными Штатами Америки и Северной Кореей переживали не лучшие времена из-за северокорейской программы по ядерным вооружениям. Тем не менее Нью-Йоркский филармонический оркестр принял приглашение приехать в Пхеньян. Там они завершили свое выступление, исполнив всеми любимую корейскую народную песню, чем тронули корейских слушателей до глубины души [7].

Новаторство. Как и в самой культуре, в культурной дипломатии приветствуется и привлекает внимание все новое и не примененное раньше. К тому же все, что относится к культурной дипломатии, будь то язык, образование или искусство, видоизменялось и приобретало новые свойства по сравнению с предыдущими временными отрезками, поэтому было бы не логично сохранять все подходы к ним неизменными.

Язык является идеальным примером видоизменения. Изучение языка позволяет вжиться в культуру и познать ценности представителя другой культуры из первых уст. А для тех, кто не желает самостоятельно вникать в культуру страны через ее язык, существует переводческая деятельность.

Конечно, с помощью культурной дипломатии можно достичь многих целей. Но и у нее есть свои лимиты. Во-первых, она требует длительного периода сотрудничества, и его результаты произрастают лишь спустя время. Невозможно просто взять и привести некий годовой отчет, который с помощью цифр в полной мере покажет результат сотрудничества в культурной сфере. Нет таких единиц измерения, которые покажут успех или неудачу. Да, можно сказать, что, например, выросло количество студентов, прибывших по обмену, или посчитать людей, прибывших на концерты или культурные форумы. Но всегда

очень сложно предсказать впечатления людей от этих событий. Вы можете только надеяться на определенную реакцию, но никогда не можете быть уверены именно в таком эмоциональном исходе. Как говорил все тот же Милтон Каммингс, «в культурной дипломатии всегда существует толика веры» [2, p. 2]. Очень хорошо подметил и Хорхе Гайне, что «сесть за стол переговоров — вот это настоящая задача. Один из эффективных способов сделать это — сблизить между собой общества двух стран» [9, p. 65]. Именно этим и занимается культурная дипломатия.

Литература

1. Goff P.M. Cultural Diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy. Oxf., 2013.
2. Cummings M. Cultural Diplomacy and the United States Government: A Survey. Wash., 2003.
3. Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960.
4. Основные направления работы МИД России по развитию культурных связей России с зарубежными странами // Техэксперт. URL: http://docs.cntd.ru/document/901794645
5. Leonard M. Diplomacy by Other Means // Foreign Policy, 132. 2002.
6. Former Chilean Ambassador to South Africa, Intervention, 14.03.2011.
7. Wakin D.J. North Koreans Welcome Symphonic Diplomacy // New York Times, 27.02.2008. URL: https://www.nytimes.com/2008/02/27/world/asia/27symphony.html
8. Heine J. From Club to Network Diplomacy // The Oxford Handbook of Modern Diplomacy. Oxf., 2013

Е.А. Вьюжанина

Миграционная политика России как инструмент «мягкой силы» в отношениях с постсоветскими республиками Центральной Азии

Любую политику, направленную на развитие плодотворного сотрудничества между странами и улучшение межгосударственных отношений в целом, можно назвать инструментом «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» была разработана политологом Джозефом Наем в конце XX столетия и подразумевает под собой отказ от принуждения как инструмента достижения национальных интересов [1].

Миграция существовала в мире всегда. С древних времен люди переселялись в поисках лучшей жизни. Однако с появлением глобализации масштабы миграции стали намного значительнее. Практически ежегодно организуются научные конференции и различные семинары, посвященные миграции и проблемам, которые с ней связаны. Миграция является естественным процессом. Сейчас миграция вовлекает в свои процессы огромные массы людей. С каждым годом количество вовлеченных в миграционные процессы людей только растет.

Миграцию в России можно считать уникальной и противоречивой [2]. Это связано с распадом СССР в 1991 г. С одной стороны, образовалось множество независимых государств, каждое государство выбрало собственную идеологию, внешнеполитический курс и путь развития экономики, а с другой стороны, частично сохранились культурные, экономические и политические связи между большинством государств — бывших республик СССР.

В настоящее время сотрудничество между Россией и постсоветскими республиками Центральной Азии развивается стремительно. Это касается и сферы миграции. Большая часть мигрантов приезжает в Россию именно из Таджикистана, Туркмении, Киргизии и Узбекистана [3]. Это можно объяснить тем, что в России экономика на данный момент развита значительно лучше.

В целом миграция для России — явление положительное, это связано с демографической ситуацией в стране. Из-за демографической ямы, в которую Россия скатилась во время экономических и социальных потрясений 90-х гг., сейчас в России особенно остро стоит проблема с сокращением трудовых ресурсов [4]. В свою очередь мигранты являются важным ресурсом восполнения дефицита трудоспособного населения страны.

Как было сказано выше, большая часть мигрантов, которые приезжают в Россию, являются гражданами стран Центральной Азии. Сотрудничество России и постсоветских республик Центральной Азии в сфере миграции является очень важным. Мигранты являются особой социальной группой. На их положение в принимающей стране влияет огромное количество факторов. Зачастую мигранты не имеют знаний в сфере законодательства, а значит, являются незащищенными от нечестных работодателей. Благодаря этому процветает нелегальное трудоустройство мигрантов, что наносит сильный удар экономике России. Кроме того, отношение к мигрантам оказывает влияние на имидж России в постсоветских республиках Центральной Азии. Возвращающиеся на родину мигранты рассказывают своим соотечественникам об условиях труда и об отношении россиян к мигрантам в целом.

Процесс массовых миграций стал катализатором межэтнического и межкультурного взаимодействия между Россией и постсоветскими республиками Центральной Азии. Анализ миграционных процессов показывает, что главную роль в регулировании иммиграционных потоков играют принимающие государства. Наиболее распространенная причина разрешения въезда — потребность в рабочей силе. И это актуально не только для России. В данном случае государство играет роль вербовщика от имени предпринимателей. Получается, что на первый план выходят не демографические или гуманитарные соображения, хотя и они могут иметь место. Все-таки главными для принимающей стороны являются экономические мотивы. Из всего этого следует вывод, что в сотрудничестве между Россией, Таджикистаном, Узбекистаном, Киргизией, Туркменией и Казахстаном миграционная политика России стала неотъемлемым инструментом «мягкой силы».

Россия и постсоветские республики Центральной Азии работают над развитием сотрудничества для получения взаимных выгод от всех видов миграции, но, тем не менее, существуют и негативные стороны миграции. К негативным последствиям миграции в Россию из постсоветских республик Центральной Азии можно отнести следующее:

— нелегальная миграция;

— увеличение числа проявлений ксенофобии и расовой дискриминации [5].

Наибольший акцент делается на сотрудничество именно в сфере трудовой миграции. Во-первых, это самый масштабный по численности вовлеченных мигрантов вид миграции, во вторых, именно от него получают наибольшие выгоды как страны Центральной Азии, так и Российская Федерация. Кроме того была разработана политика привлечения трудовых мигрантов в Россию [6]. Для получения наибольших выгод от трудовой миграции стороны предприняли следующие шаги:

— введен безвизовый режим между постсоветскими республиками Центральной Азии и России;

— снят запрет на въезд в Российскую Федерацию для тех граждан Туркмении, Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Казахстана, которые совершили мелкие административные правонарушения;

— гарантируются безопасность и социальная защита трудовых мигрантов;

— разработан план общих действий для способствования успешной интеграции трудовых мигрантов в российское общество;

— идут переговоры по созданию органа межгосударственного контроля трудовой миграции.

Более полумиллиона студентов из постсоветских республик Центральной Азии учатся в российских вузах. В сфере учебной миграции нами были выявлены следующие аспекты межгосударственного сотрудничества:

— улучшение ситуации с преподаванием русского языка в постсоветских республиках Центральной Азии;

— увеличение числа бюджетных мест для студентов из постсоветских республик Центральной Азии в российских университетах;

— преподавание культуры сотрудничающих стран;

— расширение сотрудничества между научными и культурными кругами, творческими объединениями.

Еще одним важным аспектом сотрудничества России и постсоветских республик Центральной Азии в сфере миграции является борьба с нелегальной миграцией. В этой сфере предстоит сделать еще очень много, так как из-за введения безвизового режима контролировать нелегальную миграцию становится практически невозможным.

Также страны сотрудничают в сфере борьбы с ксенофобией и расовой дискриминацией. Очень часто в России и постсоветских республиках Центральной Азии объявляют год культуры той или иной страны. Существует действующая программа обмена студентами, что позволяет полностью окунуться в культуру принимающей страны.

В России и постсоветских республиках Центральной Азии на данный момент существует достаточно высокий уровень толерантности, но социологические опросы показывают, что ксенофобские настроения возрастают с каждым годом [7], особенно среди молодежи, а значит принимаемых мер недостаточно.

В заключение можно сделать вывод о том, что страны активно идут на сотрудничество в сфере миграции и добились определенных результатов. Эффективным является сотрудничество в сфере трудовой миграции. Легально работающие мигранты имеют такие же социальные гарантии, как и россияне. Однако существует ряд проблемных сфер, которым нужно уделить внимание для увеличения эффективности сотрудничества в сфере миграции, к таким сферам относятся:

— борьба с нелегальной миграцией и ее последствиями;

— повышение уровня квалификации приезжающих в Россию трудовых мигрантов;

— борьба с ущемлением прав мигрантов в России;

— борьба с проявлениями расовой дискриминации и ксенофобии;

— развитие толерантности в российском обществе;

— создание государственного механизма содействия интеграции мигрантов в российское общество.

Таким образом, миграционная политика Российской Федерации как инструмент «мягкой силы» заложила фундамент для тесного сотрудничества в различных сферах между Россией и постсоветскими республиками Центральной Азии. К этим сферам можно отнести науку и образование, культуру, экономику и так далее.

Литература

1. Nye J.S. Jr. Think Again: Soft Power // Foreign Policy – the Global Magazine of News and Ideas. Febr. 23, 2006. URL: https://foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power

2. Воробьева О.Д. Проблемы и противоречия современной миграционной политики // Проблемы прогнозирования. 2002. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-protivorechiya-sovremennoy-migratsionnoy-politiki-rossii

3. Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2015 год // МВД РФ [Офиц. сайт]. URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550

4. Васин С.А., Вишневский А.Г., Денисенко М.Б. Сокращение и старение трудовых ресурсов неблагоприятно для рынка труда // Демографический еженедельник Демоскоп Weekly. № 429–430. 1–22 авг. 2010 г. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema01.php

5. Напряженность в межнациональных отношениях: кто виноват и что делать? // Официальный сайт Всероссийского центра общественного мнения. 11.09.2006 URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=2650

6. Исполком СНГ: деловая неделя 28 сентября — 3 октября 2009 года // Исполнительный комитет СНГ [Офиц. сайт]. URL: http://www.cis.minsk.by//page.php?id=14896

7. Отношение к мигрантам-соседям и мигрантам-коллегам // Официальный сайт Фонда общественного мнения. 25.05.2012. URL: https://fom.ru/Mir/10442

В.Е. Дергачева

Вьетнамская война: соотношение информации и пропаганды в американских СМИ

Вьетнамская война 1964–1975 гг. является крупнейшим вооруженным конфликтом с участием США после Второй мировой войны. Данный конфликт оказал большое влияние на американское общество и массовую культуру. Участие США во вьетнамских событиях являет-

ся причиной появления в сознании американского общества так называемого «вьетнамского синдрома». Какую роль в этот исторический момент сыграли СМИ в информировании общества?

В современную эпоху СМИ нередко играют важную роль в событиях того или иного конфликта и оказывают определенное влияние на его итоги. Всю полноту данного влияния испытало на себе и население США во время Вьетнамской войны. Усилия американских СМИ были направлены не только на информирование американского общества о ходе военных действий, но и на пропаганду войны среди мирного населения Америки и мирного населения Вьетнама. Можно сказать, что США во время конфликта использовали многочисленные инструменты информационной войны и пропаганды, оправдывая свои действия и дескредитируя противников в лице СССР и Северного Вьетнама.

О различных аспектах информационной войны в период данного конфликта уже написаны разные исследования, в том числе и работа Л.В. Васильевой «Роль и функции СМИ в современном обществе» [1]. Сам процесс влияния СМИ США на американское общество можно проследить по печатным изданиям, которые активно освещали Вьетнамскую войну, таких как журнал «Life», газеты «The Associated Press», «The New York Times», «The Washington Post», «U.S. News and World Report».

Исследователями выделяются выделяются такие функции СМИ, как информативная, идеологическая, когнитивная, развлекательная, образовательная и рекламная [1, с. 4]. Основными из тех, которые были использованы американскими СМИ во время Вьетнамской войны, являются информативная и идеологическая. В период конфликта американские СМИ имели такое огромное влияние, что их стали называть «четвертым органом власти» [2, p. 18]. В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на том, как на протяжении конфликта СМИ меняли мнение рядовых американцев о войне, переходя от тесного сотрудничества с правительством США до ожесточенного противостояния политической линии Вашингтона. Опираясь на американские печатные издания периода участия США во вьетнамских событиях, можно отследить динамику активности американских СМИ относительно конфликта [3].

Первый период, с 1957 по 1964 г., характеризуется как наименее активный: в американских СМИ лишь изредка затрагивается вьетнамская проблема, раскрываются причины вступления США в войну. Основная из них — это помешать распространению коммунистической угрозы в Южном Вьетнаме. Все статьи данного периода в основном субсидировались правительством. Газета «The New York Times»

от 11 мая 1961 г. публикует «Меморандум национальной безопасности США № 52», в котором отчасти затрагивается вопрос об Индокитае, и говорится, что целью США является предотвращение коммунистического доминирования в Южном Вьетнаме, создание в этой стране жизнеспособного и демократического общества [4].

Во второй период (1964–1968 гг.) отношение СМИ к конфликту меняется. Начинает наблюдаться кризис доверия между СМИ и правительством США, и появляются разногласия о роли США во Вьетнамской войне. В «U.S. News and World Report» в 1968 г. была опубликована статья, составленная из писем капитана воздушных войск Джерри Шанка. В данном материале показана война глазами солдата, участника операций во Вьетнаме в период с ноября 1963 по март 1964 г. В письмах он делает акцент на том, что власти США, заявляя, что солдаты во Вьетнаме лишь тренируются, лгут. Во Вьетнаме разворачивается настоящая война, в которой гибнут американские солдаты, сражающиеся и умирающие не за свою страну и не за свои интересы. Он говорит о том, что правительство лжет своему народу [5, p. 825].

Главными темами, которые поднимали журналисты в третий период (1969–1972 гг.), стало возращение военнослужащих домой, урегулирование конфликта, антивоенные настроения общества, военные преступления, завершение участия США в войне. Все реже и реже стали употреблять слово «враг» по отношению к силам Северного Вьетнама, чаще партизан приравнивали к мирным жителям, тем самым пытаясь показать, что этот конфликт перешел обратно в русло гражданской войны. Но снижение градуса критики СМИ по отношению к военному руководству не снизило критических статей и телевыпусков. Существовало еще слишком много проблем, в том числе были преступления против мирного населения. Самым известным таким преступлением стала «Массовое убийство в Сонгми». Причем, что удивительно, первыми эти данные обнародовали представители Пентагона, которые могли легко их скрыть на неопределенное время [6].

Подводя итоги деятельности СМИ в период конфликта, мы можем отметить, что большая часть материалов о войне имела негативную тональность. Войну представляли несправедливой, бессмысленной, большой политической игрой, жертвами которой стали обычные люди. Следует также отметить, что тема Вьетнамской войны не затихала в американских СМИ еще много лет после выхода Америки из данного конфликта. «Вьетнамский синдром», который оставила война в американском обществе, еще долго будет напоминать о себе.

В контексте информационной войны, которую вели США во Вьетнаме, также необходимо затронуть аспекты пропагандистского влия-

ния США на население Южного и Северного Вьетнама. Следует отметить, что Америкой были использованы весьма изощренные формы влияния на общественное сознание вьетнамского общества. Впервые американские пропагандисты так широко использовали мифологию противника. В устных сообщениях и радиопередачах они транслировали различные вопли ужаса, детский плач, буддийскую погребальную музыку и крики диких зверей, которые должны были символизировать для вьетнамцев голос демонов и духов. Также на территорию Вьетнама сбрасывались листовки с изображением орла, который держит в лапах вьетконговца. Листовки сопровождались угрозами в адрес бойцов Северного Вьетнама, в них говорилось, что орел возмездия настигнет вьетконговца. Для Северного Вьетнама США использовали тактику запугивания и весьма успешно, так как в первые годы войны количество дезертиров из Северного в Южный Вьетнам увеличивалось. Но также использовалась и тактика задабривания в стиле «мягкой силы», с вертолетов сбрасывались пакеты с зубной пастой, игрушками, рисом, леденцами. Пакеты сопровождались надписями: «От детей Америки детям Южного Вьетнама» и т.п. [7].

Американцы проиграли войну во Вьетнаме, но следует отметить, что американские СМИ в данный период усовершенствовали не только инструменты информационного воздействия, но и открыли новые способы психологического влияния на страну-противника. Затрагивая тему средств массовой информации и их действий во Вьетнаме, мы можем наблюдать также гигантский прогресс американской прессы, телевидения и радио. Именно они сыграли одну из самых важных ролей в деэскалации конфликта. Именно в данный период они из рупора власти и средства донесения информации обществу стали «четвертым органом власти» [2, p. 18].

Литература

1. Васильева Л.В. Роль и функции СМИ в современном обществе // Вестник Амурского государственного университета. Гуманитарные науки. 2010. №50. С. 109-112.

2. Libicki M.C. What is Information Warfare? Washington, 1995.

3. Hallin D. Presentation Given at the «American Media and Wartime Challenges» Conference (21–22.03.2003, Chapel Hill, North Carolina). URL: http://www.sanford.duke.edu/centers/tiss/pubs/documents/Hallin.pdf

4. National Security Action Memorandum 52 // U.S. Department of Defense [сайт]. URL: http://www.mtholyoke.edu/acad/intrel/pentagon2/doc99.htm

5. Reporting Vietnam, Part 1: American Journalism, 1959-1969 (Library of America). N.-Y., 1998. P. 817-858.

6. Hoffman D. Hamburger Hill: The Army's Rationale // The Washington Post. 1969. 23 May.

7. Harley I.A. Role of Information Warfare. Truth and Myths. NTIS, Naval War College, 1996.

А.Д. Дерендяева

Использование инструментов "soft power" КНР в отношении Республики Казахстан

В современном обществе многие государства для проведения своей внешней политики используют инструменты "soft power". В числе таких стран находится и Китай, который стал расширять свои позиции за счет проведения «мягкой политики». По замечанию Г. Киссинджера, данное стремление КНР было связано с высоким уровнем образования политической элиты страны [1, p. 227–228].

Актуальным вопросом остается изучение использования инструментов "soft power" Китая в отношении Республики Казахстан, поскольку данная территория выступает для КНР «воротами» в Центральную Азию, через которые проходят основные транспортные магистрали. Здесь также имеются в больших количествах природные ресурсы. Можно отметить работы ряда отечественных исследователей, занимавшихся изучением инструментов «мягкой силы» Китая в отношении Центральной Азии и Республики Казахстан: М.С. Бедюх [2], А.В. Бояркиной [3], А.В. Будаева [4], В. Воробьева [5], А.В. Лукина [6], К.Л. Сыроежкина [7], И.В. Халанского [8] и др. В зарубежной науке также существует ряд исследований, посвященных изучению политике "soft power" Китая в отношении Казахстана, это работы Ван Хунина [9], Ван Гуанчжэня [10], Ли Минфу [11], Лю Цзайци [12], Г. Нурши [13], К. Хафизовой [14] и др.

Несмотря на широкую базу как отечественных, так и зарубежных исследований, стоит отметить, что большинство из них изучает влияние КНР на Центральную Азию в целом. Важным становится оценить китайско-казахстанские отношения с точки зрения концепции "soft power", поскольку отдельных работ, посвященных данной тематике, немного.

Сама концепция "soft power" получила свое распространение среди китайских мыслителей достаточно рано. Китаевед К.Ш. Хафизова пишет, что еще при династии Мин практиковался конфуцианский подход, который предполагал, что китайский император, будучи монар-

хом, подчиняет своих подданных не силой оружия, а с помощью «морального перевоспитания» [14, с. 203]. Истоки “soft power” можно найти в трудах многих китайских философов, таких как Конфуций, Мэн-цзы, Лао-цзы и т.д. Современные китайские исследователи также обращаются к изучению «мягкой силы». Так, Ван Хунин отмечает, что китайская концепция сосредотачивается вокруг следующих категорий: «традиционная культура», «экономическая модель развития», «национальное единство» и т.д. [9, с. 24].

15 октября 2007 г. в докладе Ху Цзиньтао на XVII съезде партии прозвучал призыв повышать «мягкую силу» государства для создания «гармоничного общества» Китая [15]. Российский дипломат А.В. Будаев отмечает, что изначальная потребность в проведении «мягкой политики» КНР рассматривалась как ответ на антикитайские действия со стороны Запада [4, с. 109]. Отсюда целью китайской «soft power», по мнению Лю Цзайци, стало повышение государственной мощи Китая [12, с. 150]. Однако в основе китайской модели лежит ценностный подход, поэтому еще одна цель “soft power” — это распространение китайской культуры в международном пространстве.

В качестве основных инструментов реализации «мягкой силы» КНР исследователь А.В. Бояркина выделяет китайский язык и распространение культуры за рубежом [3, с. 115]. М.С. Бедюх и Д.В. Буяров подчеркивают значимость такого инструмента “soft power”, как культура китайской дипломатии, однако основным ресурсом они выделяют экономические возможности, позволяющие Китаю стать торговым партнером многих стран [2, с. 135]. Г. Нурша среди ключевых инструментов «мягкой силы» называет Институты Конфуция, выступающие проводниками морали и ценностей китайского общества [13, с. 75–76].

Важным регионом для проведения внешней политики КНР является Центральная Азия. Первой из стран Центральной Азии, с которой Китаю в целом удалось урегулировать территориальные вопросы, стала Республика Казахстан, имеющая с КНР наиболее протяженную границу. Еще в 1994 г. между этими странами был заключен договор «О казахстано-китайской государственной границе», который определил границу поделенных территорий, за исключением земель в районе перевалов Чаган-Обо и Баймурза, а также в Сары-Чельды в Талды-Курганской области. Тем не менее в сентябре 1997 г. было подписано дополнительное соглашение, которое 10 марта 1999 г. парламент Казахстана утвердил. Тем самым был завершен процесс делимитации [8, с. 58]. Поэтому после определения государственных границ президент Казахстана Н.А. Назарбаев в своей «Стратегической программе

развития «Казахстан-2030» подчеркнул важность сохранения диалога с КНР [16].

После распада СССР с КНР были установлены новые дипломатические отношения, и за последние годы визиты на президентском и министерском уровнях между Китаем и Казахстаном участились. В 2013 г. страны подписали декларацию об углублении всестороннего стратегического партнерства. В 2014 г. лидеры двух стран также неоднократно встречались, в том числе на Олимпийских играх в Сочи, на Саммите по ядерной безопасности в Гааге и Саммите ШОС в Душанбе [10, с. 63].

На основе рейтинга, который был составлен в 2010 г. The Institute for Government и исследовательским журналом «Монокль», мы попытались выделить инструменты «мягкой силы» [17, p. 4], которые используются в реализации внешней политики Китая по отношению к Республике Казахстан.

Во-первых, это — бизнес и инновации. В Центральной Азии Казахстан является ключевым торговым партнером КНР. Помимо большого товарного оборота между странами, Китай является первым в мире государством по объему привлеченных капиталовложений в Казахстан. Также в 2006 г. на границе государств была создана зона свободной торговли. А в 2013 г. председателем КНР Си Цзиньпином в Астане была выдвинута идея китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути». Его основная идея заключалась в усилении взаимодействия Китая с Центральной Азией в экономической области с помощью строительства единых транспортных магистралей от Тихого океана до Балтийского моря. В рамках этого проекта есть разные предложения, касающиеся именно Республики Казахстан. Так, например, китайские предприниматели инвестируют проект «51 китайский завод в Республике Казахстан». Однако при реализации этих идей бывает немало конфликтных ситуаций, возникающих между казахскими и китайскими бизнесменами. Как отмечает генеральный секретарь Союза китайских предпринимателей в Казахстане Ху Хайсинь, зачастую в работе с Казахстаном отсутствует эффективность, существует низкий уровень доверия, нет возможности взять на долгий срок землю в аренду для аграрного бизнеса, курс тенге нестабилен и свободно плавает. Все эти проблемы приводят к тому, что замедляется работа между двумя странами, порой тяжело договориться об элементарных вещах [18]. Исследователь К. Сыроежкин считает, что данная политика Казахстана носит намеренный характер, потому что КНР «сильно быстро движется, а успешный сосед — всегда пугает» [7, с. 52].

Вторым инструментом «мягкой политики» Китая является образование и наука. Еще в 2003 и 2006 гг. между Министерствами образования двух стран были заключены Соглашения о сотрудничестве в данных областях. Происходит обмен студентами между государствами. Как в казахских, так и в китайских вузах обучается большое количество иностранных учащихся, причем каждый год их число увеличивается. Также в Республике Казахстан действует Государственный совет по распространению китайского языка, он контролирует деятельность Институтов Конфуция, которых в Казахстане четыре — в Алма-Ате, Астане, Актобе и Караганде [13]. В научной сфере между государствами осуществляются разработки в самых различных направлениях: начиная с экспериментов в области металлургии и заканчивая публикациями материалов по востоковедению.

В-третьих, в качестве инструмента “soft power” КНР использует область культуры. В 2002 г. была создана специальная Комиссия по сотрудничеству в области культуры и гуманитарной сферы. Почти каждый год Китай проводит выставки, посвященные своему традиционному искусству, организуются мероприятия, способствующие ознакомлению с китайской культурой. Помимо этого, на территории Казахстана действует ряд китайских СМИ, доступны китаеязычные телеканалы. На сегодняшний день в Казахстане существуют отделения газет «Жэньминь жибао», «Гуанминь жибао», информационное агентство «Синьхуа», международное радио Китая [9, с. 65].

В целом, можно отметить, что благодаря использованию данных инструментов “soft power” Китаю за последние годы удалось расположить к себе население и политическую элиту Республики Казахстан, ослабив опасения стремительного усиления КНР в регионе. Таким образом, Китай сформировал более позитивный имидж своей страны на международном пространстве. Однако остаются вопросы, которые КНР предстоит решить для того, чтобы значительнее повысить свою репутацию в Казахстане.

Литература

1. Kissinger H. World Order. N.Y., 2015.

2. Бедюх М.С. Политика «мягкой силы» Китая в Центральной Азии // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы III Международной научно-практической конференции. Благовещенск. 2013. Вып. 3. С. 135–137.

3. Бояркина А.В. Язык и культура Китая как эффективные инструменты «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР // Теория

и практика общественного развития // Политические науки. 2014. № 12. С. 115–118.

4. Будаев А.В. Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. Вып. 54, февраль. С. 106–129.

5. Воробьев В. Сумма сходящихся интересов // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/Summa-skhodyaschikhsya-interesov-15795

6. Лукин А.В. Идея «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийская интеграция // Международная жизнь. 2014. № 7. С. 84–98.

7. Сыроежкин К.Л. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству // Центральная Азия и Кавказ. 2007. № 3 (51). С. 47–61.

8. Халанский И.В. Политика КНР в постсоветском сегменте Центральной Азии: решение пограничного вопроса // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 5. С. 57-60.

9. Ван Гуанчжэнь Политика «мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) // Вестник РУДН, серия Международные отношения. 2015. № 1. С. 60–69.

10. Ван Хунин. Культура — «мягкая сила» государственной мощи // Вестник Фуданьского университета. 1993. № 3. С. 23–28.

11. Ли Минфу. Распространение китайского языка как фактора мягкой силы во внешней политике КНР в XXI в.: дисс. …к.п.н.: 23.00.04. СПб., 2016.

12. Лю Цзайци. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая // ПОЛИС. Политические исследования. 2009. № 4. С. 149−155.

13. Нурша Г. К дискуссии о «мягкой силе» Китая: уроки для Казахстана // Казахстан-Спектр. 2017. № 3 (81). С. 68–82.

14. Хафизова К. Китайская дипломатия в Центральной Азии. XIV–XIX вв. Алматы, 1995.

15. Доклад Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая // URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2007- 10/25/content_27198418.htm

16. Программа Казахстан-2030 // URL: https://www.kazembassy.ge/rk2030.pdf

17. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power // URL: http://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/iles/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf

18. Сурганов В. «Мягкая сила» дракона. Что привлекает в Казахстане и что отвращает от нашей экономики инвесторов из Поднебесной? // Expert Kazakhstan. 25.01.2018. URL: http://expertonline.kz/a15328

А.П. Ермизина

Антикризисные мероприятия Европейского союза в сфере миграционной политики: интеграционный потенциал «мягкой силы»

На протяжении нескольких последних десятилетий миграционная проблема остается одним из важнейших вопросов в повестке дня Европейского союза. Еще в формате существования Европейского экономического сообщества, странами-членами предпринимались попытки выработки общеевропейской политики в области урегулирования миграционных потоков.

Актуальность данной работы заключается в необходимости урегулирования миграционного кризиса и его последствий. Решение этой проблемы было и остается одним из оснований обеспечения европейской безопасности.

В процессе общеевропейской интеграции был накоплен достаточно богатый опыт урегулирования миграционных проблем, но вопрос его использования перед лицом новых вызовов безопасности в миграционной сфере остается открытым. В данной статье предпринимается попытка выявить и сравнить действия государств-членов ЕС, проводимые на основе накопленного опыта, и новые антикризисные мероприятия, разработанные в ответ на современные вызовы, возникшие в условиях миграционного кризиса последних лет. Природа этих вызовов такова, что ни военные, ни даже экономические ресурсы не могут дать желаемых результатов, и миграционная сфера остается одной областей, в которых как нельзя более востребованы ресурсы «мягкой силы». В широко известной концепции Дж. Ная интеграционному опыту ЕС отводится особое место, при этом он исходит не только из цивилизационной общности США и Европы, но подчеркивает европейскую специфику [1]. Методологический подход Ная применим в исследовании миграционной политики ЕС. В силу привлекательности европейских достижений, реальных результатов роста и широко декларируемых гуманитарных ценностей страны-члены сообщества стали центром притяжения миграции.

Миграционная политика Европейского союза довольно хорошо исследована и в зарубежной, и в отечественной литературе. Наибольший интерес для нас представляют работы О.Ю. Потемкиной,

Ю.И. Рубинского, Я. Малачича, Д. Массея, А. Фортеса, П. Мартина, А. Ниманна и др.

В начале 2015 г. Европейский союз столкнулся с беспрецедентным потоком мигрантов. Настоящий взрыв произошел весной этого же года, когда, согласно данным агентства по контролю над внешними границами ЕС Frontex, число беженцев, пересекших границу ЕС, составило более 1,8 миллионов человек [2, с. 65]. Системы миграции, предоставления убежища и пограничного контроля подверглись огромному давлению новых миграционных потоков. Европейский Союз и его государства-члены оказались недостаточно подготовлены к эффективному реагированию на кризисные ситуации, а масштабы кризиса оказали мощное воздействие на весь Европейский Союз. Была поставлена под сомнение целостность как общеевропейской системы предоставления убежища, так и Шенгенской зоны свободного передвижения европейских граждан. Причинами такого количества беженцев и мигрантов в ЕС послужил продолжающийся конфликт в Сирии, действия ИГИЛ в регионе Ближнего Востока, вооруженные столкновения в Афганистане, а также насилие в Эритрее. Указанные регионы являются основными «красными зонами» и «поставщиками» мигрантов в ЕС. Кроме того, большую роль играют экономические и социальные достижения европейских государств, которые являются привлекательными для многих мигрантов. Они дают им возможность построить нормальную жизнь, которая ранее была разрушена политическими или экономическими потрясениями, конфликтами или преследованиями.

Миграционная политика ЕС прежних лет складывалась по нескольким направлениям. Так, в 1980-е гг. началось формирование общей миграционной политики стран Европейского сообщества, при этом миграционные проблемы все теснее переплетались с внешнеполитическими. В этот период усилия стран-членов ЕЭС были направлены на понимание как таковой проблемы миграции и обсуждение ее на межправительственном уровне. Однако особой сплоченности в вопросе минимизации отрицательных последствий неконтролируемых миграционных потоков не наблюдалось, только отдельные национальные государства были заинтересованы в его самостоятельном урегулировании. Таким образом, применительно к этому периоду можно констатировать противоречия между эгоистичными национальными интересами, которые государствам-членам Сообщества привычнее было отстаивать, опираясь на ресурсы «жесткой силы», и недооцененными возможностями совместных действий. Ситуация постепенно начала меняться в 1990-е гг., когда был принят ряд важных соглашений, которые касались урегулирования миграционных потоков, в первую оче-

редь трудовых. Так, в 1990 г. состоялась Дублинская конвенция, согласно которой первое государство, в которое поступает заявление на предоставление убежища или прием вновь прибывших мигрантов, несет полную и одностороннюю ответственность за них. Позже, уже в 1992 г., произошло подписание Маастрихтского договора, который дал начало новому объединению — Европейскому союзу. В его основе лежит концепция общего европейского гражданства, а также провозглашается, что миграционная политика является «сферой общих интересов» всех стран-членов. В целом данный период связан с постепенным становлением наднациональной политики стран-членов ЕС. Европейское сообщество, а впоследствии Европейский союз, постепенно начинает приобретать компетентность в отдельных областях миграционной политики.

Еще одним шагом к обеспечению общей миграционной политики стало принятие в 2004 г. Гаагской программы, которая определила общие стандарты предоставления убежища и создание общего пространства свободы, безопасности и правосудия, а также была направлена на реформирование органов юстиции и внутренних дел. С принятием Лиссабонского договора в 2007 г. были внесены значительные изменения в миграционное законодательство ЕС, упразднялись три опоры Европейского союза, создавался «коммунитарный» метод принятия решений. Однако, несмотря на несомненные преимущества от принятия нового договора, существовали и противоречия. Лиссабонский договор не был способен создать полноценной основы для формирования общей политики и в ведении государств-членов по-прежнему оставались некоторые мероприятия: определение каналов легальной иммиграции, установление квот и регулирование числа занятых на национальных рынках труда и иные.

Современное миграционное законодательство ЕС совмещает в себе как ряд регулирующих инициатив предыдущих периодов, так и абсолютно новые меры, которые имеют достаточно широкий охват. На сегодняшний момент осуществляется действие Дублинской конвенции 1990 г., однако непропорциональное распределение ответственности между государствами-членами ЕС порождает многочисленные разногласия и споры, которые выражаются в нежелании некоторых стран допускать на свою территорию прибывающих мигрантов.

20 апреля 2015 г. Европейской комиссией был представлен «план действий по миграции», а 23 апреля 2015 г. ЕС принял проект новой миграционной стратегии, которая содержит ряд мер, способных оказать помощь по выходу из кризиса. Одним из основных пунктов, содержащихся в стратегии, является спасение мигрантов на море [2, с. 6].

Так, в результате сотрудничества с международными организациями, государствами-членами были предприняты решительные шаги по укреплению потенциала Ливийской береговой охраны для решения проблемы продолжающегося нерегулярного потока мигрантов в Италию по Центрально-Средиземноморскому маршруту. Предусматривалось также проведение операций в рамках Общей политики безопасности и обороны ЕС (ОЕПБО) по выявлению и уничтожению организованной преступности, занимающейся переброской нелегальных мигрантов в Европу, вплоть до уничтожения судов контрабандистов. Две структуры ЕС — Frontex и Europol — также задействованы в определении профиля судов контрабандистов и их маршрутов [3, с. 7].

В июне 2016 г. Европейская комиссия предложила новый подход к взаимодействию со странами происхождения и транзита. Эта рамочная основа для сотрудничества в области миграции преследует цель устранения коренных причин незаконной миграции, поощряя при этом более тесное сотрудничество третьих стран по всем аспектам миграции, включая борьбу с контрабандой и реадмиссию.

Параллельно с вышеупомянутыми усилиями по укреплению защиты внешних границ Европейского союза большой успех имела идея создания так называемых «горячих точек» в Греции и Италии — регистрационных пунктов для беженцев с целью более тщательного изучения личности мигрантов, нуждающихся в международной защите. Эта инициатива стала ощутимым достижением солидарности между государствами-членами ЕС в ответ на давление, с которым они сталкиваются.

В начале 2017 г. было приостановлено действие безвизового режима ЕС для стран, которые могут представлять собой угрозу его безопасности. Европейская комиссия также выступила в январе 2018 г. с идеей модернизации общей визовой политики ЕС. Основные цели заключаются в развитии новых систем управления границами (EES и ETIAS), а также в более эффективном использовании визовой политики при сотрудничестве с третьими странами.

Однако наряду с принимаемыми мерами существуют и трудности, которые препятствуют преодолению кризисной ситуации. Как правило, государства обладают суверенным правом контролировать въезд и длительное пребывание на своей территории лиц, не являющихся их гражданами [4, с. 7]. Согласно законодательству ЕС и содержанию Европейской конвенции о правах человека, государство не имеет права запретить въезд лицам, подвергающимся опасности преследования или причинения иного серьезного вреда (принцип «невысылки»). Таким образом, существует противоречие между правом отдельной страны

регулировать собственное законодательство по отношению к мигрантам и общепринятой директивой ЕС. Такое противоречие показывает неготовность европейского сообщества в полной мере решить проблему предоставления убежища и защиты населению, пострадавшему от военных конфликтов.

Одним из самых проблемных пунктов европейской повестки дня по миграции стал вопрос о введении обязательных квот на распределение мигрантов между странами-членами Евросоюза, которая была утверждена в сентябре 2015 г. Против введения квот проголосовали страны Центральной Европы (Чехия, Словакия, Венгрия и Румыния), также о своем нежелании присоединиться к системе высказались Великобритания, Франция, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония, Польша и Испания. Во-первых, правительства этих стран склонялись к тому, что только они имеют право решать, какое количество и какие именно группы мигрантов будут пересекать границу государства. Во-вторых, у вышеперечисленных стран имелись опасения роста напряженности в своих странах как из-за дополнительного бремени, ложащегося на социальные системы государственной поддержки населения, так и из-за возможной террористической угрозы со стороны радикальных исламистов, проникающих в страны ЕС в рядах беженцев [4, с. 9]. Тем не менее план квотирования был одобрен большинством голосов при четырех «против» (Венгрия, Румыния, Словакия, Чехия) и одном воздержавшимся (Финляндия).

В заключение отметим, что миграционный кризис 2015 г. оказал серьезное влияние на общую политику стран-членов. Наплыв мигрантов-беженцев, с которым столкнулось европейское сообщество в 2015 г., продемонстрировал угрозу ценностям единой Европы. Кризис вскрыл не до конца преодоленные противоречия между национальным эгоизмом отдельных стран ЕС и интеграционными усилиями. Неконтролируемый поток человеческих ресурсов достиг невероятных масштабов, кризис не преодолен и в настоящее время, поэтому можно говорить только о предварительных результатах. С одной стороны, политика ЕС сегментирована, более четко разделены законодательные акты по отношению к разным видам мигрантов. Кроме того, она характеризуется наличием в национальных законодательствах стран ЕС механизмов по ограничению въезда для определенных категорий мигрантов. Можно сделать вывод только о начале формировании нового подхода к миграционной политике как интеграционной составляющей деятельности государств-членов.

С другой стороны, страны Европейского союза, оказавшись перед лицом кризиса, показали свою неготовность принять на своей терри-

тории такое количество мигрантов и обеспечить им соответствующий уровень помощи, сопротивление граждан европейских государств в принятии новых мигрантов и прямая угроза национальным ценностям и суверенитету в целом. Меры, которые принимаются некоторыми странами-членами Европейского союза, являются достаточно жесткими, зачастую направленными на защиту собственных национальных интересов. На сегодняшний момент недальновидная политика некоторых государств-членов ЕС, не желающих расстаться с частью своего суверенитета, может создать новые угрозы единству Европы, которые невозможно решить, используя уже вошедшие в практику средства. Для этого требуется введение новых политических и экономических инструментов, способных оказать влияние на миграционные потоки и доказать свою эффективность в борьбе с новыми вызовами европейской безопасности.

Литература

1. Най Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // Альманах «Восток». 2006. № 5(41).

2. Торгашев А.А. Современные политические вызовы для Западной Европы: Миграционный кризис 2015-2017 // Архонт. 2017. № 3.

3. ЕС перед вызовом миграционного кризиса. Позиции европейских стран / под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева. М., 2016.

4. Малыха М.И. Новые вызовы для современной миграционной политики Европейского Союза // Studia Humanitatis. 2015. № 4.

Е.Д. Кулачкова

Американские СМИ как инструмент и фактор «мягкой силы»: освещение вопроса о наличии ОМП в Ираке (сентябрь 2001 — март 2003 гг.)

С целью анализа освещения вопроса о наличии и производстве оружия массового поражения (ОМП) на территории Ирака в американских СМИ автором рассмотрены публикации предвоенного периода, размещенные на официальных сайтах американских общественно-политических медиа: «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Таймс», «Вашингтон Пост».

«Нью-Йорк Таймс» считается наиболее либерально ориентированной газетой. В основном информация излагается беспристрастно и сухо. Однако Энтони Р. Димаджо отмечает важность «Нью-Йорк Таймс» в формировании общей картины опасности Ирака в американских СМИ. По его словам, эта газета является ведущим разработчиком

повестки дня [1, с. 11]. Не случайно «Нью-Йорк Таймс» признается многими как самая влиятельная газета в США, так как ее ежедневный тираж один из самых больших, как и растущее количество посетителей веб-сайта.

«Вашингтон Таймс» — одна из наиболее известных консервативно-ориентированных американских газет. Отмечается крайне консервативный уклон газеты в противовес либеральным «Нью-Йорк Таймс», так как они с момента основания были конкурентами [2].

«Вашингтон Пост» — газета с множеством иностранных бюро, также очень влиятельна не только на территории США, но и в мире. Ее отличительным признаком является освещение политических событий в деятельности Белого дома, Конгресса и американского правительства в целом и в частностях. Американский политический обозреватель, Крис Мэтьюс, говоря о направленности газеты, называл ее неоконсерватистской. «Она регулярно публикует идеологическую смесь мнений обозревателей, некоторые из которых левые, но большинство — правые» [2].

Таким образом, отобранные автором для анализа медиа являются изданиями с длительной историей и внушительной аудиторией. Сообщения в этих медиа пользуются доверием читателей и корреспондентов других средств массовой информации за счет привлечения известных и авторитетных экспертов, публикацией проверенной и нередко эксклюзивной информации, аналитического подхода при подготовке текстов.

Перед вторжением американских войск в Ирак Дж. Буш и его администрация развернули мощную информационную кампанию, чтобы пропагандировать в обществе необходимость начала войны. Одной из главных причин было названо наличие и производство ОМП на территории Ирака.

Во второй половине XX в. там пребывала специальная комиссия ООН для надзора за ликвидацией иракского ОМП и прекращением программ по разработке химического, ядерного, бактериологического оружия и ракет большой дальности. После отказа Ирака от дальнейшего сотрудничества с комиссией у американского правительства возникло подозрение о том, что Ирак продолжает производить ОМП. Хасан Крайим, профессор политологии в Американском университете в Бейруте, говорил о том, что США представили ложные доказательства, подтверждающие наличие ОМП на территории Ирака, которые оправдывали правильность решения начать войну [3].

12 сентября 2002 г. Дж. Буш выступил в Генеральной Ассамблее ООН. В своем выступлении он привел примеры нарушения Ираком

резолюций ООН, рассказал о том ужасе, который творится на Ближнем Востоке. Американский президент назвал несколько пунктов, выполнив которые Ирак подтвердит свое желание сохранять мир. Одним из них было уничтожение и прекращение производства ОМП на территории Ирака [4].

Американские СМИ по-разному осветили данное выступление. «Нью-Йорк Таймс» называла обращение Дж. Буша к конгрессу «самым агрессивным шагом для незамедлительных действий» [5]. Журналисты «Вашингтон Таймс» привели цитаты представителей государств, показали мнения как «за», так и «против» военного вмешательства в Ирак. В целом, посыл материала был в том, что многие члены ООН поддержали американское противостояние режиму Саддама Хусейна, а выступление США было самым ожидаемым [6]. «Вашингтон Пост» также высказалась по поводу выступления Буша и опубликовала материалы с заголовками «Генеральный секретарь ООН предупредил Буша об односторонности действий в отношении Ирака» [7], «государственное телевидение Ирака разоблачило „злые прихоти“ в его речи» [8].

7 октября 2002 г. Дж. Буш выступил в Цинциннати с основными принципами США в отношении Ирака. В этом докладе он сообщил, что у американской администрации нет никаких сомнений в том, что в Ираке производится ОМП. В качестве доказательства были приведены сведения, переданные «высокопоставленным иракским инженером-ядерщиком», сообщалось, что Саддам Хусейн возобновил свою ядерную программу. В обращении были также выдвинуты требования к Ираку, при выполнении которых США не перейдет к активным действиям. Дж. Буш отметил: «Члены Конгресса и Совет Безопасности ООН согласны с тем, что Саддам Хусейн представляет собой угрозу миру и должен разоружиться» [9].

Советники Дж. Буша также пытались убедить американцев в наличии и производстве ОМП на территории Ирака. Президент и его союзники придавали огромное значение Ираку в связи с ОМП, а средства массовой информации их активно в этом поддерживали. Когда в стране начались разговоры о возможном вторжении США в Ирак, американцы не понимали, как к этому относиться, оправдана ли надвигающаяся война или абсолютно не обоснована. После правительственного вмешательства в СМИ многие жители США стали поддерживать войну.

Вопрос о наличии и производстве ОМП и биологического оружия на территории Ирака был переведен в статус аксиомы. 13 сентября 2002 г. в «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано мнение Мадлен

Олбрайт, американского дипломата: «Ирак, вероятно, располагает значительным количеством биологического оружия и химических боеприпасов. Он стремится к приобретению или разработке ядерного оружия, но нет никаких доказательств, что у него это выходит успешно. В Ираке может быть дюжина ракет, которые могут быть использованы для угрозы соседним государствам» [10]. В данном случае, мы видим, как вопрос наличия ОМП переходит в вопрос успешности разработки оружия Ираком.

Таким образом, мы наблюдаем явление активной манипуляции общественным сознанием, когда даже недостоверная информация благодаря активному тиражированию в СМИ и подкреплению мнением высокопоставленных лиц выглядит правдивой. Дж. Буш и правительство старались максимально закрепить мнение о том, что наличие и производство запрещенного оружия в Ираке — это весомая причина для вооруженного нападения. Е.А. Искоркина отмечает то, как четко американская пресса уловила изменения во внешнеполитическом курсе США. Она приводит в пример материал «Вашингтон Пост», в котором видит горячую поддержку политики Дж. Буша-мл. и то, как газета дает «зеленый свет» пропаганде американского правительства по настраиванию общества США на открытую агрессию против Ирака [11, с. 433].

Важно понять, удалось ли правительству Дж. Буша добиться своей цели? Как подтверждают следующие данные, у президента получилось убедить американцев в том, что причина вторжения США в Ирак — производство последним ядерного и биологического оружия. «Несмотря на то, что коалиционные войска не обнаружили ОМП, в том числе и программу по его разработке, 34% американцев верили в то, что войска США нашли ОМП» — такое высказывание делает в своей работе С. Кулл [12, с. 572].

Организация Gallup провела серию опросов среди населения США, относящихся к американо-иракской войне. Весной 2003 г. на вопрос «Считаете ли вы, что администрация Буша сознательно вводила в заблуждение американскую общественность о том, имеет ли Ирак оружие массового поражения?» 67% респондентов ответили отрицательно. В январе 2003 г. был предложен другой вопрос: «Какое из данных утверждений лучше всего описывает ваш взгляд на наличие ОМП в Ираке или программ по его развитию?». Тогда только 1% ответивших был уверен в том, что никакого оружия нет, и только у 10% было много сомнений относительно данного вопроса. Остальные респонденты разделились на тех, кто точно уверен в наличии ОМП (41%) и немного сомневающихся (45%) [13]. Это в очередной раз доказывает

огромные масштабы манипуляций правительства с помощью СМИ, особенно, если учесть результаты следующих лет.

Несмотря на несовпадение процентных соотношений (здесь стоит учесть отличия в формулировках задаваемых вопросов) мы видим, что сомневающиеся в начале конфликта американцы ближе к вторжению все больше склонялись к мысли о наличии ОМП в Ираке. Это свидетельствует об эффективности СМИ как субъекта пропаганды, а также о том, как «мягкая сила» печатных СМИ повлияла на дальнейшее развитие событий в Ближневосточном регионе, выступая не только инструментом в руках правительства, но и являясь актором международных отношений.

Литература

1. Dimaggio A.R. Mass Media, Mass Propaganda: Examining American News in the “War on Terror”. Plymouth, 2009.

2. Интернет-портал «Иносми.ру». Каталог изданий. URL: https://inosmi.ru/washtimes_com и https://inosmi.ru/washingtonpost_com/?id=234743273&date=20151209T144700

3. Некоммерческий независимый информационный центр “Common Dreams”. URL: https://archive.commondreams.org

4. Замечания Президента на Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций (12.09.2002) // Архивы Белого Дома Дж. Буша. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/09/20020912-1.html

5. N.Y. / Region. News Summary // The New York Times. 20.09.2002. URL: http://www.nytimes.com/2002/09/20/nyregion/news-summary-977144.html

6. Envoys Say Pressure to Act Now on U.N. // The Washington Times. 13.09.2002. URL: http://amp.washingtontimes.com/news/2002/sep/13/20020913-085411-5795r

7. U.N. Chief Warns Bush on Unilateral Iraq Action // The Washington Post. 12.09.2002. Цит. по: URL: https://www.highbeam.com/doc/1P2-384256.html

8. State TV in Iraq Says Bush’s U.N. Speech Exposed ‘Evil Whims’ // The Washington Post. 13.09.2002. Цит. по: URL: https://www.highbeam.com/doc/1P2-369281.htm

9. President Bush Outlines Iraqi Threat // Bush White House Archives. URL: https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/10/20021007-8.html

10. Albright M.K. Where Iraq Fits in the War on Terror // The New York Times. 13.09.2002. URL: http://www.nytimes.com/2002/09/13/opinion/where-iraq-fits-in-the-war-on-terror.html

11. Искоркина Е.А. Проблема формирования американского общественного мнения по вопросу решения силового решения «иракской проблемы» (по материалам прессы США) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2011. №23. С. 432–436.

12. Kull S., Ramsay C., Lewis E. Misperceptions, the Media, and the Iraq War // Political Science Quarterly. Vol. 118. № 4. Maryland. 2003.

13. Институт общественного мнения “Gallup”. Iraq. URL: http://news.gallup.com/poll/1633/iraq.aspx

Д.В. Леденев

Политика РФ на постсоветском пространстве и становление новой российской дипломатии

В 1991 г. произошло событие, которое в корне изменило сложившуюся ситуацию в мире. Распался Советский Союз. Если ранее все произошедшие в нем изменения еще можно было как-то замедлить или повернуть вспять, то после путча ГКЧП и встречи глав России, Украины и Белоруссии это стало невозможным. Вместе с советским государством распалась и формировавшаяся десятилетиями система международных отношений. Исчезла биполярная система, и начала складываться однополярная, которая и будет определять международные процессы в 90-х гг. Исчезла также и система отношений с другими государствами, выстраиваемая СССР. И людям, определяющим внешнюю политику новой России, прежде всего ее Президенту Б.Н. Ельцину и министру иностранных дел А.В. Козыреву, пришлось строить новую систему взаимоотношений.

СССР оставил после себя значительное наследие, включающее в себя как материальные факторы — государственную собственность на территории страны и за рубежом, внешний долг, архивы, так и не материальные — подписанные международные договоры, членство в Организации Объединенных Наций и других международных организациях, а также собственную дипломатическую школу со сложившимися характерными чертами и богатыми традициями. И эту дипломатическую школу сразу же начала использовать Российская Федерация.

Прежде чем приступить к рассмотрению темы доклада, необходимо, на наш взгляд, раскрыть такое важное определение, как «преемственность». Понятие преемственности является одной из важнейших категорий, характеризующих внешнюю политику и дипломатию лю-

бого государства, и имеет большое теоретическое и прикладное значение. Без учета элементов преемственности трудно себе представить сколько-нибудь серьезную оценку роли и места государства в международных делах, а также особенностей его политической культуры, стиля и методов дипломатической практики.

Согласно наиболее общему определению, преемственность представляет собой связь между явлениями в процессе развития в природе, обществе и познании, когда новое, сменяя старое, сохраняет в себе некоторые его элементы. В разрезе общественных наук преемственность означает передачу и усвоение социальных и культурных ценностей от поколения к поколению, а также всю совокупность действия традиций [1, с. 954]. Если же мы говорим о сфере внешней политики и дипломатии, то преемственность можно рассматривать как совокупность внутренних и внешних факторов, которые оказывают долговременное воздействие на формирование внешней политики, а также на стиль и методы дипломатии данного государства, и сохраняют в том или ином виде свое значение в условиях постоянно меняющейся внутриполитической и международной обстановки [2, с. 22].

Вполне логично то, что интерес к вопросам преемственности внешней политики резко возрастает в периоды радикальных реформ и революций. При этом существующие элементы преемственности часто противопоставляются тем новым характеристикам, которые неизбежно появляются во внешней политике государства в результате резкой смены общественно-политического строя. Однако это противопоставление в большинстве случае является крайне условным.

Внешняя политика любого государства не может создаваться заново в зависимости от тех или иных перемен во внутренней ситуации, если они носят комплексный характер. Она объективно отражает особенности исторического развития страны, ее экономики, культуры, геополитического положения, социальных условий и поэтому представляет собой сложную совокупность аспектов преемственности и обновления, для которой не существует какой-либо четкой формулы. При этом то, что внешне может выглядеть как принципиально новое направление внешней политики, в реальности может оказаться ничем иным, как логичным продолжением прежней политики, представленным в ином, более соответствующем духу времени виде.

При затрагивании темы правопреемства новой российской дипломатии в отношении советской дипломатической школы необходимо ответить на следующие вопросы: Каковы общие рамки преемственности современной внешней политике России по отношению к советскому и досоветскому периодам? Какой исторический опыт имеет

наибольшее значение для обеспечения внешнеполитических интересов страны и совершенствования ее дипломатической службы в современных условиях? [2, с. 26].

Сложность ответа на поставленные вопросы заключается, прежде всего, в том, что нынешняя внешняя политика России не может рассматриваться ни как прямое продолжение внешней политики Советского Союза, ни как восстановление прерванной в 1917 г. преемственности в отношении внешней политики Российской империи и Российской республики.

В декабре 1991 г. Российская Федерация вышла на мировую арену в качестве страны, коренным образом отличающейся от всех предшествующих форм существования Российского государства. Это относится и к ее политическому строю, и к государственным границам, и к положению на мировой и региональной арене. Понятие «новая Россия» приобрело для мировой системы международных отношений вполне явный смысл.

В то же время нельзя отрицать то, что Российская Федерация вышла на мировую арену, имея за плечами многовековой опыт международного общения, сложившуюся структуру двусторонних и многосторонних связей с совершенно разными государствами, длинную историю международных кризисов и взаимовыгодного сотрудничества, а также богатейшие традиции русской и советской дипломатических школ. Однако в процессе анализа и использования этого опыта не было никакой механистичности — формирование новой внешней политики России и становление новой российской дипломатии с самого начала пошло по пути сложного синтеза советского наследия, дипломатических традиций Российской империи и принципиально новых характеристик, вырабатываемых в ситуации кардинальных изменений на мировой арене и внутри страны [2, с. 27].

Необходимо отметить, что СССР сошел с исторической сцены не в результате военного поражения или насильственной социальной революции, как Югославия и многие страны бывшего «Восточного блока». Это предопределило сложное переплетение новых и традиционных элементов в российской внешней политике. Россия порвала с советским идеологическим балластом, однако намеренно взяла из наследия внешней политики СССР те позитивные аспекты, которые в тот период отвечали ее национальным интересам. В отличие от событий Октябрьской революции, когда было создано абсолютно новое государство, не имеющее юридических связей со старой Россией, произошел разрыв многовековых внешнеполитических традиций и полностью ликвидирована прежняя дипломатическая служба, в 1991 г. руко-

водству новой России удалось сохранить аппарат советского внешнеполитического ведомства и его представительств за рубежом.

Этому подходу соответствовала взятая на вооружение в 1991 г. концепция Российской Федерации как «государства-продолжателя» СССР. Нужно отметить, что новая российская дипломатия начала свою деятельность именно с обеспечения международного признания этой концепции. В качестве первого действия в этом направлении Президент России направил послание Генеральному Секретарю ООН от 24 декабря 1991 г., в котором сообщалось, что членство СССР во всех органах и организациях системы ООН, включая Совет Безопасности, при поддержке государств СНГ «продолжается Российской Федерацией (РСФСР)». В этом послании также содержится формулировка о том, что Россия «в полной мере сохраняет ответственность за все права и обязательства СССР в соответствии с Уставом ООН» [3, с. 13]. Из этого явствует, что речь идет об ответственности России не только по обязательствам, вытекающим из Устава ООН, но по всем международным правам и обязательствам бывшего СССР в соответствии с Уставом ООН [4]. Международное признание этих положений имело в тот момент для России огромное практическое значение, так как позволило сохранить за собой место постоянного члена Совета Безопасности ООН и разрешить ряд сложных вопросов правопреемства в отношении места СССР в ООН во взаимоотношениях с бывшими республиками СССР, прежде всего Белоруссией и Украиной.

Вместе с тем новая Россия не могла рассматривать себя в качестве наследницы СССР в тех характеристиках прежней внешней политики, которые были основаны на теории «классовой борьбы» на международной арене и привели к острой конфронтации с большинством западных стран [2, с. 28].

В качестве предварительного вывода можно отметить, что новой российской дипломатии в 90-е гг. было чуждо исключительно негативное восприятие советского внешнеполитического и дипломатического наследия. При его оценке, в особенности ближе к концу 1990-х гг., присутствовал беспристрастный научный подход, основанный на комплексном анализе положительного и отрицательного опыта, а также бережном сохранении лучших традиций советской дипломатии.

Особое внимание в период становления новой российской дипломатии уделялось связям с бывшими республиками Советского Союза. Здесь присутствовал большой комплекс традиций, выраженный в многочисленных положительных и отрицательных примерах взаимоотношений, связанных во многом с особенностями вхождения каждой

из этих стран в состав Российской Империи и Советского Союза. Однако выстраиванию стабильных взаимовыгодных отношений мешал, с одной стороны, взятый в период пребывания А.В. Козырева на посту министра иностранных дел «евроатлантический» курс на преимущественное сотрудничество прежде всего со странами Запада [5, с. 118]. С другой стороны, сами государства бывшего СССР в определенной степени дистанцировались от России в связи с ростом национализма и необходимостью построения новой, независимой внешней политики. Однако в середине 90-х гг. эта ситуация начала кардинально меняться.

Эти изменения были во многом связаны с уходом А.В. Козырева с поста главы МИДа и назначением на этот пост Е.М. Примакова в 1996 г., которого, в свою очередь, в 1998 г. сменил И.С. Иванов.

В отличие от предыдущего периода, приоритетным направлением во внешней политике России в рамках новой «многовекторной» концепции было провозглашено развитие ее взаимоотношений со странами СНГ [6, с. 203]. Однако в этой сфере сразу же возникли серьезные проблемы.

Первоначально надежды на сохранение единого оборонного и экономического пространства в регионе побудили руководство России действовать в ущерб собственным национальным интересам. Республикам бывшего СССР поставлялись энергоносители по заниженным ценам. Россия взяла на себя обязательства по охране их границ, а также отказывалась в первые годы после распада СССР от введения собственной национальной валюты. Руководство России не использовало благоприятную возможность для предоставления двойного гражданства русскоязычному населению, которое составляло около 25 миллионов человек, в рамках Содружества Независимых Государств, что дало бы ему законное право защищать русских за рубежом.

Однако расчеты России на политическую и экономическую интеграцию в тот период не были реализованы. Открытые границы и льготные условия торговли со странами постсоветского пространства, многие из которых в то же время ввели собственные таможенные правила для российских товаров, привели к созданию каналов полулегального вывоза из России стратегических ресурсов. Начались споры между Россией другими государствами бывшего СССР, прежде всего, с Украиной по поводу раздела собственности бывшего СССР внутри страны, прежде всего, Черноморского флота и его баз, а также зданий дипломатических представительств СССР в таких странах, как Дания, Австрия, Германия и Великобритания [7, с. 295].

Также возникли и юридические дискуссии, связанные с основными документами СНГ. Так, не все страны, считающиеся участниками

международного объединения, ратифицировали Устав СНГ (Украина и Таджикистан) [8]. Первоначальные планы создания Объединенных вооруженных сил (ОВС) СНГ под руководством России не были реализованы. Республики бывшего СССР приступили к созданию собственных вооруженных сил, несмотря на то, что некоторые из них, включая Россию, Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию и Таджикистан, заключили в 1994 году Договор о коллективной безопасности [9, с. 20].

Во многих государствах бывшего СССР разразились межнациональные конфликты, связанные с непродуманной политикой местных властей. Россия столкнулась с необходимостью проведения миротворческих операций в Приднестровье, Абхазии, Таджикистане, а также приняла у себя множество беженцев из соседних государств. Это послужило дополнительным бременем для ослабленной экономики новой России.

Страны постсоветского пространства существенно различались по уровню своего развития, по темпам и направленности экономических и политических реформ, по степени демократизации. Поэтому, несмотря на заявления большинства лидеров стран СНГ о большой заинтересованности в сотрудничестве с Россией в деле расширения политической и экономической интеграции, а также подписания ряда соглашений о таковом расширении, интеграция продвигалась достаточно медленно [10, с. 260].

В условиях экономического спада все государства Содружества, включая Россию, стремились к развитию торгово-экономических связей за пределами постсоветского пространства. Так, к 1995 г. лишь 19% российского экспорта шло в СНГ, 15% относилось к странам бывшего «Восточного блока», а остальное приходилось на государства дальнего зарубежья, прежде всего, страны Запада. СНГ фактически начало превращаться в содружество так называемых «разных дистанций»: внутри СНГ полным ходом формировались союзы отдельных государств. В рамках Содружества сложился союз ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Армения, Молдавия), опасавшихся усиления России на территории бывшего СССР.

В то же время гораздо более успешно развивались двусторонние связи России с постсоветскими государствами. В 1997 г. между Россией и Белоруссией был подписан договор о союзе, а в 1999 г. — об образовании Союзного государства. Предполагалось создание общих политических, военных, экономических, валютных и таможенных органов.

Рубеж XXI в. ознаменовался началом нового этапа в политике России в отношении СНГ. Отправной точкой в изменении этой политики стал вывод о необходимости более реалистичной оценки перспектив превращения Содружества в полноценное интеграционное объединение. Россия фактически была поставлена перед выбором: продолжать рассматривать интеграцию как абсолютную ценность, ради которой стоит идти на любые потери и уступки странам бывшего СССР, либо необходимо перейти к прагматическому курсу, учитывающему, прежде всего, национальные интересы самой России.

В итоге выбрано было развитие двусторонних связей с государствами-членами СНГ, на основе которых в дальнейшем можно будет выстраивать интеграционные связи. Отношения с каждым из этих государств с этого периода должны были выстраиваться с учетом взаимной заинтересованности в сотрудничестве, готовности стран постсоветского пространства должным образом учитывать интересы России, в том числе в области национальной безопасности и защиты прав русского населения за рубежом [11].

Таким образом, внешнеполитический курс России в отношении стран постсоветского пространства стал в большей степени прагматичным, что позволило выстроить в дальнейшем систему взаимовыгодных отношений как в двустороннем формате, так и в рамках СНГ.

Также в описываемый период произошло становление новой российской дипломатии, которая восприняла дипломатические традиции как Российской Империи, так и Советского Союза, при этом успешно сформировав собственные отличительные черты.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. М., 1997.

2. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. М., 2002.

3. Дипломатический вестник. 1992. №1.

4. Устав Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter18.shtml

5. Козырев А.В. Преображение. М., 1995.

6. Иванов И.С. Внешняя политика России в эпоху глобализации: Статьи и выступления. М., 2002.

7. Тимченко Л.Д. Проблема правопреемства государств в современном международном праве и Украина // Российский ежегодник международного права. 2001.

8. Устав Содружества Независимых Государств. URL: http://cis.minsk.by/page.php?id=180

9. Иванов В.И. История создания и перспективы развития Содружества Независимых Государств // Вестник Ростовского государственного гуманитарного университета. 2010. №4.

10. Стрежнева М.В. Европейский союз и СНГ. Сравнительный анализ институтов. М., 1999.

11. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 г. URL: http://www.mid.ru/Bl.nsf/arh/19DCF61BEFED61134325699C003B5FA3.

С.Ф. Назаршоева

Образ России в глазах мигрантов из Республики Таджикистан

На современном этапе мирового развития под влиянием процессов глобализации и в условиях формирования новой «полицентричной системы международных отношений» на передний план в качестве главных факторов влияния государств на мировую политику, наряду с военно-политическим весом и экономическими ресурсами, выдвигаются факторы «мягкой силы»: достижения государств в области культуры и искусства, науки, технологий, образования и т.д. [1, с. 85].

«Мягкая сила» — это «способность государств привлекать других на свою сторону, добиваясь поддержки собственной повестки дня в международных отношениях путем демонстрации своих культурно-нравственных ценностей привлекательности политического курса и эффективности политических институтов» [2, p. 10]. Данная стратегия включает в себя такие инструменты позиционирования страны на международной арене, как экспорт образования, продвижение языка и распространение национальных культурных ценностей.

Сегодня наиболее интересным регионом для реализации «мягкой силы» России является Центральная Азия. Особый интерес в рамках реализации «мягкой силы» России в Центральной Азии, представляет Таджикистан, который является стратегическим партнером России. Несмотря на то, что российских соотечественников в Таджикистане осталось намного меньше (34,8 тыс. на 2010 год) [3, с. 7], чем в других центральноазиатских государствах, русский язык в этой горной стране продолжает жить и развиваться.

Мощной составляющей российской «мягкой силы» и ее проецирования на Таджикистан является такое устойчивое явление таджикской действительности, как массовая трудовая миграция из республики в Россию. Оценки масштабов внешней трудовой миграции из Таджикистана различны. Большинство экспертов оценивают ее масштабы до 1,5 млн чел. Есть и эксперты, которые считают, что в ряды трудовой миграции вовлечены от 1,5 до 2 млн чел. [4, с. 43].

Пребывая длительное время в России, трудовые мигранты так или иначе оказываются под воздействием российских реалий — политических, экономических, социальных, информационных, образовательных, культурных и т.д.

Позитивное отношение к России трудовых мигрантов ретранслируется на родину. Учитывая массовый характер самой трудовой миграции и то, что для большинства из них характерно наличие больших семей и развитые родственные отношения, то позитивное восприятие России принимается от них подавляющим большинством населения республики.

Чрезвычайно важную роль в проецировании «мягкой» силы России на Таджикистан играют средства массовой информации — телевидение, интернет-порталы и, в меньшей степени, печатная пресса. Следствием всего этого является восприятие событий в мире глазами российских СМИ.

Свою роль в проецировании российской «мягкой силы» на Республику Таджикистан играют также российские или совместные таджикско-российские образовательные учреждения, такие как средняя школа при российской военной базе МО РФ, русскоязычная школа при Российско-Таджикском Славянском Университете (РТСУ) и сам РТСУ, а также филиалы МГУ и других российских вузов в Таджикистане. Учебный процесс в них базируется на соответствующих российских учебных программах.

Нельзя не сказать и о таком факторе проецирования «мягкой силы», как функционирование в Таджикистане 201-й военной базы Министерства обороны Российской Федерации. Действительность такова, что она не воспринимается местным обществом, как чужая или чужеродная военная структура.

Также на территории Республики Таджикистан действуют Российский центр науки и культуры и Фонд «Русский мир», которые также имеют свое влияние.

Для населения Таджикистана ориентация на Россию продиктована причинами прагматического характера. Большая часть таджиков получили образование еще в советское время, и можно сделать вывод, что у многих мигрантов чувствуется ностальгия по эмоциональной атмосфере в СССР и дружбе народов. Например, «Была большая страна… Но спасибо все равно, нас принимают… Раньше мы были Союзом и жили мирно-дружно, и все нам хватило… Кто был богатым, кто был нищим — незаметно…» (мужчина, 45 лет, Таджикистан) [5, с. 169-170].

Впрочем, не только старшее и среднее поколение, но и молодежь смотрит на Россию с надеждой.

В нынешних условиях трудовая миграция в крупные российские города — это едва ли не единственная возможность повысить свой социальный статус. Пусть даже работать приходится за сравнительно небольшую зарплату в сфере ЖКХ или услуг. Все равно, работы для молодежи в Таджикистане практически нет.

Так, средняя зарплата в Таджикистане составляет около 123 долл., тогда как в России неквалифицированные рабочие-таджики могут зарабатывать 300-400 долл., а квалифицированные — до 1 тыс. долл. в месяц [6].

Однако общий объем трудовой миграции очень сложно учесть, т.к. большинство таджиков работают на условиях устной договоренности.

Иммиграция этнических трудовых мигрантов в Россию вносит весомый вклад в экономическое развитие, изменение этнического состава, рост культурного разнообразия отдельных территорий. Но в то же время она способствует росту конфликтного потенциала, напряженности между принимающим сообществом и иммигрантами и может стать источником серьезных социальных, этнических, конфессиональных и тому подобных конфликтов.

В настоящий момент процесс адаптации мигрантов из Республики Таджикистан в Российской Федерации затрудняется рядом проблем. В первую очередь, это негативное отношение части принимающего сообщества к ним. Так, согласно исследованию, проведенному Левада-Центром в октябре 2013 г., около 73% россиян полагают, что нелегальных иммигрантов из стран ближнего зарубежья необходимо «выдворять из страны», и не считают нужным им помогать получить работу и ассимилироваться в России [7, с. 24]. Проблема неприятия приезжих принимающим сообществом усугубляется непродуманной политикой в области СМИ, которые в большинстве своем формируют у россиян негативный образ мигранта [8, с. 184], в основном фигури-

рующий в криминальных передачах телевидения, тем самым порождая у зрителей устойчивые негативные ассоциации.

В 2013 г. Центром этнополитических и региональных исследований НИУ–ВШЭ было проведено крупномасштабное исследование, в ходе которого было опрошено около 8500 мигрантов в восьми регионах России. По результатам исследования был составлен социально-демографический портрет мигранта, определены основные виды занятости, проведен анализ отношения приезжих к принимающему населению, а также их миграционные стратегии и планы относительно России [8].

Согласно результатом опроса, главная ассоциация с Россией у мигрантов из Республики Таджикистан, конечно, — работа. При этом все размышления в конечном счете сводятся к выводу о том, что, если есть работа, значит, страна, о которой идет речь, «нормальная», и на все остальные аспекты можно не обращать внимания. Например, «Я бы описал “нормальная”. Самый красивый город. А еще нормальная есть работа. У меня никаких претензий. Все нормально работаем, еще гуляем, отдыхаем» (мужчина, 27 лет, Таджикистан) [5, с. 168].

Но тут хотелось бы отметить, что в таджикской культуре не принято «говорить плохо о тех, к кому они приходят в гости», поэтому позитивный образ России в представлениях мигрантов, который фиксируется количественными опросами, может также объясняться особенностями национальной культуры.

Важные темы, которые часто актуализируются мигрантами, когда они отвечают на вопрос, какой им представляется Россия, — это тема не слишком положительно настроенных местных жителей, а также тема мошенничества работодателей и вымогательства со стороны представителей правоохранительных органов. Однако оформление всех необходимых документов, на взгляд приезжих, позволяет избежать негативных последствий взаимодействия с правоохранительными органами и органами миграционной службы.

Для большинства мигрантов из Республики Таджикистан пребывание в России воспринимается как временная мера для решения своих финансовых проблем, даже если мигрант работает в России уже много лет. В настоящий момент, на наш взгляд, потенциала для интеграции трудовых мигрантов и их адаптации в принимающем сообществе почти нет. Следовательно, необходимо изменить подход к проводимой миграционной политике. Лишь комплексный подход, направленный на улучшение условий жизни мигрантов, повышение уровня заработной платы, контроль над работодателями, создание образовательной

инфраструктуры для мигрантов и их детей, позволит решить стоящие перед Россией проблемы, связанные с миграционными потоками.

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать: влияние «мягкой силы» России на Таджикистан вполне ощутимо. Несмотря на все указанные негативные моменты, большинство мигрантов из Республики Таджикистан воспринимают Россию как «старшего брата», олицетворение «порядка» и «стабильности». Кроме того, Россия является для них источником благосостояния — таджики с гордостью говорят о родственниках, которые уехали на заработки.

Можно выделить несколько стереотипов в отношении России, сложившихся у мигрантов из Республики Таджикистан и в совокупности формирующих образ России.

1. Россия — «старший брат» и «помощник».

2. Россия — гарант и фактор независимости и безопасности Таджикистана. Именно Россия способствовала формированию основ национальной государственности — сначала в рамках СССР, а затем признавая и гарантируя суверенитет постсоветского Таджикистана.

3. Россия — субъект модернизации республики, оказавший мощное и положительное цивилизационное воздействие на таджиков, приобщивший их к достижениям современной цивилизации, современной технике, экономике и великой культуре.

4. Россия — наследница Советского Союза, с которым связываются стабильность и порядок, воспоминания о «лучшей жизни».

Можно констатировать, что существующий обобщенный образ России среди мигрантов из Республики Таджикистан остается в целом положительным. Более того, положительный образ России довольно устойчив, и тенденций к его ухудшению и разрушению не намечается. Главная причина этого в том, что факторы, определяющие позитивность данного образа, являются устойчивыми: велик процент таджикского населения, живущего исключительно на доходы от заработков в России; сохраняющаяся полиэтничность населения Таджикистана; сохранение стратегической ориентации политических элит на Россию; бедность страны, сильная экономическая зависимость Таджикистана от России и ее помощи, большой государственный долг; сохранение статуса русского языка как языка межнационального общения в Республике Таджикистан.

Литература

1. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО Университета. 2012. №4 (25). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_18941029_91998879.pdf

2. Nye J. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

3. Шокиров Ш.Ш., Асоев А.Р., Норов К.Д. Национальный состав, владение языками и гражданство населения Республики Таджикистан // Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. URL: http://www.stat.tj/ru/img/526b8592e834fcaaccec26a22965ea2b_1355501132.pdf

4. Умаров Х., Ульмасов Р. Внешняя трудовая миграция в Таджикистане (причины, проблемы, последствия, регулирование). Душанбе, 2006.

5. Максименкова М.С., Сорокина А.А. Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации // Общественные науки и современность. 2014. №5. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2017/12/24/1251078324/15_Maximenkova_ONS%205_167-176.pdf

6. В Таджикистане самый низкий показатель среднемесячной заработной платы — 1083,7 сомони (123 доллара) // Sputnik Точикистон. URL: https://ru.sputnik-tj.com/economy/20170505/1022234630/tadzhikistan-nizkaya-srednyaya-zarplata-stranakh-sng.html

7. Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2013. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/migranty-i-prinimayuschee-obschestvo-kulturnyy-aspekt-mezhetnicheskih-otnosheniy-v-gorodskoy-srede

8. Варганова О.Ф. Образ трудового мигранта в СМИ (по материалам контент-анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-trudovogo-migranta-v-smi-po-rezultatam-kontent-analiza

9. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit01.php.

А.А. Попеляев

Освоение Арктики как инструмент «мягкой силы» СССР

СССР и США постоянно соперничали друг с другом в использовании «мягкой силы». Соперничество затрагивало все виды спорта, науку, возможно, в меньшей степени музыку и кинематограф. Отдельной темой было соперничество в космосе. Обеим сторонам было очень важно стать первыми и, учитывая, что СССР был первым в космосе,

а США — первыми на Луне, обе стороны добились значительных успехов, хотя эти успехи дались очень большой ценой.

Соперничество в Арктике периода «холодной войны» по своей сути напоминает космическую гонку. Обеим сторонам было необходимо обозначить свои успехи в освоении стратегически важного с военной точки зрения регионе. Решению данной задачи способствовали плавания ледоколов, прежде всего атомных, а также подводных лодок, которые с большей вероятностью можно отнести к «жесткой силе». Так, 17 августа 1977 г. атомный ледокол «Арктика» впервые в истории мореплавания достиг Северного полюса в надводном положении. В 1958 г. американская подводная лодка «Наутилус» впервые пересекла Северный Ледовитый океан подо льдом, а в 1962 г. советская подлодка «Ленинский комсомолец» всплыла на Северном полюсе [1, с. 12–13]. По оценке специалистов, атомные подводные лодки и межконтинентальные ракеты превратили Арктику «в самое милитаризованное морское пространство мира». Соревновательный элемент в операциях подводных флотов двух стран невольно наталкивает на аналогию с космической гонкой, развернувшейся в тот же период времени.

Несмотря на заметный рост значения Арктики в начале «холодной войны», ее использовали в качестве инструмента продвижения «мягкой силы» гораздо раньше. Возможность исследовать Арктику в XIX в. свидетельствовала о большом мореходном потенциале страны-исследователя, в начале XX в. свидетельством проведения успешной арктической политики являлось достижение Северного полюса.

Арктика издавна вызывала интерес у России. Интерес Царской России к Арктике, и арктическим морям в частности, заметно возрос после русско-японской войны 1904–1905 гг., когда стала очевидна необходимость в коротком маршруте между европейской и азиатской частями империи. Однако при советской власти северным рубежам уделялось гораздо больше внимания [2, с. 48]. В 1923 г. советское правительство объявило, что все земли, находящиеся в советском секторе Арктики, принадлежат СССР. Однако было недостаточно просто объявить о приоритете, нужно убедительно доказать, что государство в состоянии решить задачу освоения побережья Северного Ледовитого океана. Для этого необходимо было наладить навигацию по Северному морскому пути — кратчайшему маршруту из Европы на Дальний Восток. В 1930-е гг. прошлого века лидерство в исследовании Арктики перешло СССР. Советский Союз успешно извлекал выгоды из исследований региона. Были организованы несколько экспедиций по изучению Северного морского пути. Москва видела в Арктике большой мореходный, а также пропагандистский потенциал. Организовать мор-

ские перевозки вдоль северных побережий Сибири значило создать новый жизненно необходимый для развития Севера путь, укрепить позиции СССР в Арктике и получить возможность выхода в мировые океаны. Это было особенно важно, учитывая международную ситуацию в 20-е — 30-е гг. [3, с. 52].

После того как Северный путь был успешно преодолен за одну навигацию, а также успехом закончилась получившая широкую огласку операция по спасению экипажа парохода «Челюскин» советскими летчиками, Сталин увидел в Арктике мощное средство пропаганды. Министр иностранных дел Великобритании Ллойд Джордж, по сообщениям британской прессы, назвал спасение челюскинцев «большой дипломатической победой», так как эти события привели к радикальному изменению имиджа Советской России в Великобритании [4, p. 77].

В 1933 и 1934 гг. в Кремле проводились конференции по вопросам освоения Северного морского пути, больше внимания теперь уделялось судостроению, и строительству ледоколов в частности. Кроме того, советские руководители и исследователи Арктики согласилась с тем, что на арктических картах не должно оставаться белых пятен, а освоение региона крайне важно для поднятия международного авторитета СССР. Капитанам кораблей и летчикам, побывавшим на Севере, «рекомендовалось» записывать свой арктический опыт и на основе записей писать книги. Некоторые из книг переводились на иностранные языки и использовались в качестве средства пропаганды. В 1930-е гг. СССР попытался доказать, что освоение Арктики вполне возможно, а неудачное плавание Челюскина оценивалось как доказательство этой возможности [5, p. 57–58].

С 1937 г. началось развертывание дрейфующих станций, изучавших дно Северного Ледовитого океана и поведение дрейфующих льдин. Совершенные в том же году первые беспосадочные перелеты экипажей Валерия Чкалова и Михаила Громова из СССР в США через Арктику имели большое значение для имиджа СССР. Перелеты продемонстрировали всему миру достижения советской авиационной техники.

Еще одним важным проявлением «мягкой силы» СССР в регионе было присутствие на архипелаге Шпицберген. Несмотря на признание норвежского суверенитета над архипелагом 1920 г., СССР, как и другие страны, сохраняли свое присутствие. Советское присутствие беспокоило норвежцев. В 1931 г. Советский Союз приобрел рудник Грумантби, а в следующем году — Баренцбург. СССР очень серьезно подходил к добыче ископаемых на архипелаге, и все большее количество граждан отправлялось работать на архипелаг, соответственно,

советская колония росла. Норвежский консул в Архангельске в 1932 г. даже выражал свое беспокойство в связи с сообщениями местной прессы о советском населении на Шпицбергене. После Второй мировой войны СССР предпринимал попытки произвести пересмотр статуса архипелага, однако они не увенчались успехом [5, p. 62–63].

И, конечно, мирное освоение Арктики отошло на второй план в связи с началом Второй мировой войны, при этом важность арктических рубежей СССР достигла невиданного ранее уровня [6, p. 50]. Однако пропагандистский опыт, полученный Москвой в довоенный период, был очень важен в дальнейшем и особенно в ходе космической гонки, развернувшейся между СССР и США в 1950-е — 1970-е гг.

Литература

1. Лукин Ю.Ф. Виртуальная реальность мягкой силы в Арктике. URL: https://narfu.ru/upload/iblock/d1a/13.pdf

2. Коротаев В.В. Русский Север в конце XIX —первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998.

3. Арикайнен А.И. Транспортная артерия Советской Арктики. М., 1984.

4. McCannon J. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932–1939. N.Y., 1998.

5. Horensma P. The Soviet Arctic. L., 1991.

6. Fairhall D. Cold Front: Conflict Ahead in Arctic Waters. L., 2010.

А.М. Савоськин

Фактор культурного влияния как инструмент объединения южных славян в программе «Начертание»

XIX век стал ключевым в истории Балканского полуострова и в идейно-политическом развитии южнославянских стран. Идеи, возникшие во времена первых идеологов гражданского национализма на Балканах, впоследствии стали инструментом в борьбе двух народов (сербов и хорватов) за право стать политическим и культурным центром консолидации в регионе. По сути, речь идет о различных подходах к формированию южнославянских наций. В большинстве западноевропейских стран в период формирования гражданских наций этнический вопрос не был столь значимым. На Балканах же этнический вопрос являлся, по сути, основополагающим.

Ситуация на Балканском полуострове в начале XIX в. была своеобразной. Южнославянские народы находились в особом, преднацио-

нальном состоянии, базирующемся на этнической общности. Главным фактором, затруднявшим национальное развитие южных славян, было отсутствие территориальной общности. Несмотря на наличие у трех крупных южнославянских народов (сербов, хорватов и боснийцев-мусульман) собственной культуры, определенных ареалов расселения и начавшего складываться национального самосознания, все южные славяне (не считая обретшую в 1796 г. фактическую независимость Черногорию) находились в составе крупных империй и, как следствие, не имели своих национальных государств. Ситуация изменилась с появлением автономии (и фактической независимости) у Сербии в 1817 г. Несмотря на слабость этого государства в сравнении с Османской и Габсбургской империями, сербы могли рассчитывать на свое культурное влияние и на демонстрационный эффект, поскольку появление национального славянского государства в регионе должно было вызвать реакцию у других южнославянских народов. Именно на это делал ставку министр иностранных дел Сербии И. Гарашанин.

Обретение фактической независимости позволило Сербии проводить самостоятельную внешнюю политику и подталкивало к оформлению внешнеполитических амбиций в регионе. Сербия в XIX в., во многом с подачи Гарашанина, стремилась к объединению южных славян под своим лидерством. Неоднозначность подходов к решению этой задачи и множество различных моделей объединения служат хорошим объектом для исследования в рамках изучения балканской проблематики и национализма как такового.

Концентрированным выражением внешнеполитических устремлений сербского правительства стала программа «Начертание», разработанная деятелями польской эмиграции в Сербии, прежде всего Франьо Захом, и сербским идеологом и политиком Илией Гарашаниным. Она стала результатом влияния общеевропейского национального конструктивизма и традиционного сербского этнокультурного дискурса, направленного на сближение с другими этническими группами южных славян. В данной программе ставился вопрос об объединении южных славян, рассматривавшихся Гарашаниным в качестве единого народа — сербов, которые, соответственно, должны были находиться под властью Сербии. Именно этот документ и сформулированные в нем идеи послужили отправной точкой для развития в дальнейшем идей пансербизма и балканского этнонационализма.

Идеи о «балканском братстве» выдвигались и до Гарашанина. Во времена Первого сербского восстания (1804–1813 гг.) призывы к единству южных славян прослеживались в патриотических стихах сербского просветителя и первого министра культуры независимой

Сербии Доситея Обрадовича (1742–1811 гг.). В своих произведениях он обращается к «славяносербскому народу», побуждая его к единству и национальному сплочению. Идеи Обрадовича о единстве основывались на языковом родстве, как и у Вука Караджича (1787–1864 гг.), сербского лингвиста и одного из основоположников сербского литературного языка). Обрадович говорил о едином славяносербском народе «от Адриатического моря до Дуная», отвергая религиозные и административные различия [1].

В отличие от Караджича и Обрадовича, Гарашанин руководствовался не культурными императивами, а политическими принципами, а потому само обоснование подобных идей в его «Начертании» выглядело совершенно иначе, чем у предшественников. Гарашанин говорил о необходимости взятия Сербией под свой контроль национальных движений на Балканах, как единственном способе сохранения сербского суверенитета.

Наиболее острым политическим вопросом того времени было противостояние югославянских (балканский панславизм) и великосербских (а в дальнейшем и великохорватских) взглядов на объединение балканских славян. «Начертание» в своем роде уникально, так как содержит в себе как югославянские, так и великосербские идеи. Несмотря на декларируемое верховенство Сербии в вопросах объединения балканских славян, ключевой была идея о создании единого южнославянского государства с сохранением культурных особенностей тех или иных этнокультурных групп, отвечая таким образом на запросы югославистов и сохраняя при этом великосербскую окраску.

«Начертание» рассматривается в историографии с разных сторон. Например, сербский историк Драгослав Странякович считал эту программу выражением южнославянской политики, отрицая пансербизм в ее содержании. Во времена Югославии существовало две точки зрения в отношении «Начертания» — теория об исключительно сербском генезисе программы при ориентации на интересы всех южных славян (Воислав Вукчкович) и теория о заимствовании идей у польской эмиграции (Радослав Перович). Промежуточную позицию занимал историк Васа Чубрилович, считавший факт заимствования имевшим место, но не ключевым. Чубрилович также говорил о великосербской направленности программы, чего придерживались также и хорватские авторы.

В составлении программы «Начертание» действительно активное участие принимали деятели польской эмиграции, а также чех Франтишек Зах (1807–1892 гг.), написавший черновую версию программы. Начальный план Заха был поделен на семь пунктов. Проект «Начерта-

ния» первоначально носил югославянский характер, однако после правок, внесенных Гарашанином, стал ориентироваться на более прагматические идеи о сербском единстве. Придерживавшийся собственных взглядов на национальный вопрос, Гарашанин считал югославянскую идею нереализуемой в современных ему условиях.

Ключевым является пункт, посвященный взаимоотношениям с Боснией, Герцеговиной, Черногорией и Северной Албанией, а именно с «турецкими сербами». Вышеперечисленные области считались сербами «своей землей», которая должна по праву принадлежать единому южнославянскому государству. Программа предусматривала налаживание взаимоотношений с ними путем культурного влияния и некоторых необходимых уступок. Так, например, по плану Гарашанина предусматривалось введение свободы вероисповедания для всех христиан, а впоследствии, возможно, и мусульман. Особенно остро эта проблема стояла в Боснии и Герцеговине, где большая часть населения исповедовала ислам, однако все еще имела этнокультурную связь с Сербией.

Гарашанин отталкивался от того, что сербские культурные традиции являлись доминирующими в регионе. Он считал, что, несмотря на религиозно-бытовые различия, связанные с политикой Османской империи, «турецкие сербы» сохранили этнокультурное единство, невзирая на отсутствие территориальной общности. Однако данная точка зрения оказалась крайне спорной. Несмотря на определенное сербское культурное влияние, далеко не все «турецкие сербы» ассоциировали себя с Сербией. Применительно к XIX в. можно говорить о наличии этнического самоопределения, например, у боснийских мусульман, не стремившихся к единству с сербами на изложенной в «Начертании» основе.

Сербия стремилась стать покровительницей всех турецких славян. Для этого, помимо вышеперечисленных задач, предпринимались усилия по распространению сербского культурного влияния. Программа ставила целью установление доверительных отношений между южными славянами и закрепление культурно-религиозной толерантности в рамках этих отношений. Гарашанин стремился распространить государственное устройство Сербии на Боснию, для чего предполагалось принимать на сербскую службу молодых боснийцев для передачи им опыта. Ставился вопрос о популяризации кириллицы на территории Боснии, а также о налаживании отношений с боснийскими католиками путем установления тесных связей с монахами-францисканцами.

Данные цели предполагалось достичь через деятельность агентов, действующих на славянских территориях. Более конкретных методов

в программе не указано, однако в ней говорится о поступательности вышеуказанных действий. Гарашанин, несмотря на революционное происхождение самой Сербии, не был сторонником революций. Рассчитывая на историческое доминирование сербов и постепенность в достижении целей, он предполагал через некоторое время превратить Сербию в центр консолидации турецких славян. Именно дипломатический и ненасильственный подход был присущ Гарашанину на пути к консолидации балканских славян.

Так почему же «Начертание» в конечном итоге не было реализовано в полной мере? Стоит говорить о множестве различных факторов. Отказываясь от югославизма, Гарашанин невольно придал этому документу пансербскую окраску. Именно отсутствие понимания реальной ситуации с этническими границами в регионе не позволили «Начертанию» и вообще объединительным проектам Сербии быть успешными.

Сербы, проживавшие на территории Османской империи, несмотря на свои симпатии к молодому государству с родственной национальной основой, все еще жили с образом спасителя от турецкого ига в лице России. Гарашанин же в своей программе хоть и не выступал открыто против политики Николая I, однако так или иначе стремился к «перехвату» турецких славян из российской сферы влияния. Само собой, сербские планы противоречили российским интересам, и в долгосрочной перспективе уставобранители стремились избавиться от покровительства России. Кроме того, боснийские мусульмане, в отличие от представлений Гарашанина, уже не связывали себя с христианской Сербией, зачастую даже противопоставляя себя ей.

Есть основания говорить о том, что Сербия не располагала достаточными средствами для достижения своих целей. Изложенная в программе идея о тайных правительственных агентах требовала отлаженной работы бюрократического аппарата, что, разумеется, невозможно было достичь в молодой и бедной стране, где бюрократия еще только зарождалась.

На практике изложенные в «Начертании» идеи были труднореализуемы, и попытка их воплощения на практике случилась гораздо позже (создание Королевства СХС). Гарашанин и Зах оказались правы в своем прогнозе, касавшимся распада бывших славянских частей Османской империи на множество мелких государств, что шло вразрез с внешнеполитическими целями «Начертания».

Литература

1. Белов М. Манифест сербской национальной бюрократии (историографические заметки о «Начертании» И. Гарашанина 1844 г.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007. № 1. С. 205–211. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/manifest-serbskoy-natsionalnoy-byurokratii-istoriograficheskie-zametki-o-nachertanii-i-garashanina-1844-g

2. Гарашанин И. Начертаније. 1844. URL: http://www.rastko.rs/istorija/garasanin_nacertanije_c.html1

3. Карасев А. Югославянская идея во внешнеполитических планах И. Гарашанина // Славянский альманах: 2001. М., 2002. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/yugoslavyanskaya-ideya-vo-vneshnepoliticheskih-planah-i-garashanina

4. Никифоров Д. На пути к Восточному кризису 1875–1878 гг.: Босния и Герцеговина в плане Илии Гарашанина «Начертание» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 5. С. 48–52. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/na-puti-k-vostochnomu-krizisu-1875-1878-gg-bosniya-i-gertsegovina-v-plane-ilii-garashanina-nachertanie

5. Никифоров К. «Начертание» Илии Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. М., 2015. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/2015_nikiforov.pdf 1

6. Обрадовић Д. Живот и прикљученија1783–1784 // Антологија Српске Књижевности. 2009. URL: http://www.antologijasrpskeknjizevnosti.rs/ASK_EN_AzbucnikDela.aspx

7. Чубриловић В. Историја политичке мисли у Србији 19 века. Београд, 1956.

Н.Ю. Самойлов

Великобритания и Содружество Наций в 1949–1982 гг.: отдельные аспекты реализации политики «мягкой силы»

Концепция “Soft Power” Джозефа Ная сохраняет популярность среди ученых по всему миру. Однако широкая известность концепции привела к множественности ее трактовок. Для рассмотрения британского опыта использования «мягкой силы» мы остановимся на определении, данном самим Дж. Наем: «Способность получить то, чего вы хотите, скорее благодаря привлекательности, чем посредством принуждения или платежей» [1, p. 10]. Хронологические рамки статьи обусловлены принятием Лондонской декларации 1949 г. [2], фактически создавшей Содружество в том виде, в котором оно существует по нынешний день, и Фолклендским конфликтом 1982 г., когда Вели-

кобритания применила военную силу для защиты своих заморских территориальных владений.

После Второй мировой войны распад прежней колониальной системы стал неизбежен. Хотя Великобритания вошла в число победителей, ее экономика, военные возможности и финансовые резервы были истощены. Демонтаж старых колониальных империй, таких как Великобритания и Франция, идеологически поддерживался набиравшим силу Советским Союзом. Выступали за деколонизацию и США. Мир изменился, трудность удержания заграничных территорий и силового давления на заведомо более слабые государства показали неудачная война Франции в Индокитае в 1945–1954 гг. и Суэцкий кризис 1956 г. Начиная с 1961 г. в ООН существовал «Комитет по деколонизации», целью которого было оказание помощи странам, находящимся в колониальной зависимости. Было очевидно, что в сложившихся обстоятельствах сохранение колониальной империи в прежнем виде невозможно. Великобритания отказалась от удержания колоний в орбите своего влияния через «жесткую силу», и определяющую роль в ее внешней политике стала играть «мягкая сила».

Одним из важнейших компонентов «мягкой силы» является язык. Еще во времена так называемой «Pax Britannica» правящие элиты Великобритании способствовали изучению английского языка в колониях, в частности, в Индии [3, с. 87–88]. Для более эффективной работы в этом направлении в 1934 г. был создан Британский Совет (British Council), в сферу деятельности которого входило продвижение языка и культуры Великобритании в мире. После Второй мировой войны процесс превращения английского в язык международного общения продолжился с новой силой. Популяризацией идеи лояльности Содружеству, в частности, на основе исторической общности судеб входящих в него стран, занималась негосударственная организация Королевское общество Содружества (Royal Commonwealth Society), основанная еще в 1868 г. [4]. Британский Совет и Королевское общество Содружества действуют и в настоящее время.

Необходимо отметить ту роль, которую играет образование в британской Soft Power. Согласно международным рейтингам [5], многие британские университеты стабильно входят в числе наиболее престижных учебных заведений мира по большинству направлений подготовки. Оксфорд, Кембридж, Лондонский Университет являются не только узнаваемыми брендами, но и местами подготовки будущей элиты как Великобритании, так и стран Содружества. На основе открытых источников в сети Интернет были проанализированы биографии ведущих политиков Содружества по состоянию на апрель 1982 г.

Поскольку в Содружестве состоят государства с разными формами правления, было решено рассматривать тех политиков, чей объем формальных властных полномочий является наибольшим. Таким образом, в президентских и смешанных республиках рассматривались президенты, в парламентских республиках — премьер-министры, в королевствах с собственными монархами — монархи, в так называемых «Королевствах Содружества», где главой оставалась Елизавета II — генерал-губернаторы. Было установлено, что из 45 тогдашних стран-членов Содружества (Соединенное Королевство не учитывалось) 23 высших государственных деятеля учились в Великобритании: 2 из 4 королей, 7 из 16 генерал-губернаторов, 10 из 20 президентов, и 4 из 5 премьер-министров. Учитывалось любое образование, полученное в Великобритании. Лидером по числу выпускников стали Лондонский университет (9 выпускников) и Оксфорд (6 выпускников). В основном будущие лидеры стран Содружества изучали гуманитарные и общественные науки, но встречались и выпускники, получившие образование в области ветеринарии (Д.К. Джавара, президент Гамбии), теологии (К. Банана, президент Зимбабве). Стоит отметить, что многие будущие лидеры учились в учебных заведениях стран Содружества, в основном в Австралии и Новой Зеландии. Это характерно для уроженцев стран Азиатско-Тихоокеанского региона (генерал-губернатор Фиджи Д. Какобау, президент Науру Х. Де-Робурт). Встречались и те, кто учился только на территории своих родных государств (президент Замбии К. Каунда). Трудно измерить, насколько большим было влияние британской системы образования на первых лиц стран Содружества. Но тот факт, что 23 из 45 глав государств проходили обучение в Великобритании, говорит о наличии очень тесных связей между странами Содружества и бывшей метрополией. Способствовал их укреплению принятый в 1959 г. в Оксфорде План стипендий Содружества (The Commonwealth Scholarship and Fellowship Plan), предусматривающий покрытие стоимости обучения выпускников и работников университетов стран Содружества в британских учебных заведениях. План действует по нынешний день [6]. Перечисленные выше элементы «мягкой силы», а также грантовые и стипендиальные программы составляли основу молодежной политики Великобритании в отношении стран Содружества в тот период времени. Она была направлена на поддержание лояльности и выявление талантливой молодежи, будущих лидеров своих стран. Эта практика не только сохраняется в настоящее время, но и приобретает все больший масштаб.

В качестве символа единства стран Содружества выступали Игры Содружества (Commonwealth Games) [7], впервые состоявшиеся в ка-

надском Гамильтоне в 1930 г. В целом, это аналог Олимпиады: проводятся Игры каждые 4 года, существуют Летние и Зимние Игры, меняются страны-организаторы и варьируется набор соревновательных дисциплин. Страна-организатор может добавлять в регламент один или несколько видов спорта, популярных именно в ней, что повышает интерес местного населения к проходящим соревнованиям.

Экономические связи Великобритании со странами Содружества оставались в данный период времени очень тесными. Во-первых, этому способствовало существование Стерлинговой валютной зоны. Во-вторых, Великобритания для большинства стран Содружества (кроме Канады, экономически ориентированной в большей степени на США) оставалась главным торговым партнером, инвестором, поставщиком технологий. Пик экономического сотрудничества пришелся на 1950–1960-е гг. Начиная с 1970-х гг., экономические связи между Великобританией и странами Содружества становятся менее тесными ввиду постепенного распада Стерлинговой валютной зоны [8, p. 22–23]. «Мягкая сила» Великобритании в экономике проявлялась в том, что странам Содружества было выгодно в нем состоять. Великобритании удалось из ранее зависимых от нее стран создать работающее экономическое пространство, которое не только не требовало огромных финансовых вложений, но и приносило реальную пользу всем его участникам. О привлекательности Содружества как экономического объединения говорит и тот факт, что случаи выхода из него единичны (хотя членство в Содружестве добровольное), а некоторые из вышедших из Содружества стран испытывают острые проблемы с экономикой, например, Зимбабве.

Хотя Великобритания постепенно сокращала административный аппарат и передавала полноту власти государствам Содружества, ее политическое влияние оставалось в них в период 1949–1982 гг. сильным. Стоит отдельно выделить институт генерал-губернаторов. Назначал кандидата на эту должность монарх после консультации с премьер-министром того государства, где генерал-губернатор должен был работать. Исключением являлись Соломоновы острова и Папуа — Новая Гвинея. В этих государствах генерал-губернатора избирал парламент, а монарх лишь утверждал победившего кандидата. Абсолютное большинство генерал-губернаторов рассматриваемого периода времени были уроженцами той страны, в которой они получали этот пост. Единственное исключение — рожденный в Австралии Дэвид Битти, исполнявший обязанности новозеландского генерал-губернатора в 1980–1985 гг. Полномочия генерал-губернаторов в целом схожи: по существу, они являлись представителями британского монарха.

Хотя эту должность можно считать в чем-то формальной и «церемониальной», генерал-губернаторы обладали широкими реальными полномочиями. Это можно увидеть на примере канадского генерал-губернатора [9, p. 3–4]. Таким образом, британский монарх фактически являлся главой исполнительной власти в 16 государствах Содружества, в том числе в экономически развитых Австралии, Канаде и Новой Зеландии. Практика назначения генерал-губернаторов сохранилась до настоящего времени.

Подводя итоги, выделим основные элементы «мягкой силы» Великобритании в странах Содружества в 1949–1982 гг. Во-первых, это культурное влияние через продвижение английского как официального языка Содружества; система грантов и стипендий для заинтересованных и активных людей, в первую очередь — перспективной молодежи. Во-вторых, идеологическая работа: продвижение идей единства и исторической общности, проведение Игр Содружества. В-третьих, постепенная трансформация жесткого, «вертикального» колониального управления в более «горизонтальное», что проявилось в передаче большинства административных функций местным органам власти. При этом сохранение института генерал-губернаторов не ослабило реального контроля за отдаленными территориями. В целом, успешной перестройке Британской Империи в Содружество наций способствовало понимание британскими элитами реалий изменившегося мира. Произошедшая в XX в. под влиянием двух мировых войн трансформация мировой политики способствовала тому, что «жесткая сила» стала играть во внешней политике государств значительно меньшую роль. Британская политическая элита своевременно почувствовала начало перемен, ведь идея Содружества возникла еще до Второй мировой войны, а элементы «мягкой силы» использовались Британской империей и до XX в. Успеху содействовало и комплексное использование разных элементов «мягкой силы». Невозможно было бы добиться результата через отдельные ее составляющие, используя только культуру, имиджевую привлекательность, политику или экономику.

Литература

1. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

2. Лондонская декларация 1949 г. URL: http://thecommonwealth.org/sites/default/files/history-items/documents/London%20Declaration%20of%201949.pdf

3. Аноп А.Ф. Образовательная политика Великобритании в странах содружества // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. №3 (29).

4. Королевское общество Содружества. URL: https://thercs.org

5. QS World University Rankings. URL: https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018

6. Evaluating Commonwealth Scholarships in the United Kingdom: Assessing Impact in Key Priority Areas. URL: http://cscuk.dfid.gov.uk/wp-content/uploads/2011/03/evaluation-impact-key-report.pdf

7. Официальный сайт Игр Содружества. URL: https://thecgf.com

8. Schenk C. The Decline of Sterling. Cambridge, 2010.

9. A Consolidation of the Constitution Acts, 1867 to 1982. URL: http://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/CONST_E.pdf

П.В. Ульянов

Образ России как «союзника» в британской пропаганде периода Первой мировой войны

В период Первой мировой войны пропаганда в Великобритании носила массовый и широкомасштабный характер, проводилась под руководством центрального органа и была направлена на систематическое манипулирование массовым сознанием. Для создания унифицированной сферы общественного мнения британские пропагандисты в процессе проведения агитационных кампаний применяли различные методы и технологии с целью формирования в массовом сознании представлений о том, кто был «врагом», а кто играл роль «союзника». При этом «образ союзника», черты которого были вписаны в содержание пропаганды, использовался как фактор «мягкой силы» и мотивации населения на поддержку «дружественного объекта».

Правительство Великобритании применяло пропаганду для продвижения и насаждения в массовом сознании идеи о том, что страна в войне участвует не одна. Оно стремилось направлять общественное мнение внутри страны и за ее пределами, чтобы управлять массовой аудиторией и ориентировать ее в то русло, которое было вызвано военно-политической обстановкой. Задача правительства сводилась к координированию агитационной деятельности периодической печати, общественных организаций, писателей и публицистов, направленной на привлечение внимания массовой общественности к военному конфликту. При поддержке правительства британские пропагандисты применяли «мягкое» информационное воздействие для целенаправленного формирования положительного и даже привлекательного «об-

раза союзника», что было крайне необходимо в военных условиях для привлечения в вооруженные силы мужского населения и обеспечения тем самым мобилизации на фронт.

В связи с этим цель работы заключается в том, чтобы выделить задачи, которые была призвана решить пропаганда «образа союзника» как фактор «мягкой силы» и даже «мягкого воздействия». В качестве примера взят британский опыт пропаганды среди массовой аудитории образа России в качестве «союзника» Великобритании в период Первой мировой войны.

Со вступлением Великобритании в августе 1914 г. в вооруженный конфликт с Германией и ее союзниками британское правительство отдало распоряжение о создании при министерстве иностранных дел Бюро военной пропаганды во главе с журналистом Ч. Мастерманом [1, p. 119]. В свою очередь Бюро перед собой поставило задачу по продвижению идеи о войне как о «всеобщем долге» по защите мира от «общего врага» в лице Германии. Поэтому пропаганда образа России как «союзника» выполняла функцию мотивации широких масс на проявление интереса к войне в самой стране и даже на территориях британских морских владений.

Для формирования привлекательного образа России как «союзника», на которого возлагали большие надежды, Бюро в первую очередь поставило задачу по его улучшению. Ведь на протяжении большого промежутка времени Россию в Великобритании ассоциировали с бородатым мужиком, играющим на балалайке и пьющим водку. Однако военные события заставили британских пропагандистов направить силы на улучшение образа России, чтобы подчеркнуть в ней неприятие идей «милитаризма» и «военщины». По этому поводу английские писатели Г. Уэллс и А. Клаттон-Брок отмечали, что Великобритания и Россия в «едином союзе» борются с доктриной и идеологией «прусского милитаризма» [2, p. 9, 15, 90–91; 3, p. 10, 14, 26]. Однако, по словам британского политического деятеля Д. Ллойд Джорджа, Россия все еще ассоциировалась с русским самодержавием, сибирскими тюрьмами, массовыми еврейскими погромами и избиением рабочих, отчего ее образ был среди британцев непопулярен [4, p. 61]. И все же улучшение образа России в средствах коммуникаций продолжалось. Этим занялся британский писатель Г. Честертон, который при сравнении черт варварства России и Германии пояснил, что «варварство российское» менее тяжкое, чем «германское варварство», и сама Россия базировалась на общечеловеческих ценностях, что характеризовало ее как «достойного союзника» [5, p. 78, 79].

Конечно же, развенчание русофобских стереотипов было вынужденной мерой. Данный аргумент имел место в памфлете ирландского драматурга Б. Шоу. Автор подчеркивал, что победа над Германией недостижима без помощи России [6, p. 57, 58]. По этому же поводу писатель Г. Уэллс продвигал идею о том, что после победы над Германией Россия пойдет по пути модернизации и вестернизации и в будущем не будет представлять угрозу Великобритании [2, p. 63-64]. В поддержку писателей выступили британские публицисты, которые в газете «Standard» приписали России решительное желание сражаться в первых рядах демократической Европы против «военизированной» Германии [7]. С другой стороны, о России как о «союзнике» писали в газете «The Times», призывая забыть о распрях и противоречиях с «восточным соседом» и включиться в борьбу с «общим врагом» [8, p. 9] и оправдывая поражения на Восточном фронте российских солдат весной 1915 г. с целью показать способность «союзника» пойти на жертвы [9, p. 9]. Следовательно, задача пропаганды «образа союзника» заключалась не только в продвижении привлекательного образа России, но и в смягчении деморализующего фактора, способного повлиять на сознание солдатских масс.

С марта 1915 г. помимо Бюро, в которое для создания положительного образа России привлекались британские эксперты по исследованию этой страны Б. Пэйрс, Ч. Сароли, Д. Уоллес и Г. Файф, начало работу «Общество друзей России» [10, с. 56]. Члены этого общества выступали за проведение пропаганды в британских владениях, прежде всего, в доминионах (Канаде, Австралийском Союзе, Новой Зеландии и других), чтобы продвигать наравне с идеей «содружества наций» образ России как «верного своим обязательствам союзника» и привлекать подданных империи вступать в добровольческие корпуса. С этой целью британский писатель Ч. Сароли даже противопоставлял «высокодуховных» россиян «немцам-нигилистам» и первых превозносил как «достойных союзников» в единой борьбе всех наций против Германии как «общего врага» [11, p. 35, 36]. Следовательно, в процессе продвижения идеи «содружества наций» пропагандисты побуждали всех подданных принять сторону «союзника», ставшего символом «единства», невзирая на приписанные ему типические отрицательные стереотипы «варвара».

При этом привлекательный «образ союзника» был крайне необходим, чтобы успокоить население и солдатские массы Великобритании. Для этого пропагандисты целенаправленно формировали образ России как страны с «огромными людскими силами» и продвигали посредством слухов мифы о «массовой переброске» российских войск на За-

падный фронт [12, p. 24]. Большие надежды возлагали пропагандисты на русский «паровой каток» (многочисленную российскую армию), способный сокрушить немцев на Восточном фронте [13, p. 89]. Пропагандистский миф о мощности «парового катка» основывался на сведениях о российско-французских переговорах, в которых шла речь о переброске трехсоттысячного экспедиционного корпуса России на Западный фронт для оказания помощи французам. Эти сведения носили сомнительный и непроверенный характер, но в прессе публиковались свободно и были популярны среди солдат. Так, в газете «Daily News» появилась информация о том, что российские войска на Западном фронте одновременно пополнили армию Бельгии, чтобы оказать «германцам» мощное сопротивление, и приняли участие в сражениях на юго-востоке Франции в составе французских корпусов [14]. Продвижение в массы пропагандистских мифов шло с целью воздействия на все население страны, особенно на молодое поколение и пацифистов. Британские агитаторы пытались пристыдить тех, кто отказывался или не хотел идти на войну, придать уверенности людям в том, что Великобритания воюет с Германией не одна и призвать подданных не только в метрополии, но и в доминионах бороться до конца.

Популярным в британской пропаганде был образ «русского медведя», носивший амбивалентный характер. В качестве примера можно привести две британские карикатуры из сатирического журнала «Punch». На одной из них художник нарисовал медведя на фоне зимы [15, p. 443], тем самым отразил в «русском мишке» черты силы, превосходства, стойкости и выносливости, особенно в нем показал способность российских солдат переносить холод и одерживать превосходство над «врагом» во время зимних кампаний. По этому поводу британский писатель Б. Пэйрс связал моральную стойкость русских солдат с наличием у них религиозного духа [16, p. XI, 70, 71], а британский репортер С. Лидделл, приписав российским солдатам черты терпеливости, храбрости и стойкости, предположил, что зависят они от холодного времени [17, p. 1–3]. На другой карикатуре того же журнала был изображен «русский медведь», схвативший германского кайзера Вильгельма II [18, p. 25]. В основе сюжета лежала идея о силе и мощи российских войск, противостоящих Германии на Восточном фронте. В результате роста популярности узнаваемого и понятного для британской аудитории образа агитаторы подчеркивали в «русском медведе» положительные черты, тем самым создавали миф о его «грозной силе» и непобедимости. Следовательно, образ «русского медведя» должен был мотивировать население на борьбу и привлечь как можно больше мужчин в армию.

С другой стороны, в связи с революционными событиями 1917 г. Россия в британской пропаганде перестала восприниматься «союзником», хотя на тот период премьер-министр Д. Ллойд Джордж выражал надежду на скорое проявление признаков поддержки военных действий со стороны россиян [19, p. 178]. Но Февральская революция ускорила процесс разложения вооруженных сил и распада государственного порядка, а после Октябрьской революции Россия в Великобритании ассоциировалась с пораженческими настроениями. В качестве примера даже можно привести карикатуру с изображением лежащей на полу медвежьей шкуры, расстеленной для германского кайзера Вильгельма II и австро-венгерского императора Карла [20, p. 195]. На ней «русский медведь» уже не рассматривался как «сильный союзник», поскольку был разгромлен, отчего воспринимался «слабым» и «беспомощным». С другой стороны, поражение России в связи с революцией в стране было показательным примером для британской общественности того, что ожидает государство в результате уступки «врагу». Подобное «мягкое воздействие» оказывалось в первую очередь на жителей Ирландии (в которой в апреле 1916 г. вспыхнуло вооруженное восстание), чтобы подавить в сознании людей революционные настроения и сепаратистские устремления.

Таким образом, британская пропаганда образа России как «союзника» была направлена на решение нескольких задач. Первая задача предполагала успокоение населения и солдатских масс в военное время. Вторая задача сводилась к тому, чтобы привлечь в вооруженные силы Великобритании как можно больше мужского населения, мотивировать их на военные подвиги. Особенность пропаганды «образа союзника» заключалась в том, что по отношению к России она проводилась в русле улучшения ее образа в сторону привлекательности. Правда, тенденция развития образа свелась к его изменению в отрицательную сторону в связи с революционными событиями 1917 г. В целом же пропаганда «образа союзника» выполнила основную задачу в том, что в обществе активно продвигалась и насаждалась идея о том, что Великобритания в войне выступала в «священном союзе» с Россией как с «союзником» по Антанте против Германии как «общего врага».

Литература

1. Sanders M.L. Wellington House and British Propaganda during the First World War // The Historical Journal. Vol. 18. № 1. 1975.

2. Wells H. The War That Will End War. L., 1914.

3. Clutton-Brock A. Thoughts on the War. L., 1915.

4. Lloyd George D. War Memories. Vol. I. 1914–1915. Boston, 1933.
5. Chesterton G. The Barbarism of Berlin. London, 1914.
6. Shaw B. Common Sense about the War // The New York Times Current History. The European War. Vol. 1. N.Y., 1915.
7. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 139. Оп. 476. 1914 г. Д. 588. Л. 202.
8. The Times. 1914. 19 Nov.
9. The Times. 1915. 27 May.
10. Адамов Д.П. Образ союзника: Россия глазами британской общественности в годы Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1(42).
11. Sarolea C. Great Russia: Her Achievement and Promise. N.Y., 1916.
12. Ponsonby A. Propaganda Lies of the First World War. L., 1928.
13. Хмелевская Ю.Ю. Великая война: английский национальный характер и социально-психологический опыт британской армии (1914–1918): дисс.… канд. ист. наук. Пермь, 2000.
14. АВПРИ. Ф. 140. Оп. 477. 1914 г.
15. The Souvenir // Punch. 1915. Vol. 149.
16. Pares B. Day by Day with the Russian Army, 1914–1915. L., 1915.
17. Liddell R. On the Russian Front. London, 1916.
18. The Brusiloff Hug // Punch. 1917. Vol. 153.
19. Suttie A. Rewriting the First World War: Lloyd George, Politics and Strategy, 1914–1918. N.Y., 2005.
20. Bolshevized Literature // Punch. 1918. Vol. 154.

А.В. Щепеткова, В.Н. Козулин

Зарождение русско-французской торговли и ее влияние на развитие дипломатических отношений между Россией и Францией

Установление дипломатических отношений между Россией и Францией — это проблема, которая вызывает споры у историков и в наше время. Данная тема крайне актуальна в наши дни. Во-первых, Франция была и остается одним из важных торговых партнеров России, а о торговых партнерах для успешного ведения бизнеса нужно знать все. Во-вторых, столь ранний период русско-французских отношений еще крайне мало изучен, до нас дошли лишь немногие источники. И наконец, данная тема представляет немалую пользу для людей, интересующихся русско-французскими отношениями, причинами их зарождения и первыми контактами этих двух держав.

Конечно, исследованием русско-французских отношений занимались многие историки, как отечественные, так и зарубежные. До нас дошли даже записи самого Жана Соважа, совершившего первое торговое путешествие. Они представляют собой очень важный источник, он называется «Путь и время года, которые следует избрать для путешествия к Святому Николаю в Московии через Север». В записях Соважа мы можем наблюдать многочисленные природные явления, а также обычаи и традиции населения Архангельска, куда и держали путь отважные путешественники. И если описание природных явлений не совсем достоверно, то описание товаров, привозимых купцами и советы по поводу отправки кораблей в обратное путешествие представляют собой весьма ценные сведения, на которые опирались как будущие путешественники, так и историки. Также, на наш взгляд, интересным источником является произведение Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где описаны некоторые стереотипы о русском народе.

Из отечественных авторов, которые занимались этой проблемой, можно выделить Павла Владимировича Безобразова [1] и Владимира Степановича Иконникова [2], а также Федора Федоровича Мартенса [3]. Они описали путешествие и его результаты. Среди зарубежных историков наиболее известны Альфред Рамбо и Уильям Стирнс Дэвис.

Целью статьи является выявление влияния первого торгового путешествия на дальнейшие дипломатические и торговые отношения между Россией и Францией.

Истоки контактов между Россией и Францией можно видеть еще в 1050-х гг., когда дочь киевского князя Ярослава Мудрого Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I [1, с. 1]. После этого до XVI в. взаимодействие между странами прекратилось. Отношения возобновились лишь в конце XVI столетия, гораздо позднее, чем установились отношения с другими европейскими странами. До первого торгового путешествия государи России и Франции ограничивались дипломатической перепиской, поэтому имели весьма смутное представление друг о друге. Россия для большинства стран Европы выглядела как варварское государство, порой больше похожее на Азию, нежели на Европу. Тот же Франсуа Рабле, например, ставит московитов в один ряд с турками, евреями, татарами, мамелюками и сарраборитами [4, с. 513]. Тем не менее Россию признавали как сильную военную державу и страну с перспективной экономикой. В политическом же плане в XVI в. Россия казалась деспотией Ивана Грозного, но послы, приезжавшие на приемы к царю, поражались его радушию, здравому смыслу, интеллигентности, а также заинтересованности в том, что происходит в Европе [5, с. 467]. Что касается Франции, то

в Москве ее видели как утонченную и высокоразвитую державу, как очень выгодного союзника, способного помочь России в борьбе против ее вечных противников: Польши, Турции и Швеции [3, с. VII–VIII]. Тем не менее, поскольку страны располагались достаточно далеко друг от друга, Россия имела об этой державе весьма смутное представление.

В конце XVI в. из Франции в Россию было совершено несколько торговых путешествий. Французские купцы поняли, что торговля с Россией крайне выгодна, жители Франции переезжали в Россию, «занимались торговлей или разными художествами» [3, с. X]. Наиболее известными людьми, которые первыми отважились совершить такое рискованное путешествие, были Жан Соваж и его компаньоны Никола дю Ренель и Жермен Коллад. В 1586 г. они достигли города Вардё (Варгаев), заплатили пошлину и направились в Архангельск и Холмогоры. В Архангельске Соваж, Ренель и Коллад встретились с московскими купцами, которые привезли с собой сало, воск, лен, пеньку и множество других товаров [6, с. 71]. Жан Соваж и его компаньоны оставили французам подробное описание пути в Архангельск, порядков таможен и городов, различных природных явлений, а также процедуры подготовки кораблей к обратному путешествию. Надо признать, что в целом описание путешествия было достоверным и почти не содержало стереотипов. Впрочем, Соваж отмечает, что крайне раздражительной привычкой русских была страсть к алкоголю [6, с. 65]. После этого путешествия, совершенного Соважем, Ренелем и Колладом в Московию, начинают плавать и другие известные купцы, доктора, военные и мореплаватели, такие как Маржерет, в начале XVII в. оставивший подробное описание Смутного времени, и Мельхиор де Мушерон. Мушерон был французским торговым агентом, которого французские купцы отправили торговать с Россией. Как уже было сказано ранее, ему запретили выезжать из страны и вынудили построить дом, пока Генрих IV не попросил для него свободы передвижения и торговли. После этого он продолжил торговать в России, «регулярно совершая поездки из России в Нидерланды и обратно» [6, с. 92].

О необходимости и выгодности торговли с Россией говорил и французский государственный деятель Шарль де Данзей, посол, представитель короля Генриха II. Данзей способствовал первому торговому путешествию Жана Соважа. Он убедил короля, что французы должны добиться тех же условий торговли, что и англичане, и при образовании торговой компании во Франции путешествие Соважа стало возможным. Данзей улаживал и некоторые проблемы этого путешествия. Его история довольно сильно отличалась от повествования са-

мого Соважа. Жан Соваж писал, что они заплатили пошлину, на самом же деле «…нашлись столь опрометчивые купцы из Дьеппа, что они попытались сжульничать, не заплатив королю Дании этой пошлины, предъявив фальшивые паспорта. Они могли бы быть наказаны за это, как того заслуживают, а их корабли и товары конфискованы…» [6, с. 79]. Если бы Шарль де Данзей не вмешался, поручившись за путешественников, возможно, торговые отношения с Московией так и не начались бы.

К концу XVI в. дипломатические отношения между странами еще не были развиты, хотя уже можно сказать, что они зародились. Путешествия французских купцов в Россию ускорили процесс сближения. Конечно, пока еще рано говорить о политических связях между Россией и Францией: раньше XVII в. государства просто не были заинтересованы в сотрудничестве. Но смелость некоторых французов и русских, их желание добиться выгоды заставили государей задуматься о вероятности политического сближения и его возможной пользе.

Пока же Жан Соваж и его компаньоны добились некоторых выгод в торговле с Московией. Более того, их путешествие способствовало тому, что в первой половине XVII в. несколько французских купцов убедили кардинала Ришелье продолжить взаимоотношения с Россией [1, с. 6–7]. Французские купцы очень грамотно составили записку, упомянув в ней возможность распространения католической религии в России с помощью французских поселений в России. Кардинал Ришелье способствовал организации французского посольства в Россию; таким образом, благодаря торговле между Францей и Россией, зародившейся после первого торгового путешествия Соважа и его компаньонов, в Версальском дворе начинает формироваться идея не только экономического, но и политического сближения стран, что в будущем сблизит эти два далеких государства.

Литература

1. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892.

2. Иконников В.С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.). Исторический очерк. Киев, 1893.

3. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. СПб., 1902. Т. XIII: Трактаты с Францией. С. I–LXXXVI.

4. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. Н. Любимова. М., 1961.

5. Rambaud A. La France et la Russie. Les origines de la diplomatie russe // La Revue politique et littéraire. Revue bleue. 12 avril 1890. T. XLV. № 15. P. 465-471.

6. Соваж Ж. Путь и время года, которые следует выбрать для путешествия к Святому Николаю в Московии через Север // Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. М., 2017. С. 62–100.

Список литературы по теме «Ресурсы „мягкой силы“: опыт использования государственными и негосударственными акторами»

Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Книги из фондов АКУНБ им. В.Я. Шишкова

Акопов, Г. Л. Интернет-технологии и формирование «электронной» демократии / Г. Л. Акопов // Государственное и муниципальное управление: ученые записки СКАГС. — 2012. — № 4. — С. 159–170.

Артеев, С. П. Субгосударственные акторы в системе международных отношений / рец. С. П. Артеев // Вестник МГИМО-Университета. — 2016. — № 5. — С. 167-171. — Рец. на кн.: Плотникова, О. В. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности / О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина. — Москва : Норма; ИНФРА-М, 2016. — 192 с.

Артеев, С. П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений / С. П. Артеев // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 419 (июнь). — С. 93-98.

Асатрян, Д. Армянская диаспора как транснациональный актор мировой политики / Д. Асатрян // Международная жизнь. — 2013. — № 8. — С. 174-180.

Багдасарян, В. Э. Мир под прицелом революции / Вардан Багдасарян. — Санкт-Петербург : Питер, 2017. — 319 с.: ил. — (Новая политика).

Багдасарян, В. Э. Россия — Запад : цивилизационная война / В. Э. Багдасарян. — Москва : Форум : ИНФРА-М, 2018. — 408, [1] с. — (Научная мысль).

Беляков, А. В. Россия и Китай. Две твердыни : прошлое, настоящее, перспективы / Анатолий Беляков, Олег Матвейчев. — Москва : Книжный мир, 2017. — 378, [1] с.: ил.

Богатуров, А. Д. Международные отношения и внешняя политика России : для магистрантов и аспирантов, обучающихся по специальностям «Политология», «Зарубеж. регионоведение», «Междунар. отношения» / А. Д. Богатуров ; Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России,

Каф. прикладного анализа междунар. проблем. — Москва: Аспект Пресс, 2017. — 479, [1] с.: ил. — (Рукописи не горят).

Болгов, Р. В. Сообщества пользователей интернет-проектов / Р. В. Болгов // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1. — С. 55-60.

Бояркина, О. А. Межгосударственные конфликты на трансграничных реках в центральноазиатском регионе / О. А. Бояркина. — Москва: Русайнс, 2017. — 104, [1] с.

Бояркина, Оксана Александровна. Водные конфликты в мировой политике: проблемы и перспективы / О. А. Бояркина. — Москва : Русайнс, 2017. — 96 с.: карты.

Буданова, И. А. «Акторность» еврорегионов / И. А. Буданова // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 3. — С. 57-63.

Вареник, М. С. Россия в условиях глобализации: поиски ценностного самоопределения / М. С. Вареник // Вестник Московского университета. — 2012. — № 1. — С. 84-98.

Василенко, Л. А. Стратегические приоритеты управления процессами гуманитарного сотрудничества стран ЕАЭС / Л. А. Василенко, Р. Р. Махмутов // Государственная служба. — 2017. — Т. 19, № 6. — С. 91–97.

Васильев, С. В. Геополитические акторы: сущность и типология / С. В. Васильев // Известия Уральского федерального университета. — 2013. — № 1 (112). — С. 167–180.

Васильева, В. М. К вопросу о сущности международного лоббизма / В. М. Васильева // Власть. — 2012. — № 2. — С. 174-176.

Ведерникова, М. И. Имиджевая политика ЕС : есть ли чему России поучиться у старого света? / рец. М. И. Ведерникова // Современная Европа. — 2016. — № 2. — С. 157-159. — Рец. на кн.: Хауер-Тюкаркина, О. М. Современная имиджевая политика Европейского Союза/ Хауер-Тюкаркина О. — Москва : Горячая линия — Телеком. — 2015. — 168 с.

Виноградов, А. А. Непридуманная Сирия / А. А. Виноградов. — Москва: Междунар. отношения, 2017. — 256 с., [4] л. цв. ил.

Внешняя политика России в условиях глобальной неопределенности / [П. А. Цыганков и др.] ; под ред. П. А. Цыганкова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. — Москва: Русайнс, 2017. — 277, [1] с.: ил.

Волков, С. В. США и Япония в мировой политике / С. В. Волков // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 5. — С. 62–69.

Вооружения, разоружение и международная безопасность: ежегодник СИПРИ : пер. с англ. / Стокгольм. междунар. ин-т исслед. проблем мира, Нац. исслед. ин-т мировой экономики и междунар. отношений им. Е. М. Примакова Рос. акад. наук ; [редкол.: А. А. Дынкин

и др.]. — Москва : ИМЭМО РАН, 1994. — Загл. корешка: Ежегодник СИПРИ. — 2016.–2017. — 1010, [1] с. — Пер. изд.: Armaments, disarmament and international security. — Oxford, 2016.

Геополитика: теория и практика : учеб. пособие / Г. Н. Смирнов [и др.] ; Дипломат. акад. МИД Рос. Федерации, Каф. политологии и полит. философии. — Москва : Проспект, 2017. — 222, [1] с.

Глобальные элиты в схватке с Россией / Александр Проханов [и др.]. — Москва : Кн. мир: Изборский клуб, 2017. — 509, [1] с.: ил. — (Коллекция Изборского клуба).

Гоптарева, И. Б. Глобальное управление как производная глобализации / И. Б. Гоптарева //Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 3, март. — С. 48–54.

Государственная политика и управление : учеб. пособие для вузов / [Н. С. Григорьева и др.] ; под. ред. проф. А. И. Соловьева. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 478, [2] с.: ил.

Грачиков, Е. Н. Геополитика Китая : эгоцентризм и пространство сетей / Е. Н. Грачиков. — Москва : Русайнс, 2017. — 233 с.: ил.

Гросул, В. Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века / Гросул В. Я.; В. Я. Гросул; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 407 с.

Гуторов, В. А. СМИ как актор политического процесса : эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. Ч. 1. / В. А. Гуторов // Известия Уральского федерального университета. — 2013. — № 3 (118). — С. 130–144.

Гуторов, В. А. СМИ как актор политического процесса: эволюция западных концептуальных подходов во второй половине XX в. Ч. 2 / В. А. Гуторов. // Известия Уральского федерального университета. — 2013. — № 4 (121). — С. 117–148.

Демин, А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования / А. В. Демин ; [Сибирский федер. ун-т, Юрид. ин-т]. — Москва : Проспект, 2017. — 240 с.

Долгов, Б. В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы : Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / Б. В. Долгов ; отв. ред. д-р ист. наук И. Д. Звягельская; Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения. — Москва : ЛЕНАНД: URSS, 2017. — 196 с.

Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии / [А. И. Подберезкин и др.] ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации. — Москва : Междунар. отношения, 2017. — 357 с.: ил. — (Государственная национальная политика и межнациональные отношения).

Дробот, Г. А. Трансформация функций и роли государства в глобализирующемся мире : концепция неоплюрализма Филипа Керни / Г. А. Дробот // Обозреватель. — 2015. — № 11 (310). — С. 5–20.

Елацков, А. Б. Общая геополитика : вопросы теории и методологии в географической интерпретации / А. Б. Елацков. — Москва : ИНФРА-М, 2018. — 249, [1] с.: ил. — (Научная мысль. Геополитика).

Идейно-символическое пространство постсоветской России : динамика, институциональная среда, акторы / [О. Ю. Малинова и др.] ; под ред. О. Ю. Малиновой; Рос. ассоц. полит. науки, Исслед. ком. по изучению идей и идеологий в публич. сфере. — Москва : РОССПЭН, 2011. — 285 с. — (Библиотека РАПН).

Ильин, И. В. Политическая глобалистика: учебник и практикум для акад. бакалавриата : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям / И. В. Ильин, О. Г. Леонова ; Фак. глобал. процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва : Юрайт, 2017. — 216 с. — (Бакалавр. Академический курс). — (УМО ВО рекомендует).

Кафтан, В. В. Противодействие терроризму: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. и юрид. направлениям / В. В. Кафтан ; Финансовый ун-т при Правительстве Рос. Федерации. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2017. — 260, [1] с.: ил. — (Национальная безопасность). — (Бакалавр и магистр. Модуль). — (УМО ВО рекомендует).

Керимов, А. Д. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса / А. Д. Керимов, И. Н. Куксин. — Москва : Норма: ИНФРА-М, 2017. — 93, [1] с.

Клямкин, И. М. 2016 год в России и Украине / Игорь Клямкин; Фонд «Либер. миссия». — Москва : Фонд «Либер. миссия», 2017. — 226 с.

Кокошин, А. А. Политика как общественный феномен : формы и виды политики, ее акторы, взаимоотношения с идеологией, военной стратегией и разведкой / А. А. Кокошин ; Фак. мировой политики Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, Ин-т проблем междунар. безопасности РАН. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : URSS: ЛИБРОКОМ, 2010. — 223 с. — (Политология мировой политики).

Конышев, В. Н. «Постпозитивистская революция» и философия мировой политики / В. Н. Конышев, А. А. Сергунин // Философские науки. — 2013. — № 9. — С. 54-64.

Коровин, В. М. Геополитика и предчувствие войны. Удар по России / Валерий Коровин. — Санкт-Петербург : Питер, 2018 [т. е. 2017]. — 286, [1] с.

Красавин, И. В. Офшоры как негосударственные акторы мировой политики / И. В. Красавин // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 2. — С. 62–67.

Ладыгин, Ф. И. Военно-доктринальный базис внешней политики США / Ф. И. Ладыгин, С. В. Афанасьев. — Москва : Кучково поле, 2017. — 207, [1] с.: ил., карты.

Латур, Б. Коперниковский переворот в политической теории / Б. Латур ; пер. с англ. А. Кузнецова ; ред. И. Напрееенко // Социология власти. — 2012. — № 6/7. — С. 235–254.

Латур, Б. Пересборка социального : введение в акторно-сетевую теорию/ Бруно Латур ; пер. с англ. И. Полонской. — Москва : Высш. шк. экономики, 2014. — 381, [1] с. — (Социальная теория). — Пер. изд.: Latour, Bruno Reassembling the social.

Лебедева, М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 47-55.

Лебедева, М. М. Акторы современной мировой политики : тренды развития / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1. — С. 38–42.

Лебедева, М. М. Ресурсы влияния в мировой политике / М. М. Лебедева // Полис: Политические исследования. — 2014. — № 1. — С. 99–108.

Лебедева, М. М. Технология ведения международных переговоров: учеб. для студентов вузов и фак. гуманитар. и социал.-экон. профиля / М. М. Лебедева ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 205, [1] с.: ил., портр.

Ли Куан Ю. Мой взгляд на будущее мира/ Ли Куан Ю ; пер. с англ. [И. Евстигнеева]. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2017. — 445 с. — Пер. изд.: Lee Kuan Yew One man’s view of the world.

Ли, М. Фашизм: реинкарнация: от генералов Гитлера до современных неонацистов и правых экстремистов/ Мартин Ли ; [пер. с англ. А. Ю. Колгашкина ; под ред. Е. В. Гориной] ; Ин-т внешнеполит. исслед. и инициатив. — Москва : Кучково поле, 2017. — 508, [3] с. — (Реальная политика).

Лимонов, Э. В. Свежая пресса : [летопись времен новейшей истории] / Эдуард Лимонов. — Москва : Центрполиграф, 2017. — 446, [1] с.: портр.

Лопатина, Н. В. Информационная инфраструктура общества : современные проблемы функционирования и развития / Н. В. Лопатина // Информационные ресурсы России. — 2014. — № 2. — С. 13–15.

Майтдинова, Г. М. Геополитическая динамика в постсоветской Центральной Евразии в начале второго десятилетия XXI века /

Г. М. Майтдинова // Известия Уральского федерального университета. — 2013. — № 3 (118). — С. 36–45.

Международные организации и урегулирование конфликтов : учеб. пособие / [В. А. Аватков и др. ; отв. ред.: Т. А. Закаурцева, Т. В. Каширина] ; Дипломат. акад. М-ва иностр. дел Рос. Федерации. — Москва : Дашков и К°, 2017. — 187 с.

Мельников, С. С. Конфликт между Россией и Западом в российской политической карикатуре // С. С. Мельников // Полис. Политические исследования. — 2018. — № 2. — С. 100–114.

Мировой социально-политический процесс и идеология гуманизма XXI века / [Г. Г. Водолазов и др. ; отв. ред.: В. В. Минаев и др.]; Рос. гос. гуманитар. ун-т. — Москва: Русайнс, 2017. — 357 с.: ил.

Мирошниченко, И. В. «Новые сетевые» акторы / И. В. Мирошниченко, Н. А. Рябченко, К. В. Ячменник // Вестник Пермского университета. — 2017. — № 1. — С. 150-163.

Мирясова, О. А. Российская оппозиция как актор институциональных трансформаций / О. А. Мирясова // Полис: Политические исследования. — 2013. — № 5. — С. 112–120.

Назмутдинов, Б. В. Законы из-за границы : политико-правовые аспекты классического евразийства / Б. В. Назмутдинов. — Москва : Норма: ИНФРА-М, 2018. — 271 с.

Негосударственные участники мировой политики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальности) «Междунар. отношения» : учеб. пособие для студентов вузов и фак. гуманитар. и социал.-экон. профиля / [А. В. Барсукова и др.] ; под ред. М. М. Лебедевой, М. В. Харкевича. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 206, [1] с. — (Учебник нового поколения). — (Для магистрантов).

Никитин, А. И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование : учебник в процессе обучения студентов вузов, обучающихся по направлениям подготовки (специальностям) «Междунар. отношения» и «Зарубеж. регионоведение» / А. И. Никитин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 383, [1] с.: ил., карты.

Никитина, Ю. А. Введение в международные отношения и мировую политику: учеб. пособие для студентов гуманитар. вузов и фак. / Ю. А. Никитина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — 4-е изд., испр. и доп. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 157, [1] с.

Никонов, В. А. Лидерство по-русски / Вячеслав Никонов. — Москва : Э, 2017. — 526, [1] с. — (Актуальная тема).

Ореховский, П. А. «Акторно-сетевой подход» Б. Латура и «фактор культуры» в анализе экономических процессов / П. А. Ореховский // Общественные науки и современность. — 2017. — № 3. — С. 157–167.

Паин, Э. А. Нация и демократия : перспективы управления культурным разнообразием / Эмиль Паин, Сергей Федюнин ; Фонд «Либеральная миссия». — Москва : Мысль, 2017. — 265 с. — (Свобода и право).

Паршин, П Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 14-21.

Плотникова, О. В. Международные связи регионов государств: характеристика и особенности : учебник / О. В. Плотникова, О. Ю. Дубровина. — Москва : Норма: ИНФРА-М, 2016. — 191 с.

Поворот на Восток : развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / [И. А. Макаров и др.] ; отв. ред. И. А. Макаров. — Москва : Междунар. отношения, 2016. — 447 с.: ил., карты.

Пономарева, Е. Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов // Обозреватель = Observer. — 2015. — № 11 (310). — С. 59-73.

Публичная дипломатия : теория и практика / [Е. А. Антюхова и др.] ; под ред. М. М. Лебедевой ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 269, [2] с.: ил. — (Социокультурные аспекты национальной безопасности России).

Пшизова, С. Н. Можно ли управлять демократией? Ч. 1 / С. Н. Пшизова // Полис: Политические исследования. — 2013. — № 6. — С. 171-183.

Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / [С. М. Рогов и др. ; отв. ред. и рук. исслед. д.и.н., акад. РАН С. М. Рогов] ; Ин-т США и Канады Рос. акад. наук. — Москва : Весь Мир, 2017. — 426 с.: ил. — (Социокультурные аспекты национальной безопасности России).

Русинова, В. Н. Действие международного права прав человека в отношении неправительственной стороны вооруженного конфликта / В. Н. Русинова // Международное публичное и частное право. — 2013. — № 6. — С. 8–12.

Садыкова, Э. Проблемы межцивилизационного взаимодействия и негосударственные акторы в современных международных отношениях / Э. Садыкова // Международная жизнь. — 2012. — № 4. — С. 109–122.

Саломатин, А. Ю. Европейский парламент : политико-правовое исследование / А. Ю. Саломатин, А. В. Меликов. — Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2017. — 88, [2] с.: ил., портр. — (Научная мысль).

Самойленко, В. В. Профессиональные секреты дипломата : учеб. пособие для вузов / В. В. Самойленко ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2017. — 267, [2] с.: ил.

Сафронова, Е. В. Международное публичное право: теоретические проблемы: / Е. В. Сафронова. — Москва : РИОР: ИНФРА-М, 2013. — 131, [1] с. — (Научная мысль). — (Электронно-библиотечная система znanium.com).

Селентьева, Д. О. Политическая имиджелогия: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям / Д. О. Селентьева. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2017. — 191, [2] с. — (Бакалавр и магистр. Академический курс). — (УМО ВО рекомендует). — (Соответствует программам ведущих научно-образовательных школ).

Сергеев, А. Л. Российская государственность в XXI веке: основные проблемы: / А. Л. Сергеев. — Москва : Проспект, 2017. — 173 с.

Сирота, Н. М. Политическая конфликтология : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Н. М. Сирота. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Юрайт, 2017. — 105, [1] с. — (Университеты России). — (Соответствует программам ведущих научно-образовательных школ).

Современная Россия и мир: альтернативы развития (имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях) : сб. науч. ст. / [редкол.: Ю. Г. Чернышов (отв. ред.) и др.]. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. — 233, [1] с. — (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 33. Сентябрь 2017 г.).

Современные международные отношения: учебник и практикум для акад. бакалавриата : для студентов вузов, обучающихся по гуманитар. направлениям и специальностям/ [Белозеров В. К. и др.] ; под ред. А. И. Позднякова [и др.]. — Москва : Юрайт, 2017. — 338, [1] с.: ил. — (Бакалавр. Академический курс). — (УМО ВО рекомендует). — (Соответствует программам ведущих научно-образовательных школ).

Субъекты современного международного права / [О. И. Тиунов и др.] ; отв. ред. О. И. Тиунов ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — Москва : ИНФРА-М, 2016. — 182, [1] с.

Сурма, И. В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия / И. В. Сурма // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 4. — С. 141-151.

Тишков, В. А. О главных акторах цивилизационного диалога : культурное и языковое разнообразие современных наций / В. А. Тишков // Полис: Политические исследования. — 2012. — № 5. — С. 77–85.

Толкачев, В. В. Религиозные акторы в современной мировой политике: роль, возможности, перспективы развития / В. В. Толкачев // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 3. — С. 75–80.

Томсинов, В. А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией / В. А. Томсинов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юрид. фак. — Москва : Зерцало-М, 2017. — 131, [1] с.

Тонконогов, А. В. Псевдогосударства как акторы современной глокализации / А. В. Тонконогов // Социально-гуманитарные знания. — 2015. — № 6. — С. 59-73.

Уденко, Е. И. [Рецензия] / рец. Е. И. Уденко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12 «Психология, социология, педагогика». — 2013. — Вып. 2. — С. 178-180. — Рец. на книгу: Гражданское общество и международное управление: роль неправительственных акторов в глобальных и региональных инструментах регулирования (Civil Society and International Governance: the role of non-state actors in global and regional regulatory frameworks) / под ред. Д. Армстронга, В. Белло, Дж. Гилсон и Д. Спини. — Лондон; Нью Йорк, 2011.

Фельдман, Д. М. О правилах мировой политики / Д. М. Фельдман // Вопросы философии. — 2012. — № 5. — С. 35–46.

Фитуни, Л. Л. Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке» / Л. Л. Фитуни, И. О. Абрамова // Азия и Африка сегодня. — 2014. — № 12 (689). — С. 8–15.

Фокина, В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1. — С. 61–65.

Фролова, Е. А. Дальневосточные субъекты Российской Федерации как акторы контактности и барьерности границы / Е. А. Фролова // Власть. — 2014. — № 8. — С. 51–57.

Целевые ориентиры государственной национальной политики: возобновление человеческого ресурса и национальные культуры: проблема Другого / [Е. С. Бакшеев и др.] ; под ред. О. К. Румянцева, А. Ю. Шеманова. — Санкт-Петербург : Алетейя, 2018. — 355, [3] с.: ил. — (Государственная национальная политика и межнациональные отношения).

Чернядьева, Н. А. Международный терроризм: происхождение, эволюция, актуальные вопросы правового противодействия / Н. А. Чернядьева. — Испр. изд. — Москва : Проспект, 2017. — 381 с.

Широкорад, А. Б. Курилы — щит и богатство России / А. Б. Широкорад. — Москва : Вече, 2017. — 349, [2] с., [8] л. ил. — (Хроники современности).

Ширшов, С. А. Государство как субъект международных отношений в условиях глобализации / С. А. Ширшов // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — № 3. — С. 325–333.

Шишкина, О. В. Внешнеполитические ресурсы. Россия и ЕС на пространстве «общего соседства» / О. В. Шишкина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. — Москва : Аспект Пресс, 2013. — 156, [1] с.: ил. — (Постсоветские и восточноевропейские исследования; 1).

Шорохов, В. А. Русь и другие ведущие акторы Восточной Европы в IX в. / В. А. Шорохов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 «История». — 2012. — Вып. 4. — С. 172–176.

Шубенкова, А. Ю. Сравнительный анализ участия общественных групп в формулировании государственных стратегий в России, Норвегии и Южной Корее / А. Ю. Шубенкова // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2012. — № 2. — С. 162–173.

Яковлева, Н. В. Особенности сотрудничества между Германией и Россией в рамках парадипломатии / Н. В. Яковлева, И. М. Левкин // Российское предпринимательство. — 2013. — № 22 (244). — С. 106–113.

Статьи из научных электронных библиотек eLibrary и Киберленинка

Акимов, Ю. Г. Зарождение идентификационной парадипломатии субъектов Российской Федерации / Ю. Г. Акимов // Внешнеполитические интересы России: история и современность : сб. материалов III всерос. науч. конф. / Самар. гуманитар. акад., Самар. нац. исслед. ун-т им. академика С. П. Королева, Сарат. нац. исслед. гос. ун-ет им. Н. Г. Чернышевского. — Самара, 2016. — С. 13–0.

Акимов, Ю. Г. Идентификационная парадипломатия несуверенных территориальных акторов (на примере Квебека, Каталонии и Фламандского региона) / Ю. Г. Акимов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2017. — № 1. — С. 30–34.

Алексеев, Н. В. Участие церковных организаций в международных отношениях / Н. В. Алексеев // Проблемы постсоветского пространства. — 2017. — № 3. — С. 265–272.

Артеев, С. П. Субгосударственные акторы в системе международных отношений / С. П. Артеев // Вестник МГИМО. — 2016. — № 5 (50). — С. 167–171.

Артеев, С. П. Теоретические аспекты деятельности субгосударственных акторов международных отношений / С. П. Артеев // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2017. — № 419. — С. 93–98.

Асадов, Б. Р. Международные молодежные организации общеевропейского пространства: некоторые особенности участия в политике продвижения «мягкой силы» / Б. Р. Асадов, А. В. Кострикин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2016. — Т. 16. № 1. — С. 32–45.

Асадов, Б. Р. оглы. Молодёжные организации в сфере международных отношений: гуманитарные аспекты деятельности / Б. Р. Асадов // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. — 2013. — № 3 (35). — С. 115–124.

Асадов, Б. Р. Роль неправительственных акторов в процессе гуманизации мировой экономики (на примере организаций и институтов молодежи) / Б. Р. Асадов // Проблемы современной экономики (ПСЭ). — 2013. — № 3 (47). — С. 175–180.

Блащаница, А. В. Поселенческое движение на «контролируемых» Израилем арабских территориях как актор международных процессов в контексте ближневосточного урегулирования / А. В. Блащаница // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2011. — № 2. — С. 79–83.

Ватаман, А. В. Формирование новой системы международных отношений и непризнанные государства / А. В. Ватаман // Власть. — 2015. — № 2. — С. 44–47.

Ващенко, А. В. Политика «двойных стандартов» конца XX — начала XXI веков в контексте международно-правовых режимов / А. В. Ващенко, М. П. Теленьга // Вестник ВЭГУ / Вост. экон.-юрид.гуманитар. акад. — 2016. — № 3 (83). — С. 26–32.

Гнатюк, Н. Н. Международная политическая субъектность ЕС в контексте дихотомии агента и структуры / Н. Н. Гнатюк // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 82–91.

Гнатюк, Н. Н. Международная политическая субъектность ЕС: критерии оценки / Н. Н. Гнатюк // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2014. — № 2. — С. 109–116.

Гребенкина, Е. В. Многообразие акторов и новые виды дипломатии: перспективы для «мягкой силы» государства и его внешней политики / Е. В. Гребенкина // Современная Россия и мир: альтернативы развития (имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношени-

ях) : сб. науч. ст. / [редкол.: Ю. Г. Чернышов (отв. ред.) и др.]. — Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. — С. 106-111. — (Дневник Алтайской школы политических исследований; № 33. Сентябрь 2017 г.).

Гребенкина, Е. В. Проблема сетевого взаимодействия в международных отношениях / Е. В. Гребенкина // Идеи и идеалы. — 2014. — Т. 2, № 3 (21). — С. 133–141.

Далевская, Н. М. Институционализация интересов акторов международных отношений на принципах стратегического партнерства / Н. М. Далевская // Проблемы экономики (Харьков). — 2015. — № 1. — С. 22–26.

Демичева, А. В. Глобальные города и их позиционирование в пространстве современных международных отношений / А. В. Демичева // Молодий вчений. — 2016. — № 2 (29). — С. 241–245.

Захарова, В. И. Культурные связи — эффективное средство международных отношений и межкультурных коммуникаций / В. И. Захарова // Ценности и смыслы. — 2014. — № 6 (34). — С. 47–50.

Ильин, И. В. Вопросы преобразования международных организаций в институты глобального управления / И. В. Ильин, М. А. Каверин // Век глобализации. — 2014. — № 2. — С. 32–38.

Исаев, Р. О. Система международных отношений: ситуации и акторы управления миропорядком / Р. О. Исаев // Основы экономики, управления и права. — 2014. — № 4 (16). — С. 29–32.

Карпович, О. Г. Мировая политика и негосударственные участники международных отношений / О. Г. Карпович // Мировая политика. — 2017. — № 3. — С. 119–128.

Карпович, О. Г. Современные научные подходы к исследованию негосударственных участников международных отношений / О. Г. Карпович // Политика и общество. — 2017. — № 2. — С. 57–66.

Крылов, В. А. Терроризм на спортивных соревнованиях, как метод продвижения интересов незаконных негосударственных акторов международных отношений на международной арене / В. А. Крылов, Л. А. Кирьянова, К. М. Комиссарчик // Ученые записки университета Лесгафта. — 2017. — № 9 (151). — С. 155–157.

Кутнаева, Н. Иностранные военные базы на территории постсоветской Центральной Азии / Н. Кутнаева // Центральная Азия и Кавказ. — 2010. — Т. 13, № 2. — С. 82–93.

Лебедева, М. М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 47–55.

Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М. М. Лебедева // Вестник МГИМО Университета. — 2017. — № 3 (54). — С. 212–223.

Лебедева, М. М. Публичная дипломатия и «мягкая сила» при реализации гуманитарной помощи в условиях конфликта Лебедева / М. М. Лебедева // Политическое пространство и социальное время. 1917-2017: смыслы и ценности прошедшего столетия : сб. науч. тр. XXXII Харакского форума / под ред. Т. А. Сенюшкиной, А. В. Баранова. — Симферополь 2017. — С. 133–135.

Лебедева, М. М. Ресурсы влияния в мировой политике / М. М. Лебедева // Полис: Политические исследования. — 2014. — № 1. — С. 99–108.

Мегем, М. Е. Ключевые акторы «мягкой силы» Германии в странах Балтии / М. Е. Мегем, И. П. Максимов, П. С. Грицаенко // Балтийский регион. — 2016. — Т. 8, № 1. — С. 65–85.

Михайлов, А. С. Система взаимодействий акторов международного кластера / А. С. Михайлов // Проблемы современной экономики. — 2013. — № 2 (46). — С. 95–97.

Михневич, С. В. Счастье от разума: «умная сила» КНР и ее влияние на развитие архитектуры безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе / С. В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2016. — Т. 11, № 1. — С. 92–125.

Морозов, М. К. Понятие лидерства в международных отношениях и историческая эволюция его содержания / М. К. Морозов // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2018. — № 2 (18). — С. 71–74.

Паршин, П Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО Университета. — 2014. — № 2 (35). — С. 14–21.

Пипченко, Н. А. Влияние нетрадиционных акторов международных отношений на внешнюю политику государств / Н. А. Пипченко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. — 2014. — № 3 (183). — С. 150–155.

Победаш, Д. И. Индейцы Соединенных штатов как акторы международных отношений / Д. И. Победаш // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2014. — № 3. — С. 5–7.

Пономарева, Е. Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов // Обозреватель = Observer. — 2015. — № 11 (310). — С. 59–73.

Ризоев, Б. М. Сущность и роль государства как первичного субъекта международных отношений / Б. М. Ризоев, Р. А. Мирмаматова // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. — 2010. — № 3. — С. 99–105.

Савкин, Д. А. К вопросу об «акторности» глобальных городов в мировой политике / Д. А. Савкин // Вестник Санкт-Петербургского универ-

ситета. Серия 6 «Политология. Международные отношения». — 2009. — № 4. — С. 176–184.

Сазонова, К. Л. Анализ позиций «Великих держав» по вопросу реформирования организации Объединенных Наций / К. Л. Сазонова // Вестник Башкирск. ун-та. — 2008. — № 3. — С. 673–677.

Сафонкина, Е. А. Турция как новый актор политики «Мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2014. — Вып. 9, № 2. — С. 145–166.

Сербина, А. А. Проблема определения статуса непризнанных государств / А. А. Сербина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». — 2010. — № 4 (47). — С. 86–92.

Смирнова, А. А. Особенности подхода финских организаций в защиту мира к деятельности НАТО / А. А. Смирнова // Studia Humanitatis Borealis. — 2017. — № 2 (9). — С. 24–30.

Столетов, О. В. Университеты как субъекты публичной дипломатии / О. В. Столетов, И. А. Чихарев // Геополитический журнал. — 2013. — № 2. — С. 65–78.

Сурма, И. В. Глобальный наднациональный актор международных отношений и его социальная философия / И. В. Сурма // Вестник МГИМО Университета. — 2013. — № 4 (31). — С. 141–151.

Сухарева, Е. А. Особенности развития Москвы как глобального мегаполиса / Е. А. Сухарева // Век глобализации. — 2013. — № 1. — С. 100–108.

Терновая, Л. О. Акторы — актеры: деловые игры в изучении социологии международных отношений : учебное пособие / Л. О. Терновая, А. В. Багаева — Москва : Этносоциум и межнациональная культура, 2017. — 370 с.

Терновая, Л. О. Военно-этнические группы — акторы международных отношений / Л. О. Терновая, А. В. Багаева // Казачество. — 2017. — № 1 (25). — С. 24–34.

Терновая, Л. О. Геопоэтика versus геополитики / Л. О. Терновая // Среднерусский вестник общественных наук. — 2012. — № 1. — С. 24–32.

Терновая, Л. О. Идентичность как фактор глобального диалога / Л. О. Терновая // Среднерусский вестник общественных наук. — 2011. — № 2. — С. 20–30.

Терновая, Л. О. Международные отношения как текст / Л. О. Терновая // Среднерусский вестник общественных наук. — 2014. — № 2 (32). — С. 185–196.

Тилов, Т. К. Национальная безопасность в информационную эру: мягкая сила новых акторов / Т. К. Тилов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2014. — № 8–2. — С. 152–154.

Тимофеев, О. А. Современная политическая Наука о соотношении понятий «Государство» и «Власть» / О. А. Тимофеев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2010. — № 5. — С. 6–15.

Тирабян, К. К. Диаспора в системе международных отношений в современном мире (на примере армянской диаспоры) / К. К. Тирабян // Управленческое консультирование. — 2017. — № 5 (101). — С. 188–194.

Тиховодова, А. В. Типология акторов глобального гражданского общества / А. В. Тиховодова // Вестник Вятского государственного университета. — 2016. — № 6. — С. 14–17.

Тымчик, В. И. Современная модель международных отношений в контексте международного права и событий в Сирии / В. И. Тымчик, О. А. Булгакова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. — 2017. — № 2 (26). — С. 52–57.

Фокина, В. В. СМИ как акторы мировой политики / В. В. Фокина // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1. — С. 61–65.

Холдоров, О. Н. Место и роль нетрадиционных акторов в мировой политике / О. Н. Холдоров // Вестник Поволжского института управления. — 2017. — Т. 17, № 1. — С. 38–43.

Холдоров, О. Н. Некоторые аспекты взаимодействия государств и нетрадиционных акторов в международной политике / О. Н. Холдоров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. — 2017. — Т. 73, № 4. — С. 155–163.

Холдоров, О. Н. Формирование нетрадиционных акторов в мировой политике и международных отношениях / О. Н. Холдоров // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук (ТГУПБП). — 2017. — № 2. — С. 138–147.

Цырфа, Ю. А. Теоретические основы формирования внешнеполитической идентичности актора международных отношений / Ю. А. Цырфа // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — № 1 (27). — С. 174–179.

Шабалина, В. С. Вопрос потенциала развития транснациональных компаний в мировой политике / В. С. Шабалина, Н. Н. Черкасова // Наука и Мир. — 2016. — Т. 2, № 5 (33). — С. 177–179.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АлтГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — ***проведение международных научно-практических конференций, издание сборников*** по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

29–30 сентября 2016 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе).

28–29 сентября 2017 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях).

Кроме этого, Школа постоянно занимается ***просветительской работой*** — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — ***консультирование, проведение прикладных политологических исследований.*** Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернатор-

ских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, серийному изданию «Дневник АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ стала лауреатом IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» и была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджелогической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований № 23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке)».

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
🗁 E-mail: ashpi@hist.asu.ru
💻 http://ashpi.asu.ru/ic/

Информация об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Арпентьева Мариям Равильевна

Доктор психологических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естествознания, профессор кафедры психологии развития и образования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Барсуков Александр Михайлович

Кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Березняков Дмитрий Владимирович

Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вольтер Ольга Владимировна

Доктор политических наук, кандидат философских наук, г. Армавир

Бикетова Анна Александровна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Вьюжанина Евгения Андреевна

Магистрант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Гаврилова Юлия Александровна

Кандидат юридических наук, заведующий кафедрой права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Григорян Григор Паруйрович

Магистр международных отношений, соискатель, Ереванский государственный университет, факультет международных отношений, г. Ереван, Армения

Дейч Татьяна Лазаревна

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН, г. Москва

Демидов Валерий Викторович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Дергачева Влада Евгеньевна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Дерендяева Анна Дмитриевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Долгов Кирилл Дмитриевич

Соискатель Института Африки РАН, г. Москва

Должиков Вячеслав Александрович

Доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений, г. Барнаул

Ермизина Анна Павловна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Желдыбаева Акерке Талгатбеккызы

Специалист Центра обслуживания студентов в Казахстанско-Американском свободном университете, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Зокирзода Фирузджони Бахтиёр

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Республика Таджикистан

Золотарев Федор Евгеньевич

Студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Игумнова Людмила Олеговна

Кандидат исторических наук, доцент, г. Иркутск

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Корсун Дарья Сергеевна

Проект-менеджер, исследовательский институт Global Climate Forum, г. Берлин, ФРГ

Кулачкова Елизавета Дмитриевна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ларионова Юлия Владимировна

Студентка специальности «Международные отношения» Казахстанско-Американского свободного университета, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Леденев Денис Вячеславович

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лекаренко Оксана Геннадьевна

Доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Лу Юй

Аспирант Шанхайского университета иностранных языков, стажер на кафедре всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Шанхай, КНР

Малышева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Миронов Виктор Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Назаршоева Сакина Фарухшоевна

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, Республика Таджикистан

Пахалюк Константин Александрович

Главный специалист Научного отдела Российского военно-исторического общества, г. Москва

Плотников Дмитрий Сергеевич

Кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и кафедры управления историко-политологического факультета Пермского национально-исследовательского университета, г. Пермь

Попеляев Антон Александрович

Студент исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Райкин Роман Ильич

Кандидат физико-математических наук, проректор по развитию международной деятельности Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Реут Олег Чеславович

Кандидат технических наук, старший научный сотрудник, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск

Рокки Тони (Rocchi Tony)

Научный сотрудник Справочной библиотеки Торонто (Toronto Reference Library), магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада

Савоськин Алексей Максимович

Студент исторического факультета направления «История» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государсвтенного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Тажиева Маржан Нурбековна

Старший преподаватель кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Института Африки РАН, г. Москва

Ульянов Павел Владимирович

Ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Умитчинова Ботагоз Аспандиаровна

Старший преподаватель кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета, докторант I курса специальности «Юриспруденция», г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Фоминых Алексей Евгеньевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник Центра совершенства им. Жана Монне Поволжского государственного технологического

университета, доцент кафедры межкультурной коммуникации Марийского государственного университета, г. Йошкар-Ола

Цыплин Виталий Геннадьевич

Кандидат исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, г. Саратов

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Шпагин Сергей Алексеевич

Независимый исследователь, г. Ростов-на-Дону

Щепеткова Анастасия Владимировна

Студентка исторического факультета направления «Международные отношения» Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Юн Ирина Михайловна

Главный специалист Фонда «Бюро Экономического Анализа» (БЭА): реализация проектов Всемирного банка (МБРР) и Евразийского банка развития (ЕАБР), г. Москва

Яблонских Елена Васильевна

Заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Содержание

ЧЕРНЫШОВ Ю.Г. МЕТАМОРФОЗЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ»: К ИТОГАМ ДИСКУССИИ 4

1. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ДО 1991 г. 12

Аршинцева О.А. Образ воюющей страны на политических плакатах: Британская империя и США в Первой мировой войне 12

Бетмакаев А.М. Изучение культурной дипломатии в современной зарубежной историографии «холодной войны» 16

Должиков В.А. Отечественный опыт применения «мягкой силы» во внешней политике (дипломатия Н.Н. Муравьева-Амурского в 1848–1860 гг.) 22

Лекаренко О.Г. Мирный атом как инструмент «мягкой силы» сверхдержав в 1950-е гг. 27

Малышева Н.С. Культурная дипломатия США в отношении социалистической Польши во второй половине XX века ... 31

Фоминых А.Е. Публичная дипломатия в публичной истории: американские выставки в СССР в восприятии советских людей (1959–1991) 34

2. СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПРАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» АКТОРАМИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ 41

Арпентьева М.Р. Концептуальные проблемы теории «мягкой силы» 41

Вольтер О.В. Гуманитарная дипломатия Русской православной церкви и исламских организаций как фактор «мягкой силы» в продвижении духовно-нравственных ценностей российской цивилизации 48

Гаврилова Ю.А. «Мягкая сила» и международные экологические отношения 53

Григорян Г.П. Состояние культурно-ценностной взаимной притягательности на пространстве СНГ 58

Дейч Т.Л. «Мягкая сила» как инструмент политики Китая в Африке 64

Демидов В.В., Яблонских Е.В. Китайская «мягкая сила» в сербском сегменте Нового Шелкового пути 69

Долгов К.Д. «Мягкая сила» в Восточноафриканском сообществе...71
Желдыбаева А.Т. Стратегия «мягкой силы» как инструмент политики Турции в отношении Казахстана.....77
Зокирзода Ф.Б., Курныкин О.Ю. Иран: практика использования «мягкой силы» в Центральной Азии 83
Золотарев Ф.Е. «Мягкая сила» в сотрудничестве Германии со странами Центральной Азии 88
Коваленко Л.Г. «Мягкая сила» и ее механизмы в политическом процессе.....93
Козлов С.В., Березняков Д.В., Барсуков А.М. «Мягкая сила» России на евразийском пространстве 97
Козулин В.Н. Пророссийский вектор в современной западной публицистике как ресурс «мягкой силы» современной России?.....104
Курныкин О.Ю. Ресурсы и потенциал «мягкой силы» во внешней политике Индии.....111
Ларионова Ю.В. «Мягкая сила» Европейского союза и миграционный кризис 117
Лу Юй «Культурная мягкая сила»: китайская перспектива 123
Миронов В.В. «Мягкая сила» и «жесткая реальность»: некоторые проблемы применения концепции Дж. Ная в США и России.....128
Пахалюк К.А. Мягкая сила и политика памяти в контексте внешней политики современной России: точки пересечения 134
Плотников Д.С. «Мягкая сила» Китая и России в Центральной Азии в сфере образования.....141
Рокки Т. Имидж современных европейских сепаратистских, автономных и региональных партий и движений: политика «мягкой силы» 146
Сковородников А.В. Россия и Сербия: исторические стереотипы и «мягкая сила».....152
Табаринцева-Романова К.М. Движение «Слоу фуд» как успешный актор эногастродипломатии 157
Тажиева М.Н. Национальные проекты Казахстана как инструмент «мягкой силы» во внешнеполитическом курсе страны 162

Турьинская Х.М. «Мягкая сила» и страновые национализмы: противоречия региональной политической интеграции в Восточной Африке 166

Умитчинова Б.А. «Мягкая сила» как фактор обеспечения экономической безопасности в рамках ЕАЭС 171

Цыряпкина Ю.Н. Языковая политика Казахстана в 2010-е годы в условиях внешних вызовов 176

Шпагин С.А. Лингвострановедческий аспект «мягкой силы» 181

Юн И.М. Противостояние на Корейском полуострове: специфика использования «мягкой силы» 189

3. МОЛОДЕЖНАЯ СЕКЦИЯ..... 193

Бикетова А.А. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» 193

Вьюжанина Е.А. Миграционная политика России как инструмент «мягкой силы» в отношениях с постсоветскими республиками Центральной Азии 196

Дергачева В.Е. Вьетнамская война: соотношение информации и пропаганды в американских СМИ.....200

Дерендяева А.Д. Использование инструментов "soft power" КНР в отношении Республики Казахстан.....204

Ермизина А.П. Антикризисные мероприятия Европейского Союза в сфере миграционной политики: интеграционный потенциал «мягкой силы» 209

Кулачкова Е.Д. Американские СМИ как инструмент и фактор «мягкой силы»: освещение вопроса о наличии ОМП в Ираке (сентябрь 2001 — март 2003 гг.) 214

Леденев Д.В. Политика РФ на постсоветском пространстве и становление новой российской дипломатии 219

Назаршоева С.Ф. Образ России в глазах мигрантов из Республики Таджикистан 226

Попеляев А.А. Освоение Арктики как инструмент «мягкой силы» СССР 231

Савоськин А.М. Фактор культурного влияния как инструмент объединения южных славян в программе «Начертание»..234

Самойлов Н.Ю. Великобритания и Содружество Наций в 1949–1982 гг.: отдельные аспекты реализации политики «мягкой силы».....239

Ульянов П.В. Образ России как «союзника» в британской пропаганде периода Первой мировой войны.....*244*

Щепеткова А.В., Козулин В.Н. Зарождение русско-французской торговли и ее влияние на развитие дипломатических отношений между Россией и Францией.....*249*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ «РЕСУРСЫ „МЯГКОЙ СИЛЫ“: ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ И НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ АКТОРАМИ».....**254**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....**269**

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ.....**273**

СОДЕРЖАНИЕ.....**278**

Серийное научное издание

Дневник Алтайской школы политических исследований № 34. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Ресурсы «мягкой силы»: опыт использования государственными и негосударственными акторами)

Сборник научных статей

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 30.10.2018
Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 16,97
Тираж 200 экз. Заказ 484

Типография Алтайского государственного университета
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66